

НАРОДЫ РОССИИ.

ВЫПУСКЪ II.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Латыши и Литовцы.	7. Вотяки.
2. Финны.	8. Зыряне.
3. Эсты.	9. Черемисы.
4. Карелы.	10. Вогулы.
5. Ливы.	11. Пермьки.
6. Мордва.	12. Евреи.

Четыре хромолитографіи и 7 гравюръ.

Подписная цѣна 1 рубль безъ пересылки.

Въ отдѣльной продажѣ 1 р. 50 к.

Подписка продолжается.

Условія подписки на четвертой страницѣ.

—*—

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФИЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».
ВОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, д. № 39.
1878.

НАРОДЫ РОССИИ.

ЖИВОИСНУЮЩІЙ АЛБЪОМЪ.

ВЫПУСКЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза»,
Большая Подъячская, № 39.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 апрѣля 1878 года

ЛИТОВСКОЕ ПЛЕМЯ.

V. ЛИТОВЦЫ И ЖМУДИНЫ.

Историческая судьба литовскаго народа.

Въ краѣ, прилегающемъ къ отлогому берегу Балтійскаго моря, издревле обитаетъ литовское племя. Съ давнихъ поръ оно принуждено было бороться съ сосѣднимъ нѣмецкимъ племенемъ, безпощадно его истреблявшимъ и уничтожавшимъ, само тѣснило прилегающія къ нему съ сѣвера финскія племена (эстовъ, куровъ и ливовъ), подвергалось болѣе мирному вліянію окружающихъ его съ востока и юга народовъ славянскихъ (поляковъ и русскихъ), но до сихъ поръ успѣло сохранить свою самобытность.

Происхождение и время появленія литовскаго племени въ Прибалтійскомъ краѣ совершенно неизвѣстно. Положительно извѣстно только то, что литовское племя принадлежитъ къ семьѣ индоевропейскихъ народовъ, ближе всѣхъ изъ нихъ сродно съ славянскимъ племенемъ и говоритъ языкомъ, который изъ всѣхъ индоевропейскихъ языковъ имѣетъ болѣе сходства съ санскритскимъ, изъ котораго, какъ извѣстно, произошло большинство языковъ народовъ, населяющихъ въ настоящее время Европу. Есть, впрочемъ, много основаній предпола-

гать, что литовцы составляли нѣкогда единое съ нашими предками славянами племя, изъ котораго развились потомъ двѣ самостоятельныя вѣтви—славянская и литовская.

Литовское племя уже въ IX столѣтіи занимало страну, въ которой обитаетъ нынѣ. Оно всегда являлось раздѣленнымъ на единоплеменные народцы, болѣе или менѣе сохранившіе между собою духовную связь языка, вѣрованій, обычаевъ, образа жизни. Главные, долѣе другихъ сохранившіеся между этими отдѣльными народцами были пруссы (борусы), собственно литовцы и латыши. Не будучи соединены подъ одною верховною властью, окруженные многочисленными и сильными племенами, литовцы не могли удержать на долго своей самостоятельности. Пруссы, обитавшіе между Нѣманомъ и Вислою, были покорены нѣмцами и скоро безслѣдно исчезли изъ исторіи оставивъ только свое имя странѣ ими обитаемой и возникшему тамъ нѣмецкому государству—Пруссіи. Можно сказать—чудомъ сохранились и латыши, также подвергшіеся вліянію и истребленію нѣмцевъ, въ лицѣ рыцарей—крестоносцевъ. Только собственно литовцы сомкнулись въ XII вѣкѣ въ единое княжество, которое вошло въ тѣсную связь съ сосѣдними русскими княжествами, часть которыхъ подчинилась потомъ власти князей, развившагося, таиннымъ образомъ, на литовско-русскихъ земляхъ, Литовско-Русскаго государства. Но скоро оно, соединившись съ сосѣднею Польшею, въ концѣ XV вѣка, утратило свою самостоятельность. При этомъ литовцы увлекли съ собою и связанное съ ними историческими судьбами и искони съ ними сроднившееся бѣлорусское племя, и возвратились вмѣстѣ съ нимъ Русскому государству только въ концѣ прошлаго вѣка, послѣ трехъ раздѣловъ Польши. Въ настоящее время литовское племя состоитъ изъ двухъ главныхъ народностей: латышей и собственно литовцевъ, которые еще подраздѣляются на жмудиновъ, отличающихся отъ литовцевъ только нарѣчіемъ, подобно тому какъ малороссы тѣмъ же отличаются отъ великороссіянъ. Литовцы

и жмудины населяют теперь губерніи Ковенскую, сѣверо-западныя части Виленской и сѣверную половину Сувальской и пограничныя въ послѣдней части Пруссіи. Насчитывается ихъ болѣе полутора милліона.

Характеръ страны.—Занятія, хозяйственный бытъ, жилища, пища и одежда.—Околичная шляхта.

Пространство, населенное въ настоящее время литовскимъ племенемъ, принадлежитъ къ западному отдѣлу такъ называемой сѣверной полосы постоянного хлѣбопашества. По близости къ Балтійскому морю, обилію озеръ и мѣстами болотъ, воздухъ здѣсь наполняется влажностію. Правда, влажность эта, хотя и благотворна для края по причинѣ его глинистой и песчаной почвы, тѣмъ не менѣе, при холодѣ и вредныхъ испареніяхъ изъ болотъ и во многихъ мѣстахъ изъ лѣсовъ, имѣетъ дурное вліяніе на здоровье жителей. Нерѣдко встрѣчается между литовцами болѣзнь *колтуны* — прямое слѣдствіе болотныхъ испареній и сырости климата. Впрочемъ, сильныя вѣтры, преимущественно господствующіе въ западной части Ковенской губерніи, умѣряютъ вредное вліяніе климата. Въ особености же вѣтры эти бывають сильны въ мѣстахъ ближайшихъ къ морю. Тамъ, дѣйствіемъ вѣтра поднимаются огромныя массы песку и образуются изъ него холмы. Самая лучшая и теплая погода бываетъ въ концѣ іюля и началѣ августа. Самые сильныя морозы бывають въ январѣ. Впрочемъ, состояніе температуры края непостоянно: послѣ сильныхъ морозовъ, при западномъ морскомъ вѣтрѣ, бываетъ иногда дождь. Это непостоянство климата вредно отзывается на земледѣліи. Часто поздніе утренніе морозы весною и ранніе осенью губяють растенія. Но всего болѣе вредитъ хлѣбному производству недостатокъ снѣговъ. Не менѣе холода и морозовъ имѣетъ неблагоприятное вліяніе на ра-

стительность и теплая погода, продолжающаяся иногда до поздней осени, потому что тогда появляются на озимыхъ всходахъ черви, которые совершенно ихъ истребляють. Вообще же теплая погода начинается весною здѣсь въ апрѣлѣ, осень же съ сентября продолжается до половины декабря.

Литовцы и жмудины издавна были земледѣльческимъ народомъ, какимъ остались и до послѣднихъ дней. Основу ихъ благосостоянія, особенно населяющихъ Ковенскую губернію, составляетъ воздѣлываніе льна. Впрочемъ и другія отрасли сельско-хозяйственной промышленности, тѣсно связанныя съ земледѣліемъ, находятся въ хорошемъ состояніи и вполне удовлетворяють потребностямъ мѣстнаго населенія. Почва глинистая и песчаная, но съ значительною примѣсью растительной земли, составляя какъ-бы особый видъ чернозема, достаточно плодородна и, не смотря на не особенно совершенныя способы обработки, окупаеть съ избыткомъ трудъ земледѣльца. Садоводство, хотя и не особенно развито, — также составляетъ не малое подспорье въ хозяйствѣ поселянъ. Здѣсь, на открытомъ воздухѣ, произрастають яблоки и груши различныхъ родовъ, бергамоты, дули, вишни, сливы, черешни, дыни и арбузы. Обиліе листовныхъ лѣсовъ (особенно липъ) на Литвѣ и Жмуди способствуетъ развитію пчеловодства. Ни въ одной странѣ не получается меду лучше литовскаго, потому что въ немъ очень мало воску и притомъ медъ высокаго качества. Почти въ каждомъ селеніи можно встрѣтить пчеловодовъ; пчелы здѣсь въ большомъ уваженіи, и у простого народа убить пчелу — считается весьма предосудительнымъ проступкомъ.

Литовцы, а въ особености жмудины, до такой степени привязаны къ домашней жизни, что никогда почти не пускаются въ отдаленныя мѣста, посѣщая только близъ лежащіе города: Вильну, Либаву, Ригу, Тильзитъ, Кенигсбергъ и Ковну, куда они отправляются для продажи хлѣба и льна. Эта привязанность къ домашнему быту служить съ одной стороны причиною малаго развитія торговли въ краѣ (тор-

говля находится въ рукахъ евреевъ), а съ другой—придаетъ особенный характеръ торговымъ сдѣлкамъ, отличающийся недовѣрчивостію и уклончивостію.

Съ открытіемъ весны, до окончанія уборки хлѣба, главное занятіе литовскихъ поселянъ составляютъ полевныя работы, а свободное время посвящается исправленію сбруи, орудій и надворнаго строенія. Осенью и зимою занятіе крестьянъ составляютъ: обработка льна, молотьба хлѣба, отвозъ его на продажу, ухаживанье за скотомъ, приготовленіе дровъ на топливо. Весенніе и зимніе вечера они занимаютъся витьемъ веревокъ и починкою разныхъ хозяйственныхъ вещей. Между крестьянами встрѣчаются довольно искусные столяры, слесаря и кузнецы. Женщины, кромѣ присмотра за домашнимъ хозяйствомъ, лѣтомъ ухаживаютъ за огородами и помогаютъ въ полевыхъ работахъ. Зимою онѣ прядутъ ленъ, пеньку, овечью шерсть и готовятъ изъ пряжи разные ткани: полотна, скатерти, *миласъ* (крестьянское сукно). Здѣшнія полотна отличаются своею тонкостію и добротою. Во многихъ мѣстностяхъ женщины довольно искусно ткутъ и красятъ шерстяныя матеріи, употребляемыя ими въ домашнемъ быту, и даже ткутъ ковры. вмѣсто гаруса, употребляютъ хорошо выкрашенныя нитки изъ тонкой шерсти. Въ прибрежныхъ мѣстахъ вяжутъ рыболовныя сѣти.

Общій характеръ страны представляетъ довольно часто расположенныя небольшія мѣстечки, деревни, и отдѣльные поселки. Довольно часто можно видѣть предъ домами поселянъ небольшіе сады или цвѣтники, въ которыхъ растутъ фруктовыя деревья, разноцвѣтныя шиповники, а иногда розы, маргаритки, настурція, желтыя лиліи, макъ, ароматической горошекъ, рута, а также въ значительномъ количествѣ хмѣль, который разводитъ почти каждый хозяинъ. Все это обнесено плетнемъ и представляетъ издали довольно пріятный видъ. Но по внутреннему устройству дома литовцевъ бѣдны, нечисты и часто устраиваются безъ трубъ. По обилію лѣса они большею частію прочной постройки.

Окна весьма узкія, продолговатыя, прорубаются при соединеніи двухъ бревенъ; только зажиточные поселяне имѣютъ въ своихъ домахъ окна средней величины. Крыши соломенныя. Изба въ Ковенскомъ уѣздѣ и сопредѣльныхъ частяхъ другихъ уѣздовъ называется по литовски *ивене*, въ Шавельскомъ уѣздѣ, Поневѣжскомъ и части Новоалександровскаго—*гричой*, — на Жмуди — *траба*. Она разграничивается сѣнями на двѣ части: въ одной помѣщается семейство хозяевъ и работники, въ другой—владовыя. У богатыхъ поселянъ есть особая пріемная для гостей, называемая *секлѣча*, или *секлѣчава*. Предъ домомъ находится небольшой квадратный дворъ, по сторонамъ котораго расположены амбары и сарай. *Свѣрни* (небольшой амбаръ)—необходимая принадлежность каждаго хозяйскаго двора; въ ней хранится хлѣбъ въ зернѣ и мууѣ, крупа и разные огородныя овощи.

Жмудины въ отношеніи красоты постройки домовъ и опрятности далеко превосходятъ литовцевъ. Особенно въ Тельшевскомъ уѣздѣ, смежномъ съ Пруссіей, дома жмудиновъ вообще красивы и довольно высоки, имѣютъ большія окна и выведенныя въ крышу трубы. Всѣ строенія, составляющія дворъ, называются *нума*; собственно изба—*траоба*; послѣдняя состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: для хозяевъ, работянковъ, склада вещей и продуктовъ. У зажиточныхъ поселянъ имѣется особая комната для гостей, называемая *альжерисъ*. *Траоба* съ высокою соломенною крышею. Порогъ въ домѣ жмудина, какъ передній уголь у литовца, играетъ весьма важную роль. При заложеніи новаго дома жмудины закапываютъ подъ порогомъ деревянный крестикъ и какую либо малую вещь изъ домашняго скарба, какъ зачѣтный, выше всего почитаемый памятникъ своихъ предковъ. Злѣйшій врагъ, переступившій черезъ порогъ дома, принимается какъ пріятель хозяина, и никто безнаказанно не можетъ обидѣть пріятаго. Предваренный о прибытіи челоуѣка ненавидимаго, жмудинъ всячески старается не допустить его въ свой домъ, опасаясь, чтобы

нога врага его не осквернила порога, через который, по народному повѣрью, самъ Богъ входитъ въ избу.

Комнаты въ домѣ жудиновъ всегда опрятно убраны, имѣютъ полъ вымытый, потолоки украшены воткнутыми за перекладину цвѣтами и душистою травою; полы посыпаны ельникомъ. По стѣнамъ висятъ образа работы деревенскихъ живописцевъ. На другой половинѣ, гдѣ помѣщается челядь, въ зимнюю пору находится и животныя: овца или коза, новорожденный теленокъ, а иногда и свинья съ поросятами.

Подобно расположенію литовскихъ строеній, у каждаго жудина при домѣ находится *свирня*, гдѣ сложены въ большомъ порядкѣ хлѣбъ, ленъ, мука, крупа и отличный бѣлизны полотна, главѣйшее издѣліе и парядъ жудяновъ. Въ прежнее время въ свирняхъ хранили военную сбрую; въ рѣдкой жудинской пѣсни не упоминается о ней. Въ свиронѣхъ плачетъ невѣста, когда ее выдаютъ замужъ; въ свиронкѣ кроитъ она полотна для несносныхъ сватовъ, въ свиронкѣ она общается отцу и матери, сестрамъ и братьямъ, что черезъ недѣлю послѣ свадьбы она воротится переодѣтая въ цвѣтной повойникъ къ своимъ роднымъ и т. п.

У жудиновъ постель составляетъ важную принадлежность въ домашнемъ быту и служитъ доказательствомъ достатка и порядка въ хозяйствѣ. Перины и подушки — необходимая принадлежность каждаго хозяина. Жудины обыкновенно спятъ въ амбарахъ, и здѣсь, для предохраненія себя отъ холода, покрываются тонко набитыми перинами. Приданое невѣсты непременно должно составлять нѣсколько перинъ и по крайней мѣрѣ двѣнадцать подушекъ. У литовцевъ, напротивъ, постель не составляетъ предмета особенной важности. Худо сколоченная кровать, постланная сѣномъ или соломой и покрытая простынею, съ подушкою или безъ нея, служитъ для хозяевъ мѣстомъ отдохновенія. Челядь и младшіе члены семьи спятъ на лавкахъ или устроенныхъ, поближе къ печкѣ, нарахъ. Въ Литвѣ для освѣщенія

употребляютъ большею частію лучину, а по Жмуди сальные свѣчи домашняго издѣлія. Впрочемъ, въ послѣднее время стали входить во всеобщее употребленіе керосинъ, извѣстный здѣсь подъ названіемъ *петруль* (петролеумъ).

Хозяйственные принадлежности литовцевъ и жудиновъ удовлетворяютъ только необходимымъ нуждамъ. Кухонный приборъ ихъ составляютъ большой мѣдный котелъ, нѣсколько глиняныхъ горшковъ, желѣзная сковорода, большая глиняная эллиптической формы миска, употребляемая для жареной баранины, телятины или свинины. Столовой приборъ состоитъ изъ глиняныхъ, деревянныхъ и оловянныхъ мисъ и тарелокъ; вилки и ножи употребляются только въ домахъ зажиточныхъ поселянъ, и то при посѣщеніи гостей. Складные ножи составляютъ постоянную принадлежность мужчинъ и женщинъ въ дорогѣ, при полевыхъ работахъ и въ лѣсу.

Литовцы и жудины ѣдятъ три раза въ день: рано утромъ одно или два кушанья ирѣсныхъ, и въ обѣдъ и на ужинъ кисляя и мясныя блюда. Кромѣ обыкновеннаго кушанья, у нихъ въ употребленіи еще нѣкоторыя, исключительно имъ принадлежація, блюда. Таковы напримѣръ: *алодникъ*, приготовляемый на уксусъ и водѣ изъ мелко искрошенныхъ корней красной свеклы, сметаны, укропа, свѣжихъ огурцовъ, круто сваренныхъ яицъ, раковъ или телятины, употребляемый лѣтомъ и всегда съ примѣсью льда. *Ботвинки* — кислый супъ изъ свеклы и ветчины, забѣленный сметаной; *верещакки* — жареное на маслѣ свиное сало, приправленное соусомъ и лукомъ; *сошникъ* — кисловатый супъ, приготовляемый изъ гусиной и поросячьей крови и потроховъ этихъ животныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ супъ подается жениху, ищущему руки дочери хозяйна, какъ знакъ несогласія на бракъ. *Шупеня* — ячменная каша съ горохомъ и свѣжимъ свинымъ саломъ, — подаваемая жениху, служить знакомъ, что онъ хорошо припять въ домѣ. Поросячій хвостъ, воткнутый въ эту кашу посрединѣ миски, означаетъ у жудиновъ,

что родители согласны выдать свою дочь за того, кто за нее сватается. *Пенсак* — постное кушанье, приготовляемое изъ толченыхъ въ ступѣ ячменныхъ зеренъ и гороха. *Конопляники*, или конопляные пироги, пекутся изъ ячменной муки, смѣшанной на-половину съ толченными и конопляными зернами. *Скабенутра*, — приготовляемая слѣдующимъ образомъ: берутъ очищенный жареный картофель, свеклу, лѣсные груши, ячную и гречневую крупу, посыпается все это перцемъ и другими пряностями, потомъ варятъ и заливаютъ все это кислымъ молокомъ. Затѣмъ кушанье это, слитое въ особую посуду, стоитъ нѣсколько дней для того, чтобы лучше скисло. Лѣтомъ крестьяне носятъ скабенутру въ поле въ пузыряхъ или кожаныхъ мѣшкахъ.

Поселяне въ лѣтнее время носятъ *кумала* — кафтанъ, сшитый изъ толстаго холста — *дробе* или изъ ткани льняной, смѣшанной съ шерстью и нерѣдко подкрашенной въ синій или зеленый цвѣтъ; обыкновенный же костюмъ ихъ *стрменга*, кафтанъ изъ сѣраго домашнего сукна, называемаго *миласъ*. Зимомъ подъ кафтанъ надѣваютъ баранью шубу. Покрой платья отличается болѣе удобствомъ, чѣмъ изящностію формы. Одежда эта, обыкновенно, напередѣ застегивается желѣзными или мѣдными крючками и опоясывается, по большей части, зеленымъ или пестрымъ поясомъ и даже платкомъ. Молодые парни носятъ яркихъ цвѣтовъ пояса и фуражки или шапки съ козырьками и различной формы мѣховыя шапки, крытыя сукномъ. На Жмуди употребительны еще шляпы валеныя изъ черной шерсти, и въ Литвѣ соломенныя изъ домашняго издѣлія. Обувь составляютъ сапоги и кожаные «ходаки» въ родѣ употребительныхъ въ великороссійскихъ губерніяхъ котовъ, которые привязываются къ ногамъ шнурками, охватывающими вмѣстѣ и онучи; но въ восточной части Ковенской губерніи, собственно у литовцевъ, употребляются и лапти. Сапоги же, хотя ихъ имѣютъ почти всѣ поселяне, надѣваются очень рѣдко, по большей части только въ праздничные

дни, исключая крестьянъ особенно зажиточныхъ, которые всегда носятъ сапоги. Волосы въ Литвѣ и на Жмуди стригутъ обыкновенно въ кружокъ, а бороду брѣютъ, оставляя одни усы.

Женщины покрываютъ головы бѣлыми или другаго цвѣта платками, а иногда и чепцами. Дѣвушки обыкновенно не покрываютъ головы, а заплетаютъ волосы въ двѣ косы, украшая концы ихъ лентами яркихъ цвѣтовъ. На шею надѣваютъ множество бисерныхъ, а дочери зажиточныхъ хозяевъ и коралловыхъ ожерельевъ. Платьемъ для женщинъ вообще служатъ рубашка, короткія юбки и разноцвѣтные фартуки; кафтаны похожи на мужскіе, но гораздо короче. Обувь замужнихъ женщинъ составляетъ родъ «ходокая», а дѣвушка носятъ башмаки, особенно по праздникамъ. Нужно замѣтить, что жмудины вообще, а преимущественно жители уѣздовъ, прилегающихъ къ Пруссіи и Курляндіи, будучи болѣе зажиточны, чѣмъ литовцы, также далеко превосходятъ ихъ и опрятностію одежды. Особеннымъ богатствомъ одежды отличаются приходы Свѣдотскій и Купишкскій Вилькомирскаго уѣзда и нѣкоторые — Новоалександровскаго. Здѣсь, даже въ будни, женщины носятъ юбки изъ тонкой, голубаго цвѣта, шерстяной матеріи, а въ праздники и шелковыя съ множествомъ складокъ назади. Онѣ надѣваютъ также атласныя и бархатныя «шнуровки» (корсеты), безъ рукавовъ, обложенныя галунами. Шнуровки эти застегиваются серебряною цѣпочкою или такими же крючками. Всѣ носятъ башмаки. Въ Вилькомирскомъ уѣздѣ замужнія женщины покрываютъ головы большими платками, свернутыми на подобіе чалмы. Дѣвицы убираютъ голову множествомъ ленточекъ и натуральныхъ цвѣтовъ. Старухи сверхъ платковъ надѣваютъ бархатныя шапочки, составляющія также и необходимую принадлежность свахи.

Относительно степени благосостоянія, вообще нужно сказать, что оно распредѣлено между литовскими и жмудскими поселянами далеко неравномѣрно. Дѣло въ томъ, что здѣсь, какъ и вообще въ за-

падною графъ Россіи, большинство крестьянъ были крѣпостные. После освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, по закону 19 февраля 1861 года («Положеніе о крестьянахъ»), предоставлено право на землю только тѣмъ изъ нихъ, которые къ этому времени пользовались землею; крестьяне же, не владѣвшіе въ это время поземельными участками, оставлены безъ земли. Хотя въ послѣдствіи и были приняты мѣры къ обезпеченію участи этихъ безземельныхъ, но число ихъ до настоящаго времени еще очень велико. Такъ, изъ общаго числа крестьянскаго населенія Ковенской губерніи—318,800 душъ мужскаго пола — третья часть, а именно 110,800 душъ, не имѣетъ земли и представляетъ массу батраковъ, вутниковъ и бобылей, не имѣющихъ никакой собственности и изыскивающихъ средства къ существованію наемнымъ трудомъ у помѣщиковъ и крестьянъ, владѣющихъ землею и ведущихъ самостоятельное хозяйство. Кутники еще имѣютъ собственные дома, но такъ какъ они построены не на собственной землѣ, то за наемъ ея приходится платить. Вслѣдствіе значительнаго числа бѣдныхъ и безземельныхъ крестьянъ, заработная плата очень низка. Такъ какъ землю литовскіе крестьяне владѣютъ не сообща, какъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, а подворными участками, то и среди самыхъ надѣленныхъ землею крестьянъ встрѣчается рѣзкое различіе: одни имѣютъ 3 десятины, иные 10 и 15, между тѣмъ какъ другіе 50 и даже 100. Само собою разумѣется, что и степень ихъ благосостоянія также различна.

Въ Ковенской губерніи находится весьма много селеній, называемыхъ *«околицами»*, въ которыхъ живутъ мелкопомѣстные дворяне (шляхта), вмѣстѣ съ своими бывшими крестьянами, и однодворцы, т. е. тоже дворяне, имѣющіе небольшой земельный участокъ. Каждый изъ нихъ живетъ про себя и весьма рѣдко видитъ своихъ сосѣдей, исключая случайной встрѣчи при полевыхъ работахъ. Дома шляхтичей мало чѣмъ лучше крестьянскихъ избъ: они отли-

чаются величиною, большими окнами и особенно фруктовымъ садомъ, въ которомъ между яблонными, грушевыми и вишневыми деревьями расположены часто пчелиные ульи. Сарай для скота, сѣнникъ, овинъ, свирня и складъ дерева и дровъ принадлежитъ также къ отличительнымъ признакамъ панскаго дома. Дворы, хотя обнесены плетнями для защиты луговъ и огородовъ отъ домашнихъ животныхъ, но воротъ нигдѣ не видно. Въѣздъ на дворъ есть продолженіе кривой грязной улицы и едва доступенъ за грязью въ дождливую погоду даже лѣтомъ, не говоря уже о веснѣ и осени. Дома пановъ состоятъ изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ сѣнями, и кухни—съ очагомъ. Одна половина—свѣтлица для пановъ—съ печью и трубою; другая—курная хата— для работниковъ. Здѣсь, какъ и въ крестьянскихъ избахъ, держатъ животныхъ: гусей, куръ, телятъ, кроликовъ и т. п. Здѣсь же во время жатвы накрывается столъ для рабочихъ, которые обыкновенно собираются разъ въ день для ужина, такъ какъ обѣдъ берутъ съ собою въ поле.

Быть околичной шляхты имѣетъ большое сходство съ житьемъ-бытьемъ мелкопомѣстныхъ дворянъ въ Малороссіи. Простота нравовъ такая же, какъ тамъ. Паненки (барышни), нерѣдко совсѣмъ босыя и почти всегда безъ чулокъ, выходятъ на лугъ въ росу и на грязный дворъ и даже до хлѣбовъ, неприступныхъ за грязью въ самую лучшую сухую пору года. Встаютъ по околицамъ рано, съ восходомъ солнца, часа въ три лѣтомъ, завтракаютъ около 9 часовъ утра и послѣ или даже предъ обѣдомъ отдыхаютъ. Ужинъ у старыхъ пановъ не въ обычаѣ. Чай съ хлѣбомъ и сыромъ замѣняютъ его по большей части, и только для рѣдкихъ гостей дѣлаютъ исключеніе.

Наружный видъ литовскаго народа не представляетъ никакихъ отличительныхъ особенностей отъ обычнаго арійскаго типа, въ которому принадлежитъ большинство народовъ средней и западной Европы. Цвѣтъ кожи литовца ничѣмъ не отличается отъ блага

цвѣта европейца. На продолговатомъ лицѣ, подобномъ малороссійскому, бросается въ глаза величина рта, часто несоразмѣрная, особенно у женскаго пола. Глаза большею частію голубые, волосы блѣднокурные, у малолѣтнихъ на подобіе льна. Вообще можно сказать, что литвяки, хотя въ молодости свѣжія и румяныя, не отличаются красотой, и правильныя черты лица почти не встрѣчаются между ними. Онѣ рано старѣютъ и уже въ среднемъ возрастѣ являются блѣдными, истощенными, морщиноватыми. Впрочемъ, простолюдины тѣлосложенія крѣпкаго, сильны, здоровы и способны переносить непогоды и неудобства деревенскаго быта. По всѣмъ этомъ примѣтамъ, литовцы занимаютъ, такъ сказать, средину, между славянами и своими сѣверными сосѣдями—скандинавами.

Привязанность къ своей родинѣ и вѣрѣ, гостепріимство, бывшее въ языческія времена подъ покровительствомъ особыхъ боговъ, простодушіе, мужество и у жмудиновъ—хитрость составляютъ главныя черты въ характерѣ литовца. Миролюбіе и добродушіе литовскаго поселанина обнаруживается въ его домашней и общественной жизни. Довѣріе его къ честности другихъ, простирающееся изъ собственной совѣстливости, простирается до того, что крестьянскія жилища, одинако разсѣянныя по лѣсамъ и рощамъ, не только ничѣмъ не огорожены, но даже въ отсутствіе хозяина остаются незапертыми. Цѣломудріе и чистота нравовъ литовскаго народа и его набожность можетъ быть поставлена въ примѣръ другимъ племенамъ. Деревянный крестъ, какъ выраженіе народной набожности, находится на Жмуди почти предъ каждымъ домомъ. Такіе же кресты и столбы съ рѣзнымъ изображеніемъ Іоанна Крестителя, какъ покровителя страны, столь часто ставятся по дорогамъ, что иногда отстоятъ другъ отъ друга на нѣсколько десятковъ шаговъ. Набожный жмудинъ предъ каждымъ изъ нихъ снимаетъ шапку и прочитываетъ «Отче нашъ». Но эта набожность не мѣшаетъ, впрочемъ, литовцамъ сохранять вѣру въ колдовство, наговоры и имѣть много суевѣрій,

отъ которыхъ не совсѣмъ свободны, впрочемъ, и другіе, болѣе развитые народы.

Одинъ авторъ (Юцевичъ) такъ характеризуетъ жмудиновъ: «Крестьянинъ жмудскій живъ, веселъ и дѣятеленъ какъ на полѣ, гдѣ онъ охотно и безъ принужденія занимается своею работою, такъ и въ дорогѣ, когда, запрягнувъ четыре лошади въ огромную бригу, нагруженную льномъ или льнянымъ сѣменемъ, ѣдетъ въ Ригу, Митаву или Либаву. Рѣдко можно видѣть его грустнымъ; съ бодрымъ видомъ, напѣвая деревенскую пѣсню, онъ встрѣчаетъ счастье и несчастье».

По народному литовскому понятію, трудолюбіе есть главное достоинство мужчины и женщины; дѣвушка не должна выходить замужъ, прежде чѣмъ не покажетъ работу своего руководѣля. Такъ въ одной литовской пѣснѣ выхваляется дѣвица за то, что хорошо шьетъ, прядетъ, бѣлье моетъ. «Отчего ты, дѣвица, не ходишь въ хороводъ?» — «Сидѣла дѣвица за столикомъ ткала красно, матери угождала, отъ того и въ хороводъ не ходила». «Хорошая дѣвица, говорится въ другой пѣснѣ, въ хороводъ идетъ изъ за станка, а изъ хоровода придетъ,— за красно берется». Точно также и молодцу честь и хвала за трудъ: «Хорошій молодецъ въ хороводъ идетъ, плугъ принарядивши, а изъ хоровода придетъ—землю пашетъ». Восхваляя свою возлюбленную, молодецъ говоритъ, что онъ узнаетъ ее между всѣми дѣвицами по чистой одеждѣ, по тонкой ткани, по новому ткацкому ставку. То и есть дѣвицѣ, что она пряжа, да ткеть хорошо, да сѣно грестъ умѣетъ, да бѣлье въ пруду моетъ!

Почти всѣ пѣсни литовскаго народа, говоритъ одинъ изслѣдователь (Н. И. Костоморовъ), отличаются непринужденною нравственностію и деликатностію: въ нихъ не воспѣваются преступленія или злодѣянія, и нѣтъ ничего соблазнительнаго, развращеннаго. Въ этой поэзіи не слышно ни раздрающаго вопля отчаянія, ни неистоваго смѣха; нѣтъ ни ослѣпительнаго свѣта, ни чернаго мрака; кака-то

тайнственность развита въ ея созданіяхъ; міръ, куда она вводитъ насъ, напоминаетъ весенній вечеръ при ясной зарѣ, въ душистомъ воздухѣ, среди младенческой, только что воскресшей изъ-подъ снѣга природы; чувствуется разомъ и упоеніе молодой жизни и легкая грусть».

Нѣкоторые мотивы этихъ пѣсень поразительно напоминаютъ мотивы русскихъ пѣсень. Мы приведемъ здѣсь одну изъ литовскихъ пѣсень въ подлинникѣ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ дать понятіе объ языкѣ литовцевъ:

О пер Дунајели,
О пер вандепели,
Атплауниа лајвами.

Там лавня бввнялис
Аксяліо шувялем
Гальвяля шукаво,
Гелтонус плаукелјус
Дунајели лејидо.
Мергужеля мано,
Балта лелвјеля!
Иш уаво ширдялес
Угняля сукуре.
Иш тово ширдялес
Угняля сукуре,
Лигаус леменеліо
Стрѣлбьяля шпдражѣ...

По русски это будетъ такъ:

Вотъ по Дунаю,
Вотъ по водицѣ,
Приплывааетъ чѣлочекъ.
Въ этомъ челпѣ молодець
Золотямъ гребнемъ
Голубушку чесалъ,
Русые волосы
Нѣ Дунай опускалъ.
Дѣвушка, моя
Вѣлая лилеюшка!
Изъ твоего сердечка

Огонекъ зажгли.
Изъ твоего сердечка.
Огонекъ зажгли,
Изъ ровнаго стана
Лугъ выстрогали...

Хотя отличительною чертою большинства литовскихъ пѣсень должно признать унылость мотивовъ, такъ что даже знатоку литовскаго языка трудно отличить напѣвъ свадебный отъ похороннаго, но, по содержанию своему, въ числѣ ихъ немало есть, такъ сказать игриваго, веселаго характера. Вотъ одна изъ такихъ пѣсень:

Эй, что говоритъ хмѣль,
Изъ земли выростая,
Тромъ-тадь, рататадь,
Изъ земли выростая:
«Если вч меня не подопрете
Я по земелькѣ поползу
Тромъ-тадь, рататадь
По земелькѣ поползу...
Говоритъ ячмень,
На горѣ находясь:
«Я зерно
Очень крѣпкое».
Говоритъ хмѣль,
Въ саду находясь:
«Я мудръ, очень добръ» и т. п.

Иногда пѣсни эти сопровождаются пляскою; но пляска эта не отличается ни особенною живостію, ни рѣзвостію, ни игривостію. Нѣкоторыя отъ этихъ плясокъ носятъ на себѣ явный слѣдъ древности, дней давно минувшихъ, времени язычества. Такова напримѣръ, пляска *кирасъ* (топоръ), происходящая обыкновенно въ открытомъ полѣ. Она состоитъ въ томъ, что всѣ танцующіе располагаются въ кругъ, который составляется попеременно изъ мужчинъ и дѣвицъ. Въ среднѣмъ круга становится дѣвушка съ топоромъ въ рукахъ и тогда всѣ участвующіе начинаютъ кружиться при пѣніи слѣдующей пѣсни:

Пляшите, пляшите—
Сегодня время.

Кто пляшетъ, кто веселится,
Тотъ наше дитя.

Богинь
Попросите—о, о!

И богини намъ помогутъ,
Если не сегодня, то завтра!

Сегодня пьемъ, гуляемъ,
Ибо наше время.

Кто можетъ знать,
Что завтра будетъ?

Смѣло ребята съ дѣвицею выскочить,
Прижать къ сердцу сердечку

И расцѣловать.
Ты, красная дѣвица,
Одного изъ насъ выбери!
Кто смѣлѣе всѣхъ—
Къ тому топоръ брось,
Го, го, къ тому топоръ брось!

При послѣднихъ словахъ дѣвушка подбрасываетъ топоръ вверхъ, а мужчины стараются поймать его на воздухъ, и тотъ кто поймаетъ топоръ, выходитъ въ средину круга и пляшетъ съ дѣвушкой. Сдѣлавъ нѣсколько круговъ, цѣлуетъ ее и уступаетъ мѣсто другой дѣвушкѣ, и пѣсня начинается снова.

Это пѣсня съ призываніемъ богинь веселья, это хватаніе топора живо напоминаетъ древнія воинственные пляски литовцевъ около жертвеннаго алтаря и есть, безъ сомнѣнія, такой же остатокъ сѣдой древности, какъ и многое другое въ бытѣ, нравахъ и обычаяхъ литовскаго народа.

Древняя религія литовцевъ.—Ея слѣды въ обрядахъ и повѣрьяхъ настоящаго времени.

Географическое положеніе страны, занимаемой литовцами, имѣло большое вліяніе на бытъ ихъ и характеръ. Литва—это плоская равнина, склоняющаяся къ Балтійскому морю, покрытая мрачными лиственными лѣсами и изрѣдка малыми холмами, обильно орошенная рѣчками, рѣчками, озерами и болотами, съ постоянно почти облачнымъ небомъ. Уединенные въ своемъ прибрежномъ углу, разсѣянные среди обширныхъ лѣсовъ, литовцы долѣ другихъ племенъ удержали слѣды глубокой старины, и ни у одного изъ народовъ, живущихъ въ Европѣ, не сохранилось въ современномъ быту такъ много остатковъ стараго, первобытнаго времени. Въ характерѣ литовскаго народа есть много самозаключенности, много заронившагся въ глубину души и тамъ заснувагшаго, много какъ-бы таинственнаго. Не даромъ въ западной Россіи названіе литовца равносильно названію колдуна. Позже всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ принявшіе христіанство, литовцы, долѣе, даже до нашего времени, сохраняли явные слѣды своихъ языческихъ вѣрованій. Въ своихъ пѣсняхъ, сказаніяхъ, преданіяхъ они до сихъ поръ обращаются къ своимъ древнимъ богамъ, а въ ихъ обрядахъ—повторяются стародавніе обряды языческихъ временъ. У литовцевъ не осталось никакихъ письменныхъ памятниковъ древности, по которымъ можно-бы было составить себѣ понятіе объ ихъ древнемъ бытѣ, но ихъ вполне замѣняютъ для насъ пѣсни; въ нихъ вся ихъ исторія, ихъ міеологія, ихъ бытъ.

Какъ и всѣ другіе народы, литовцы въ древнее время были язычниками. Главнымъ божествомъ у нихъ считался Перьунасъ (славянскій Перунъ), громовержецъ, кромѣ котораго признавалось еще множество другихъ божествъ лѣсныхъ, водяныхъ и воздушныхъ. Кромѣ доб-

рых боговъ, были у литовцевъ и злые, и между ними главный Пикулусъ, богъ ада. Жертвы богамъ приносили въ видѣ растений и животныхъ, изъ числа которыхъ болѣе другихъ предпочитался козелъ. Есть также свидѣтельства о существованіи человѣческихъ жертвоприношеній: люди увѣчные, больные, которымъ жизнь надоѣла, приносили себя въ жертву; отцы приносили богамъ своихъ больныхъ дѣтей. Въ городѣ Рошовѣ обиталъ верховный жрецъ литовцевъ — Криве. Онъ избирался изъ числа жрецовъ на всю жизнь и не могъ оставить своего сана и должности иначе, какъ обрекая себя на сожженіе на кострѣ изъ священныхъ деревьевъ. Его особа окружена была чрезвычайно таинственностію; онъ показывался чрезвычайно рѣдко и въ отдаленныхъ краяхъ, гдѣ его не доводилось лицезрѣть, вѣрили, что Криве не умираетъ, а всегда одинъ и тотъ же. Святость мѣста Рошова въ народѣ поддерживалась уваженіемъ къ неугасимому огню; огонь этотъ не прекращался ни на минуту при неусыпномъ надзорѣ жрецовъ (называвшихся у литовцевъ *войцелотами*) и поддерживался дубовыми деревьями изъ священной рощи. Не только въ мѣстахъ, назначенныхъ для богослуженія, но и въ каждомъ домѣ былъ свой священный огонь, поддерживаемый какъ предохранительный талисманъ отъ всякихъ бѣдъ. Трупы умершихъ также предавались огню. Язычники литовцы вѣрили въ безсмертіе душъ, и воображали себѣ будущую жизнь продолженіемъ настоящей. Они вѣрили, что каковъ бы кто ни былъ на землѣ, богатъ или бѣденъ, рабъ или господинъ, — таковъ будетъ онъ и въ будущей жизни. До сихъ поръ литовцы вѣрятъ, что мертвецы летаютъ по воздуху другъ къ другу на свиданіе, отъ кладбища къ кладбищу. Тотъ, кто родился въ ночь подъ воскресный день, можетъ видѣть полетъ мертвецовъ.

Изъ всѣхъ миеологическихъ вѣрованій въ литовскихъ пѣсняхъ уцѣлѣла болѣе всего слѣды поклоненія солнцу, небеснымъ свѣтиламъ и явленіямъ, что объясняется тѣмъ, что въ земледѣльческомъ быту и жизни, и работы измѣряются по годичнымъ и метеорологиче-

скимъ переѣхамъ. Солнце въ литовскихъ пѣсняхъ олицетворяется существомъ женскаго пола и называется божьей дочерью. Оно существо благое для человѣка, справедливое и сострадательное къ несчастію. «Гдѣ ты пребываешь Сивнита, дочь божія, говорится въ одной пѣснѣ. Сивнита отвѣчаетъ: «За морями, за горами, я призрѣвала сиротъ, согрѣвала пастуховъ, всѣмъ раздавала блага! Солнцу прислуживаютъ утреннія и вечернія звѣзды; утренняя — зажигаетъ ей огонь, — вечерняя приготовляетъ на ночь постель. Луна представляется существомъ мужскаго пола и супругомъ Сивниты. Въ одной пѣснѣ рассказывается, что мѣсяцъ прежде ходилъ по небу со своей супругой, и всходили и заходили они вмѣстѣ, и на ночлегъ вмѣстѣ возвращались. Но однажды, когда, по обычаю, Менесь (мѣсяцъ) повелъ Сивниту домой и уложилъ спать, самъ ушелъ отъ нея погулять и влюбился въ Аушрину (утренницу). Солнце, проснувшись, пошло по небу одно, безъ супруга. Узнавъ объ этомъ, Перкунасъ разрубилъ невѣрнаго мечемъ пополамъ, и оттого мѣсяцъ является съ половиною лица, и оттого свѣтъ его такой грустный.

Въ настоящее время болѣе всего сохранилось остатковъ древнихъ вѣрованій и обычаевъ въ различныхъ обрядахъ литовскаго народа при рожденіи, крещеніи, при свадьбѣ и погребеніи, и также при нѣкоторыхъ праздникахъ.

Такъ, новорожденного младенца бабка обмываетъ въ холодной водѣ, что называется купать «въ потѣ Лаумы» (богини). Крестины справляются болѣе или менѣе торжественно, причемъ каждый входящій гость приноситъ водку, а женщины купанье. Не женатые должны давать по нѣсколько грошей повивальной бабкѣ. Въ этотъ же день кумъ и кума даютъ гостямъ обѣдъ «обѣдъ кумовывъ», для котораго первый обязанъ доставить водку, а послѣдняя закуску. Все это сопровождается различными припѣвами. Такъ, если не достанетъ водки, кума беретъ пироги и съ нимъ подходитъ къ куму, припѣвая:

«Куме ты, ты, ты!
Чтобы водка была
И сладкая и вкусная,—
Вотъ пирожекъ на закуску!»

Родильницу и дитя первое время послѣ родовъ стараются скрыть, полагая, что первая можетъ еще болѣе страдать отъ взоровъ постороннихъ, а дитя подвергается сглазу. До году ребенка держать безъ рубашки, говоря, что будетъ еще время свой вѣкъ сносить. Когда у ребенка прорѣжется первый зубъ, родственники дѣлаютъ пирушку, во время которой поютъ особныя пѣсни, въ которыхъ прославляютъ и благодарятъ Бога, что сократилъ страданія ребенка и далъ міру трудолюбиваго человѣка.

Браки у литовцевъ совершаются рѣдко по влеченію сердца, но болѣе по хозяйственнымъ расчетамъ. Бываютъ случаи, что до вступленія въ бракъ женихъ и невеста совершенно не знаютъ другъ друга. У жмудиновъ, напротивъ, браки основываются на взаимной склонности.

Когда родители жениха порѣшаютъ начинать свадьбу, они посылаютъ свата. Для этого избирается обыкновенно лицо, близкое къ дому избираемой. Сватъ беретъ за-пазуху бутылку водки и отправляется для переговоровъ. Войдя въ домъ, сватъ встрѣчаетъ хозяевъ обычнымъ привѣтствіемъ: «Да будетъ благословенъ Іисусъ Христосъ!» потомъ здороваются со всѣми, вынимаетъ бутылку, спрашиваетъ рюмку и, получивъ ее, выпиваетъ прежде самъ, потомъ приглашаетъ присутствующихъ. Родители уже знаютъ обыкновенно въ чемъ дѣло, но сватъ не обращаетъ на это вниманія и начинаетъ разговоръ издалека:

«У стараго Жирблиса съ Бученева, говоритъ онъ, напримѣръ, есть молодой голубь какъ луна; бѣда, что нѣтъ ему голубицы. Ахъ какой голубь, какой голубь!... За горами мы слышали, что у васъ есть голубица. Нельзя ли соединить этихъ голубей? Сколько было бы птенчиковъ бѣлыхъ, золотыхъ, алмазныхъ»...

Родители, если согласны, отвѣчаютъ: «Герай, благослови Деве» (хорошо, благослови Богъ); если-же не согласны на бракъ, то говорятъ: «Нѣтъ у насъ голубицы». Въ случаѣ согласія допиваютъ всю водку; если же нѣтъ, то обязаны поставить столько, сколько выпито.

Если сватовство состоится, то назначается день для дальнѣйшихъ переговоровъ и обрученія, которое сопровождается также угощеніемъ.

Послѣ обрученія женихъ даетъ невестѣ подарки, деньги на кольца и т. п. и подаетъ объявленіе въ костелъ. При этомъ всендзъ дѣлаетъ жениху и невестѣ экзаменъ, требуя знанія главнѣйшихъ молитвъ и заповѣдей. За три дня до бракосочетанія невеста ходитъ ежедневно по всѣмъ домохозяевамъ своего села и приглашаетъ ихъ на свадьбу, кланаясь и цѣлуя каждого изъ приглашенныхъ. Бракосочетаніе совершается всегда во вторникъ. Празднованіе свадьбы начинается съ понедѣльника въ домѣ родителей жениха и продолжается цѣлую недѣлю. Съ вечера брачнаго дня идетъ пированіе съ танцами какъ у жениха, такъ и у невесты, при чемъ поются различныя пѣсни.

Свадебныя пѣсни литовцевъ болѣею частью грустнаго содержанія, не отъ страха тягости супружеской жизни, а болѣе по причинѣ сожалѣнія о лѣтахъ дѣтства, разлуки съ родной семьей. Дѣвица переходитъ въ другой домъ; это выражается на поэтическомъ языкѣ пѣсень «за море». Сама мать груститъ съ нею: «Пойди мол доченька, моя молодая, говоритъ мать, — пойди во рутувый садочекъ! Что то твоя рута, твоя зеленая, твоя пышная. Наклонились твои вѣточки до земли. Сорви моя доченька, моя молодая, цвѣточки въ саду. Вотъ уже цѣлый дворъ нарядныхъ гостей; засядутъ они за бѣлые столы, а съ ними жениховы сестры. Ты уѣдешь, моя доченька, моя молодая, съ гостями въ чужую сторону, не услышишь какъ загруститъ твой батюшка, какъ вздыхать станетъ твоя родимая матушка; не увидишь, какъ будутъ танцовать твои сестрицы, только услышишь, какъ станетъ куковать кукушка, да синее море будетъ шумѣть у берега!»... «Помостила-бы я мосты, поетъ невеста,

пъзъ чистаго серебра, чтобы можно было воротиться къ матушкѣ, къ моей молодости; зазеленѣетъ рута, зацвѣтутъ розы, а молодости моей никогда не увижу. Какъ вы хотите, чтобы я весела была? обращается невѣста къ сестрамъ: я никогда не ворочусь къ матушкѣ; кто мои руки-ноги согрѣетъ, кто меня ласковымъ словомъ приголубитъ. Свекоръ согрѣетъ руки и ноги; милый заговоритъ ласковымъ словомъ»...

Въ день свадьбы, рано поутру, женихъ отправляется къ невѣстѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ товарищей (друзей), одѣтыхъ въ лучшіе кафтаны, опоясанныхъ красивымъ поясомъ, въ фуражкахъ, обвязанныхъ ленточкою, за которою заложена вѣтка изъ руты. При этомъ головы лошадей, находящихся въ упряжи, украшаются павлиньими перьями, дуга цвѣтами, а къ уздечкамъ привѣшивается множество мелкихъ колокольчиковъ.

Невѣста встрѣчаетъ жениха въ сопровожденіи подругъ, которыя одѣты въ суконныя куртки съ разноцвѣтными фартуками; головы ихъ украшены цвѣтами, а шея коралловыми ожерельями. Обыкновенный подвѣнечный нарядъ невѣсты составляетъ шелковая юбка съ оборками и синій суконный кафтанъ съ простыми отворотами. На голову надѣваютъ рутяный вѣнокъ, который привозитъ женихъ. Въ домъ невѣсты завтракаютъ, танцуютъ подъ скрипку и потомъ отправляются въ костель. Жители деревень, лежащихъ на пути свадебнаго поѣзда, запираютъ на околицѣ ворота, не пропуская проезжающихъ, пока невѣста не броситъ имъ свадебныхъ пироговъ. Во время поѣздки въ костель поютъ разныя пѣсни.

По совершеніи обряда, свитѣ дѣлаютъ обѣдъ, послѣ котораго возвращаются въ домъ невѣсты, гдѣ ея родители встрѣчаютъ молодыхъ съ бѣлымъ хлѣбомъ и стаканомъ пива на тарелкѣ. Тутъ гуляютъ до вечера, по наступленіи котораго, во время танцевъ, сваты платкомъ покрываютъ голову молодой, которая начинаетъ плакать; ее ведутъ къ вечернему столу, а дружки поютъ пѣсни о потерѣ вѣнка.

Въ полночь гости отправляются въ домъ молодаго, гдѣ гуляютъ до утра.

На утро дружки проводятъ изъ амбара (гдѣ спятъ обыкновенно новобрачные) къ жилому дому соломенную веревку, запрягаютъ шесть лошадей, всю упряжь заворачиваютъ въ солому, кучера обвязываютъ также съ головы до ногъ соломой. Устроивъ такой маскарадъ, ѣдутъ за свахами. По приѣздѣ послѣднихъ, идутъ торжественно къ молодымъ съ музыкою, съ пѣснями, снимаютъ вѣнокъ съ головы невѣсты и надѣваютъ чепчикъ или повойникъ. Баба приноситъ блюдо съ водою мыться, въ которое сваты бросаютъ по рублю, а прочіе дружки по полтинѣ, чтобы молодые были бѣлѣе серебра. Затѣмъ молодыхъ приводятъ въ жилой домъ, гдѣ опять начинается пированье и танцы, во время которыхъ вѣшаютъ соломенное чучело подъ именемъ свата, какъ виновника свадьбы. Въ этотъ день невѣста сама приготовляетъ кушанье и угощаетъ гостей, почему это пированье и называется «обѣдъ невѣсты». Родители жениха не участвуютъ въ свадьбѣ.

Замѣчательны также нѣкоторые обычай и повѣрья при кончаніи и погребеніи литовцевъ. Такъ, при долгихъ страданіяхъ умирающаго, дѣлаютъ отверстіе въ крышѣ дома надъ его головою, чтобы душа скорѣе отлетѣла на небо; умершему посыплютъ закрыть глаза, чтобы онъ не заманивалъ другихъ на тотъ свѣтъ. Жемудины кладутъ въ гробъ молодаго человѣка съ кнутомъ за поясомъ, дѣвцу — съ вѣнкомъ на головѣ, а дѣтей — осыпаютъ цвѣтами. Ѣдутъ, по мнѣнію ихъ, нуженъ для путешествій на томъ свѣтѣ и во время поѣздки для посѣщенія мертвецовъ.

Родственники, оплакивая покойника, вычисляютъ его добродѣтели. Полная глубокаго чувства, литовская народная поэзія создала особый разрядъ пѣсенъ похоронныхъ, гдѣ плачутъ о мертвыхъ сродникахъ, родителяхъ, дѣтихъ. Вотъ, на примѣръ, въ одной пѣснѣ сестры-сироты плачутъ на материной могилкѣ и ведутъ съ матерью разговоръ

«Ахъ вы мои дѣточки, мои сироточки, говоритъ имъ изъ могилы матушка: что вы тутъ сидите, вы ѣсть пать хотите!»—«Будемъ ѣсть зеленую траву, а пить будемъ утреннюю росу, отвѣчаютъ дочери,— лишь бы намъ провѣдать нашу матушку».

Оплакиваніе покойника не обходится безъ водки, которую обыкновенно подчуютъ до излишества приходящихъ въ домъ покойника для пѣнія молитвъ, а въ особенности послѣ погребенія.

Еще болѣе остатковъ древняго языческаго быта можно замѣтить въ обрядахъ и вѣрованіяхъ, соединенныхъ съ различными христіанскими праздниками, къ которымъ какъ бы приноровлены древніе языческіе праздники. Такъ, напримѣръ, св. Георгій считается покровителемъ домашняго скота, и поэтому въ день его памяти (23-го апрѣля) литовцы приносятъ въ костель, какъ жертву, различныхъ домашнихъ животныхъ, особенно молодыхъ козловъ. Духовенство, впрочемъ, не старается искоренить этотъ явный остатокъ язычества, а даже его поддерживаетъ. Чтобы и бѣдные могли участвовать въ приношеніяхъ въ день св. Георгія, нѣкоторые настоятели костеловъ заказываютъ восковыя фигуры лошадей, козловъ, овецъ и т. п., которыхъ церковныя сторожа продаютъ у входа въ костель. Каждый, купившій такую фигуру обноситъ ее сначала нѣсколько разъ около костела съ молитвами и потомъ кладетъ на алтарь.

У жмудиновъ особенное чествованіе воздается св. Агаѳи, также очевидно замѣнявшей въ понятіи народа одну изъ языческихъ богинь. Нѣтъ почти не одного селенія, въ которомъ бы не было ея деревяннаго изображенія. Св. Агаѳа преимущественно спасаетъ отъ огня. Въ день празднованія ея памяти освящается въ костелахъ хлѣбъ, который хозяйка тщательно сохраняютъ. Во время пожара кусокъ такого хлѣба обносятъ вокругъ горящаго строенія, послѣ чего пожаръ, по народному повѣрью, долженъ прекратиться. Св. Агаѳа изображается обыкновенно съ хлѣбомъ въ рукѣ.

Въ день Св. Іоанна крестителя (Ивановъ день, 24-го іюня) литовцы, подобно малороссамъ и бѣлоруссамъ, полагаютъ, что вѣдьмы собираются въ одно мѣсто для пляски. Мѣстомъ сбора считается гора Шатрїа въ $2\frac{3}{4}$ верстахъ отъ мѣстечка Лукники въ Шавельскомъ уѣздѣ. Въ предостереженіе себя отъ вѣдьмъ употребляютъ различныя травы и святую воду. Въ ночь на тотъ же день, для очищенія себя отъ грѣховъ, перепрыгиваютъ черезъ разложенный костеръ или кунаются въ рѣкѣ. Св. Матеей считается также покровителемъ Литвы и Жмуди, и день его памяти (21-го сентября) сопровождается празднествомъ, для котораго существуютъ особыя пѣсни.

Народный характер. Историческая судьба и современный бытъ.

Латыши составляют одну изъ отраслей литовскаго племени и населяютъ въ настоящее время южную часть губерніи Лифляндской, западную часть Витебской и всю площадь губерніи Курляндской. Считается ихъ всего болѣе милліона душъ.

Съ самыхъ древнихъ временъ латыши представляются народомъ самостоятельнымъ и никогда не составляли они, подобно литовцамъ, отдѣльнаго независимаго государства или общества, съ своимъ управленіемъ, законами и учрежденіями. Когда, въ началѣ XIII столѣтія, на Балтійское побережье явились нѣмецкіе рыцари крестовосцы, они застали латышей во враждѣ съ сосѣдними финскими племенами—ливами и эстами, и воспользовались этимъ. Латыши приняли сторону новыхъ пришельцевъ и усердно помогали нѣмцамъ въ истребленіи своихъ сосѣдей. Только тогда, когда утомленные постоянною борьбою ливы и эсты погибли подъ гнетомъ чужеземнаго порабощенія, и латыши увидѣли опасность, и пробовали отстоять свою самостоятельность, но уже было поздно. Имъ суждено было подпасть той же участи порабощенія, какую они приготовили своимъ врагамъ. Впрочемъ латыши достигли полнаго торжества надъ ливами; послѣдніе исчезли, и латышская народность заняла ихъ мѣсто, хотя и подъ властью нѣмцевъ. Остатки ливовъ, недобитыхъ старыми и но-

выми врагами своими, были такъ немногочисленны, что съ теченіемъ вѣковъ передѣлались въ латышей, оставя на нихъ слѣды финской подмѣси. Впрочемъ не одни ливы слились съ латышами: курны, литовцы, русскіе и скандинавы, въ видѣ болѣе или менѣе многочисленныхъ группъ вошли съ теченіемъ столѣтій въ составъ латышскаго племени и оставили на немъ замѣтные слѣды. Поэтому латышское населеніе различныхъ мѣстностей Курляндіи и Лифляндіи, гдѣ не успѣли еще сгладиться черты народной жизни, представляетъ замѣтныя особенности то въ обычаяхъ и нравахъ, то въ мѣстномъ нарѣчій, то въ живыхъ еще вѣрованіяхъ и преданіяхъ. Въ самомъ языкѣ латышей можно отыскать слѣды языковъ многихъ народностей, но болѣе всего онъ и по составу словъ, и грамматическому строенію, сходенъ съ языкомъ славянскимъ*), что объясняется впрочемъ тѣмъ, что латыши, какъ отрасль литовскаго племени, составляли въ глубокой древности одно славяно-литовское племя. И до сихъ поръ латыши сознаютъ свое близкое родство съ литовцами и русскими, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ вмѣстѣ, охотно вступаютъ въ бракъ съ ними и отдаютъ своихъ дѣтей за нихъ.

Изъ крестовъ скована Русская земля,

поется въ одной латышской пѣснѣ:

А латышская обитель господамъ;
Черезъ крестъ восходитъ солнце,
А чрезъ господъ заходитъ.
Русскому я даю свою сестрицу,
А самъ беру себѣ литвинку.
Хожу я къ русскимъ, хожу я къ литовцамъ,
Вездѣ мнѣ зятя—родня.

*) Изъ 4,500 первообразныхъ словъ около 1,000 насчитывается имѣющихъ сходство съ славянскими. Напримеръ, *граммата*—громота, книги; *свезте*—святая, *блюада*—блюдо; *ваарит*—варить; *гаспожа*—госпожа; *драука*—другъ, *земе*—земля; *кутчиса*—купецъ; *свеице*—свѣча и т. д.

За то глубокое, неискоренимое чувство неприязни чувствуют и латыши къ своимъ поработителямъ. Въ теченіе шестивѣкового своего подчиненія власти нѣмцевъ латышскому народу пришлось вынести столько утѣсеній и бѣдствій, что не могутъ загладать ихъ долгіе годы болѣе благопріятныхъ отношеній. До начала настоящаго столѣтія латышскіе крестьяне находились въ полной зависимости отъ нѣмецкихъ владѣльцевъ, и не только ихъ имущество, но и самая жизнь находилась въ рукахъ послѣднихъ. Не меньшія тягости приходилось выносить и другой части латышскаго народа, подпавшей власти польскихъ пановъ (въ нынѣшней Витебской губерніи). До самаго освобожденія отъ крѣпостной зависимости латыши были полными рабами своихъ помѣщиковъ, и терпѣли чрезвычайную нужду. Немудрено, что латышскіе крестьяне вспоминаютъ объ этихъ временахъ какъ о періодѣ тяжкаго рабства, какъ это ясно выражается въ латышскихъ пѣсняхъ, описывающихъ ихъ бытъ во время крѣпостнаго состоянія.

О, Боже, куда мнѣ дѣваться!

поется въ одной пѣснѣ:

Лѣса наполнены волками да медвѣдями,
Лѣса наполнены, волками да медвѣдями,
Поля наполнены господами....

* * *

Боже, накажи отца,
Накажи и мать мою,
Которая дала мнѣ вырости
Въ этой невольничьей землѣ.....

Въ настоящее время бытъ латышскихъ крестьянъ конечно измѣнился къ лучшему, но слѣды прошлаго еще не совсѣмъ исчезли.

Шестивѣковое рабство латышей оказало невыгодное вліяніе не только на ихъ экономическій бытъ, но и развитіе ихъ характера: отъ

природы мягкій, добродушный и чувствительный, ихъ характеръ замѣнился безхарактерностію и отсутствіемъ воли. Они ласковы, гостепріимны и откровенны съ тѣмъ, кому удастся внушить къ себѣ довѣріе; но вмѣстѣ скрытны и, вслѣдствіе долгаго угнетенія, недовѣрчивы ко всему чужому. Приобрѣсти ихъ довѣріе трудно; но разъ получившій его будетъ пользоваться имъ всегда. Самые строгіе порицатели латышей признаютъ въ нихъ бойкія умственныя способности и находчивость, которую ихъ изворотливый умъ примѣняетъ ко всѣмъ обстоятельствамъ. Повидимому имъ недостаетъ только одного—предпримчивости, которою въ столь высокой степени одаренъ русскій народъ, но это—слѣдствіе долгаго стѣсненія свободы и относится только къ отживающимъ свой вѣкъ поколѣніямъ. Латышъ легко и безропотно покоряется всему и даже въ иныхъ обстоятельствахъ показываетъ какую-то непринужденность, веселость, покорность и легкость въ перенесеніи такого положенія; обиду или наказаніе латышъ готовъ простить при первомъ ласковомъ словѣ. Будучи вообще миролюбивъ и добродушенъ, онъ въ самомъ разгоряченномъ состояніи довольствуется тѣмъ, что осыпаетъ противника бранью, не трогая его кулакомъ и не вставая даже съ мѣста. Въ характерѣ латыша замѣтно упрямство, и разъ онъ считаетъ себя правымъ—ни за что не уступить другому.

Латыши вообще честны. Покражи между ними встрѣчаются рѣдко, въ особенности болѣе цѣнныхъ и значительныхъ вещей, такъ что почти въ поговорку обратилось замѣчаніе, что латышъ изъ ларчика съ золотыми и мѣдными монетами возьметъ только послѣднія. Величайшимъ преступленіемъ считается кража чегонибудь принадлежащаго къ крестьянскому хозяйству, и подобные случаи въ общемъ мнѣніи преслѣдуются строго. Нравственность латышей находится также на довольно высокой степени, особенно въ послѣднее время. Развратъ и пьянство, особенно послѣднее, сильно развитое въ прежнее крѣпостное время, нынѣ совершенно исчезли и замѣнились умѣрен-

нымъ употребленіемъ пива. Религіозность ихъ, особенно принадлежавшихъ къ сектѣ гернгутеровъ, и исповѣдующихъ католическую вѣру, также высока. Католики любятъ религіозное пѣніе и потому всѣ лѣтнія полевыя работы ихъ оканчиваются хорошею духовною пѣсней предъ первымъ попавшимся на пути близъ околицы крестомъ. Безграмотныхъ между латышами можно встрѣтить чрезвычайно рѣдко; самые бѣдные хотя кое-какъ разбираютъ книги. Религіозность не препятствуетъ впрочемъ сохраненію среди латышей многихъ вѣрованій, остатковъ язычества. И до сихъ поръ латышскій крестьянинъ на каждомъ шагу соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ предохраняетъ свои дома, свое имущество и всѣ свои предпріятія отъ вреднаго вліянія злыхъ духовъ или способствуетъ благопріятному вліянію добрыхъ. Въ особенности у латышекъ много держится обрядовъ и вѣрованій старины. Въ латышскомъ краѣ и теперь еще, почти повсемѣстно, можно слышать веселыя, невинныя пѣсни въ честь Лиги, древне-латышскаго божества радости и земныхъ наслажденій.

Трудолюбіе считается у латышей главнымъ достоинствомъ какъ мужчины, такъ и женщины. Будучи вообще не особенно крѣпки и сильны, они способны однако къ самому упорному и продолжительному труду. Латышъ обыкновенно высокаго роста, строенъ, спину и грудь имѣетъ плоскія, плечи не широкія, шею длинную, глаза сѣрые. Длинные, большею частію свѣтлые, волосы, не закрываютъ ушей. Женщины латышскія обладаютъ здоровымъ сложеніемъ и довольно стройны. Лицо у латышской женщины продолговатое, черты лица довольно крупныя, глаза открытыя, носъ прямой, зубы нѣсколько выдающіеся, подбородокъ широкій, шея длинная, голова нѣсколько сжатая, грудь не высокая.

Латыши, мужчины, въ Лифляндіи и Курляндіи не носятъ ни усовъ, ни бороды. Только латыши католики Витебской губерніи любятъ носить бороду, но и они должны брить ее, когда идутъ въ церковь, такъ какъ есендзы сильно преслѣдуютъ ношеніе бородъ

которая считается ими за признакъ симпатіи къ русскимъ. Той же причиною должно объяснить и бритье бородъ у латышей-лютеранъ Лифляндіи и Курляндіи, такъ какъ нѣмецкіе бароны требовали его отъ своихъ подчиненныхъ. Нынѣ, впрочемъ, повременоу начинаетъ входить въ обычай и здѣсь отпущать бороду и усы.

Старики пользуются у латышей большимъ уваженіемъ. Дѣло, пользу котораго латышъ не совсемъ понимаетъ, едвали удастся понудить его исполнить даже самыми строгими мѣрами. Но сказалъ какойнибудь старикъ, пользующійся общимъ уваженіемъ, что слѣдуетъ сдѣлать то-то и то-то — и тогда безъ всякихъ возраженій будетъ сдѣлано по его словамъ. Нынѣ, впрочемъ, и въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, замѣтна перемѣна, и молодежь обнаруживаетъ болѣе самостоятельности.

Балтійскіе латыши Курляндіи и Лифляндіи живутъ разсѣянно въ отдѣльныхъ усадьбахъ, хуторахъ. По мѣрѣ приближенія съ Лифляндской стороны къ Витебской губерніи замѣчается склонность латышей селиться деревнями. Отдѣльныя, разсѣянныя усадьбы начинаютъ группироваться по двѣ, по три, такъ что на самой границѣ Лифляндіи и почти по всей Витебской губерніи латышская народная жизнь уже сосредоточивается въ деревняхъ.

Латыши, въ особенности глухихъ, удаленныхъ отъ городовъ мѣстностей, отличаются значительною привязанностію къ старинѣ, хотя и уступаютъ въ этомъ русскимъ крестьянамъ. Преданія прежнихъ вѣковъ живутъ не только въ разныхъ, вѣрованіяхъ и различныхъ видахъ повѣрій, но и во всемъ быту латышскаго народа. Дома строятся какъ строили предки, старинные обычаи хозяйства свято соблюдаются, и только съ большими усиліями прививаются улучшенія и нововведенія, и легче всего въ одеждѣ.

Крестьянскій дворъ состоитъ у латышей изъ слѣдующихъ строеній: жилого дома, конюшни, хлѣва для скотины, бани, риги и клѣты (клѣты), или домашняго магазина для склада всего запаснаго иму-

щества. Все это обыкновенно сложено из сосновых бревенъ, крыто соломой, или, что еще чаще, — гонтомъ и расположено кругомъ небольшого двора. Отдѣльно отъ прочихъ строеній, для безопасности отъ огня, располагаются только риги, иногда баня, когда имѣется возможность построить ее возлѣ рѣки. Частоколъ, деревянный заборъ или земляной валикъ отдѣляютъ дворъ отъ окружающихъ его полей и соединяютъ въ одну группу все строенія; ворота оставляются только съ одной стороны.

Главное строеніе назначается для жилья и состоитъ большею частью изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ сѣнями, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ, по устройству въ нихъ очага, составляютъ кухню. Въ крышѣ надъ сѣнями оставляется отверстіе для дыма или устраивается деревянная или кирпичная труба. Вправо отъ сѣней находится помѣщеніе, состоящее изъ одной или двухъ комнатъ — для хозяина и его семьи; сложенная изъ кирпичей или изразцовая печь отапливается снаружи, со стороны сѣней; вокругъ избы устроены скамьи, а сверху лежанка; окна большею частью находятся со стороны двора. Работники и хозяйская прислуга имѣютъ помѣщеніе на противоположной сторонѣ отъ сѣней, состоящее почти всегда изъ одной комнаты, раздѣленной иногда перегородкой для устройства особыхъ помѣщеній для мужчинъ и женщинъ. Къ хозяйской половинѣ примыкаютъ обыкновенно двѣ коморки для храненія припасовъ; подъ одною крышею съ домомъ находится иногда влейта и сарай. Прочія принадлежности къ хутору и хозяйственнымъ строеніямъ очень малы и двери въ нихъ къ сторонѣ двора. Каждый родъ домашнихъ животныхъ имѣетъ особый хлѣвъ или отгороженное помѣщеніе. Баня, обыкновенно тѣсная и низкая, составляетъ одну изъ необходимыхъ принадлежностей каждаго хутора. Латыши, такъ же какъ и русскіе, до употребленія бани большіе охотники и считаютъ непремѣнною обязанностію посѣщать ее еженедѣльно по субботамъ.

Все это относится къ жилищу болѣе или менѣе зажиточнаго «хо-

зяина» собственника или арендатора. Но они составляютъ меньшинство, а болѣе значительная часть населенія далеко не пользуется достаткомъ. Какъ въ Лифляндіи и Курляндіи такъ особенно въ Витебской губерніи есть немало поселянъ, жилище которыхъ составляетъ курная изба съ бревенчатымъ потолкомъ и землянымъ поломъ. Въ такой избѣ большею частью два небольшія окна и насупротивъ нечи имѣется небольшое отверстіе для выхода дыма и пропуска въ избу вѣшняго воздуха. Латышская хата не имѣетъ никакихъ религиозныхъ украшеній, и только деревянное, совершенно почернѣвшее отъ дыма распятіе, даетъ знать посѣтителю, что онъ находится въ христіанскомъ жилищѣ. Сѣни, равняющіяся четвертой части всего жилища, отдѣляютъ избу отъ кладовой или влѣти. Внутри изба отличается тѣснотой, крайнею мрачностію, неопрятностію и дурнымъ воздухомъ. Все украшеніе ея составляютъ двѣ лавки у стѣнъ, скамьи и кровать. Половъ и шкафовъ нѣтъ; вмѣсто нихъ служитъ простой плетеный изъ сосновыхъ драниченъ ящикъ, подвѣшиваемый къ столбу или стѣнѣ; въ этотъ ящикъ складывается убогая посуда латышей, двѣ-три глиняныя миски и потребное число деревянныхъ ложекъ.

Въ домашнемъ быту латышъ отличается умѣренностію, бережливостію и предусмотрительностію, и въ теченіе года ведетъ ровную жизнь. Обыкновенную его пищу составляютъ огородныя растенія, капуста, горохъ; въ болѣе или менѣе зажиточныхъ хозяйствахъ въ большомъ количествѣ употребляется пища молочная. Изъ кушаньевъ латышскаго стола особеннымъ предпочтеніемъ пользуется путра, или скабебутеръ — супъ, приготовляемый изъ ячменной крупы съ примѣсью кислаго молока. Мясо вообще въ маломъ употребленіи и то только въ праздничные дни осенью. Селедки, покупаемыя въ портовыхъ городахъ, находятся въ общемъ употребленіи; прочіе же виды рыбъ употребительны только въ прибрежныхъ мѣстностяхъ. Сыръ, до котораго латыши большіе охотники, изготовляется въ большомъ количествѣ отчасти для продажи, но болѣе для собственнаго упо-

требленія. Куреніе табаку составляетъ общую погребность, и рѣдко можно видѣть латыша, который не имѣлъ бы вору короткаго чубука съ фаянсовой трубкою. Въ окрестностяхъ городовъ, гдѣ вообще латыши зажиточнѣе и болѣе уклоняются отъ быта своихъ предковъ, многіе курятъ высшихъ сортовъ сигары.

У латышей Витебской губерніи и среди большей части населенія Лифляндской и Курляндской приготовленіе хлѣба отличается характеристическими особенностями, доказывающими бѣдность крестьянъ. Вымолоченную рожь, нисколько не отдѣляя просѣвкой отъ пыли и половы, а въ неурожайные годы даже примѣшивая послѣдней, сушатъ въ печахъ, толкутъ въ деревянныхъ ступахъ, мелютъ на ручныхъ жерновахъ, а за тѣмъ, отдѣлив просѣвкою на довольно рѣдкихъ рѣшетахъ отъ большихъ лишь соломинокъ и неразмельченныхъ зеренъ, употребляютъ для печенія хлѣба. Приготавливаемый такимъ образомъ хлѣбъ отличается неприятнымъ видомъ; онъ вообще бываетъ цвѣта изъ желтаго чернаго, слишкомъ тяжелъ, водянистъ, легко разламывается на части, въ коихъ ясно виднѣется: мякина, части соломы, несовсѣмъ размолотыя зерна. Во время большихъ неурожаевъ, въ муку для печенія хлѣба прибавляютъ еще пакоротникъ и мохъ.

Для одежды употребляется грубое сукно *адманъ*, выдѣлываемое двухъ сортовъ: одно—болѣе толстое и плотное—для зимняго платья, а другое—болѣе легкое—для лѣтней одежды. Національный цвѣтъ одежды, какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ,—есть бѣлый и свѣтлосѣрый, но въ послѣднее время сталъ предпочитаться темнобурый. Покрой платья весьма различенъ въ различныхъ мѣстностяхъ, и въ Лифляндіи и Курляндіи все болѣе и болѣе приближается къ городскому или такъ называемому нѣмецкому. Наиболѣе костюмъ сохранился въ первобытномъ видѣ въ Витебской губерніи и Виндавскомъ и Гольдингенскомъ уѣздахъ губерніи Курляндской. Въ послѣднихъ верхнее платье состоитъ у мужчинъ—изъ бѣлыхъ кафтановъ съ длинною талією и съ

многими складками. Кафтанъ безъ воротника и края полей и рукавовъ въ Гольдингенскомъ уѣздѣ обшиваются шнурками. Верхнее платье застегивается не пуговицами, но прикрѣпляется посредствомъ петель, шнурковъ и пояса, причѣмъ остается открытою верхняя часть груди, подъ которою виднѣется рубашка съ узорчатымъ воротникомъ, съ мѣдными или серебряными застѣжками. Нижнее платье доходитъ только до колѣнъ или икръ, которыя обертываются платкомъ или портянками. Въмѣсто сапогъ нерѣдко употребляются лапти изъ мягкой березовой и липовой коры и пасталы (пасталогъ)—обувь, состоящая изъ куска кожи, обертывающаго ногу и собраннаго складками около ступни. Женщины носятъ лѣтомъ черныя холщевыя платья съ короткою и узкою талією и юбкою, достигающей только до икръ. Платье не имѣетъ рукавовъ, замѣняемыхъ бѣлыми рукавами рубашекъ, и спереди прикрѣпляется шнурками и петлями. Талія опоясывается поясомъ изъ мѣдныхъ колець. Икры, какъ у мужчинъ, обертываются голубыми платками, а на ноги надѣваютъ лапти или пасталы, впрочемъ только зимою, а лѣтомъ женщины большею частію ходятъ босыя. Волосы спереди причесываются гладко, а сзади подбираются въ одну косу. На голову надѣвается мѣдное кольцо, у дѣвушекъ замѣняемое вѣнкомъ—вайнягсъ. Основаніемъ ему служить то же кольцо металлическое или изъ болѣе мягкаго матеріала, а украшеніями служатъ бисеръ, камни и т. п. Кроме того, изъ вѣночка торчатъ прикрѣпленныя къ нему щетинки, на которыхъ наизаны кусочки разноцвѣтныхъ блестокъ. Сзади отъ него виситъ пара цвѣтныхъ красныхъ лентъ. Иногда эти украшенія замѣняются цвѣтами и разнообразно завитыми лентами. Любовь латышей къ украшеніямъ, къ цвѣтамъ,—замѣчательна. При каждомъ, несовсѣмъ бѣдномъ, хуторѣ замѣтно стараніе дѣвицъ развести кое-какіе цвѣты. Дѣвицы въ вѣнкахъ изъ живыхъ цвѣтовъ, а парни съ шляпами, украшенными, цвѣтами встрѣчаются нерѣдко лѣтомъ. Замужнія, вмѣсто вѣнка и кольца, носятъ также особаго рода шапочки (чопцы).

Бѣлый передникъ съ узорами дополняетъ описанную одежду лѣтомъ.

Зимю женщины надѣваютъ на талію родъ спенсера или камзола изъ шерстяной матеріи, краснаго и зеленаго цвѣта. Для защиты отъ непогоды, поверхъ платья надѣваютъ большой платокъ—зимю изъ шерстяной, а лѣтомъ — изъ льняной матеріи. Платокъ этотъ, называемый *вилайнесь*, большею частью собственнаго издѣлія, въ видѣ покрывала закрываетъ значительную часть стана латышки. Въ различныхъ мѣстностяхъ вилайнесъ бываетъ различнаго цвѣта и съ различными узорами; они встрѣчаются то полосатые по одному направленію, то по двумъ, то бываютъ одноцвѣтные безъ полосъ. Преимущественно цѣнится вилайнесъ чисто бѣлаго цвѣта, почитающійся украшеніемъ дѣвиць. По краямъ бѣлыхъ вилайнесъ часто висятъ бахрома. Вилайнесъ застегивается на груди большою брошкою, держащею платокъ на тѣлѣ безъ помощи рукъ. Въ Виндавскомъ уѣздѣ эти платки бываютъ чернаго или голубаго цвѣта и по краямъ обшиваются погремушками.

Въ окрестностяхъ Либавы одежда латышей походитъ на жмудскую и эстонскую. Мужчины носятъ верхнее платье, спитое болѣе покроемъ сюртука, изъ шерстяной матеріи темно-коричневаго цвѣта; которое застегивается не петлями и пряжками, а посредствомъ металлическихъ пуговиць. Женщины носятъ юбки и темно коричневые комзолы съ рукавами, а голову прикрываютъ платкомъ.

У латышей Витебской губерніи одежда также не прихотлива, груба и проста какъ и жилища, и пища. Мужчины и женщины носятъ рубахи изъ бѣлаго толстаго льнянаго холста, безъ всякихъ украшеній, какія встрѣчаются у великороссовъ и въ особенности у малороссовъ. Покрой ихъ, у мужчинъ и женщинъ, совершенно одинаковъ; женская только нѣсколько длиннѣе мужской, и нижняя часть ея (отъ пояса) дѣлается изъ самого грубаго холста, изъ котораго мужчины лѣтомъ носятъ пантолоны—*ивезсъ*. Къ небольшому числу домашней

рабочей одежды латышей принадлежитъ здѣсь камзолъ—родъ куртки съ отложнымъ воротникомъ и лацканами, какъ у сюртука, съ двумя большими карманами и крючками, вмѣсто пуговиць. Камзолъ носятъ какъ мужчины, такъ и женщины; онъ шьется изъ спней шерстяной матеріи или же изъ сукна домашняго приготовления. Верхнюю и вмѣстѣ праздничную одежду какъ мужчинъ, такъ и женщинъ въ лѣтнюю пору составляетъ свита, или *свейти*, изъ сѣраго сукна, а зимю тулупъ или козухъ. Мужская суконная шапка съ козырькомъ покрываетъ голову мужчинъ, а головной платокъ, большею частію бумажный или же шерстяной, и рѣдко шелковый, оканчиваетъ нарядъ женщины. Кромѣ того, мужчины имѣютъ зимнія сѣрыя *ивезсы*, а женщины праздничныя льно-шерстяной полосатой матеріи юбки и собственнаго издѣлія сѣробѣлые съ разноцвѣтными коймами платки.

Въ окрестностяхъ Митавы, а также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ латышскіе крестьяне зажиточнѣе, они замѣняютъ свою національную одежду платьемъ нѣмецкаго покроя. Верхнее платье состоитъ изъ нѣмецкаго сюртука, обыкновенно синяго, или куртки темно-коричневаго цвѣта, а нижнее платье изъ обыкновенныхъ панталонъ суконныхъ или другой шерстяной матеріи. Подъ сюртукомъ носится пестрый, преимущественно красный жилетъ. Лапти и пасталы надѣваются только на полевыхъ работахъ, въ городъ же или въ праздники въ кирку латышь является обыкновенно въ сапогахъ. Зимю латыши носятъ, вмѣсто бѣлыхъ тулуповъ, длинныя шубы изъ черныхъ барашковъ, обтянутыя темнокоричневою шерстяною матеріею, и опоясываются кожанымъ поясомъ. Женскій полъ имѣетъ еще большую склонность къ чужеземнымъ нарядамъ и часто можно встрѣтить латышскихъ крестьянокъ, которыя въ своей одеждѣ нисколько не отличаются отъ нѣмокъ-горожанокъ, носятъ обыкновенныя женскія шляпки, бумажныя, шерстяныя или шелковыя платья, имѣютъ разныя серебряныя и золотыя украшенія, и вообще стараются не

только въ одеждѣ, но и въ манерахъ и во всемъ своемъ бытѣ подражать городскимъ женщинамъ.

Важное мѣсто въ одеждѣ латышей занимаютъ перчатки, безъ которыхъ латышъ не принимается ни за какую работу. Перчатками невѣста даритъ своихъ гостей въ день свадьбы, и задолго до этого времени изготовляетъ ихъ въ большомъ количествѣ; определенное число перчатокъ отпускается каждому изъ работниковъ въ число платы.

Хотя латышъ характера невеселаго вообще, но увеселеніа онъ любить, и каждый пиръ латышскій бываетъ очень шумный. Мужчины поютъ пѣсни рѣдко, только въ хмѣльномъ состояніи, но тихо; между женщинами пѣніе развито чрезвычайно сильно; безъ него онѣ рѣдко производятъ работы какъ въ полѣ, такъ и у себя дома. Это можетъ быть объясняется тѣмъ, что на латышкахъ не съ такою силою лежало бремя шести-сотъ лѣтняго рабства, какъ на латышахъ, и, благодаря своему веселому праву, онѣ могли подъ часъ забыть свое горе. Большею частію эти пѣсни состоятъ всего изъ четырехъ стиховъ и относятся къ обыкновеннымъ случаямъ жизни. Весьма не многія заключаютъ воспоминанія временъ языческихъ. Замѣчательно, что ни одна изъ латышскихъ пѣсень не воспѣваетъ подвиговъ прежнихъ народныхъ героевъ.

Въ весеннее время, съ наступленіемъ вечера и окончаніемъ полевыхъ работъ, изъ селъ, мѣзъ и деревень латышскаго края со всѣхъ сторонъ несутся пѣсни. По всей окрестности, украшенной дарами природы, господствуетъ весенняя тишина. Среди этой жизни, полной тишины и прохлады, воздухъ вдругъ поражается мелодическими звуками, которые съ возрастающею силою раздаются съ холма не вдали отъ крестьянской усадьбы. Это пѣсни латышскихъ дѣвушекъ, которыя послѣ тяжелой дневной работы, тѣшатся веселымъ хоровымъ пѣніемъ, жертвуя этой забавѣ часть времени, остающуюся имъ для ночнаго отдыха. «Вечеромъ, дѣвушки, такъ прекрасно, вечеромъ ве-

село намъ ликовать; вечеромъ пѣсня далеко раздается; вечеромъ примемся весело пѣть» ... слышится изъ хоровода.

Но вотъ раздается новая пѣсня. Въ тактъ, но быстро и возвышеннымъ голосомъ, начальница хора или, собственно, вѣщательница — *тэйцея*, провозглашаетъ нараспѣвъ первыя двѣ строки или первую половину четверостишія, а хоръ подхватываетъ протяжно и полногласно послѣдніе стихи. Такимъ образомъ на-перерывъ съ эхомъ раздаются пѣсни изъ веселаго круга дѣвиць, въ серединѣ котораго стоитъ вѣщательница. Вскорѣ въ окрестностяхъ слышатся два-три другіе хора, и каждый изъ нихъ какъ бы соперничаетъ съ другими превосходствомъ пѣнія. Подобно тому, какъ пѣніе птичьей прерывается отъ усталости, такъ и вечернее пѣніе латышекъ оканчивается вслѣдствіе физическаго утомленія, а не по недостатку пѣсень, ибо, какъ поется въ одной изъ нихъ:

Кто можетъ пропѣть всѣ пѣсни?
Кто можетъ проговорить всѣ рѣчи?
Нельзя же перейти чрезъ быстрый ручей
Не перевинувъ перекладины.

Но не въ одни только весенніе и лѣтніе вечера раздаются пѣсни латышекъ. Вѣшая колыбель своему новорожденному младенцу, мать-латышка поетъ заунывную пѣсню, выражающую глубоко-сердечныя заботы и опасенія о будущности малютки. Пѣснями же сопровождаютъ и различные случаи жизни, начиная съ крещенія младенца и кончая свадьбою и похоронами.

Свадьба латышская очень похожа на русскую свадьбу. Молодой латышъ, выбравши себѣ невѣсту, отправляетъ къ ней и ея родителямъ своихъ по крайней мѣрѣ двухъ свахъ. Придя въ домъ избранной, свахи обращаются къ ея отцу съ цвѣтистою рѣчью, смыслъ которой заключается въ томъ, что въ домѣ скрывается что-то живое, которое пришли искать. Затѣмъ свахѣ онъ представляетъ всѣхъ имѣю-

щихся въ домъ дѣвушекъ, за исключеніемъ невесты, которая обыкновенно скрывается. Наконецъ появляется и она, и если дастъ свое согласіе, то вскорѣ за этимъ первымъ сватовствомъ слѣдуетъ второе, для котораго, въ сопровожденіи всѣхъ первыхъ и другихъ новыхъ лицъ, отправляется и самъ женихъ, и лично повторяетъ невестѣ свое предложеніе. Женихъ обыкновенно ѣдетъ верхомъ и главное его украшеніе составляетъ *гуртъ*—поясъ, который долженъ имѣть каждый женихъ, хотя бы онъ не носилъ его прежде. Всѣ провожающіе жениха носятъ названіе свахъ и должны имѣть съ собою одну или нѣсколько бутылокъ водки, смотря по состоянію. Ёдутъ они съ колокольчиками и украшенными дугами. Прибывъ на мѣсто, угощаютъ родителей невесты и другихъ гостей, приглашенныхъ туда. Родители невесты ни за что не станутъ угощать этихъ свахъ первые; но, получивъ угощеніе, они отвѣчаютъ тѣмъ же — и обрученіе совершилось.

До свадьбы, часто за недѣлю, приглашаютъ гостей чрезъ особыхъ посланцовъ, умѣющихъ изложить приглашеніе въ цвѣтистыхъ оборотахъ. По окончаніи вѣнчанія приглашенные гости, имѣя во главѣ свадебнаго маршала, отправляются къ родителямъ невесты. Родственники и приглашенные жениха называются увозчики, а родственники невесты догонщики; они составляютъ во все продолженіе пирванія двѣ какъ бы враждующія партіи, изъ коихъ каждая въ пѣсняхъ и шуткахъ старается уязвить противную сторону. Это безъ сомнѣнія остатокъ древняго обычая увоза или похищенія невесты. Родственники невесты должны первые оставить свадьбу и уѣзжаютъ обыкновенно всѣ вмѣстѣ. При этомъ они строго должны караулить свои экипажи и лошадей, ибо родственники жениха всѣми силами стараются подшутить надъ ними, испортить телѣги и упряжь, пугать лошадей при отъѣздѣ и т. п. Часто случается, что латышь сядетъ съ своей женой въ телѣгу и пуститъ, ничего не опасаясь, лошадей; лошадь убѣжитъ, а телѣга останется на мѣстѣ. Подобная шутка развеселяетъ всѣхъ.

Всѣхъ свадебныхъ гостей невеста должна одарить перчатками или полотенцами, изъ которыхъ послѣднія, въ видѣ шарфа, обвязываются черезъ плечи мужчинъ и служатъ украшеніемъ во время свадебнаго поѣзда. Поэтому то перчатки и полотенца вмѣстѣ съ полотнами и тканями для хозяйки составляютъ главную часть придаваго (пура) латышской дѣвушки. Одна или двѣ овцы и нѣкоторое количество ежегодно засѣваемого льна доставляютъ ей главнымъ образомъ матеріалъ для изготовленія пуры. Для превращенія этого матеріала въ перчатки, чулки, полотенца и т. п. дѣвушки употребляютъ все свободное отъ хозяйственныхъ работъ время. Иногда безъ всякаго освѣщенія бѣдная дѣвица вѣжетъ и вышиваетъ по ночамъ, при лунномъ свѣтѣ, не смотря на то, что въ слѣдующее утро ей придется рано вставать на работу. Нетрудодлюбивая дѣвица, дѣвица съ пустымъ пуromъ не можетъ надѣяться выйти за мужа за хорошаго «батюшкина сына».

Смерть латышь встрѣчаетъ съ большимъ спокойствіемъ, и только женщины въ своихъ похоронныхъ пѣсняхъ оплакиваютъ покойниковъ. Память умершихъ латышь справляетъ особымъ днемъ, въ вечеръ котораго не работаетъ и въ тишинѣ проводитъ съ своими друзьями, и если услышитъ при этомъ шумъ, то приписываетъ его умершимъ духамъ, для которыхъ устраиваетъ особое пиршество, при чемъ даже днемъ зажигаетъ свѣчи.

Спокойный и мирный и нѣсколько застѣчивый характеръ латыша отражается и въ народныхъ его пляскахъ. У нихъ все тихо, медленно и безъ малѣйшаго признака страстнаго увлеченія, встречаемаго при этомъ у другихъ народовъ. У танцующаго латыша двигаются только ноги; вся остальная часть тѣла остается почти неподвижна и слегка только покачивается голова, при чемъ глаза постоянно устремлены внизъ. Важнѣйшая изъ народныхъ плясокъ называется *симо* и пляшется двумя парами. Изъ хорошихъ плясокъ любимѣйшая *кихетъ*, для которой мужчины становятся съ одной сто-

роны, а дѣвушки — съ другой, образуя улицу, въ которую вступаютъ для пляски пары по очереди; пляска сопровождается пѣніемъ пляшущихъ. Народные музыкальные инструменты, сохранившіеся нынѣ въ Виндавскомъ уѣздѣ, состоятъ изъ волынки и особаго рода балайки (вогъле) о шести струнахъ, изъ которыхъ звукъ извлекается гусинымъ перомъ. Попадается также большая деревянная труба — *тоуре*.

Национальный праздникъ латышей, празднуемый особенно весело и торжественно, — есть Ивановъ день (24-го іюня).

Въ древности у латышей-язычниковъ самымъ важнымъ и торжественнымъ праздникомъ въ году былъ праздникъ Лиго, бога любви и земныхъ радостей, совершавшійся въ теченіе цѣлой лѣтней ночи. Этотъ древній праздникъ у латышей-христіанъ обратился въ праздникъ Иванова дня (т. е. собственно ночь на 24-ое іюня). Празднуется онъ такимъ образомъ.

Вечеромъ, съ солнечнымъ закатомъ наканунѣ Иванова дня, когда кончаются домашнія работы и домъ приберется и украсится къ празднику, дѣвушки и женщины группами выходятъ изъ всѣхъ усадебъ и дворовъ на всю лѣтнюю ночь. Они ходятъ по садамъ и полямъ съ пѣснями, выбирая самыя красивыя и самыя душистыя травы и цвѣты. Собранные въ эту ночь травы, по народному вѣрованію, имѣютъ цѣлебную силу, и особенно полезны домашнимъ животнымъ. Самый обходъ полей имѣетъ цѣлю привлечь на нихъ благоволеніе добрыхъ силъ. Пѣсня приглашаетъ самого Ивана обойти поля и посмотрѣть что пьютъ, что ѣдятъ, чѣмъ засѣваютъ поля его дѣтки:

Черезъ годъ приходитъ Иванъ
Навѣститъ своихъ дѣтушекъ.
Что они ѣдятъ, что пьютъ,
Чѣмъ засѣваютъ поля.

* *
*

Возьми, Иванъ, воронаго коня,
Объѣзжай мою ниву,
Вытопчи плевелы и куколь,
Пускай растетъ чистая рожь.

Съ пѣснями о хлѣбѣ и цвѣтахъ, обойдя сады и поля, отдѣльныя группы сходятся вмѣстѣ гдѣнибудь на возвышенности у горячей смоляной бочки или костра, и тутъ раздаются музыка и идутъ пляска и игры. Съ большими связками травы и цвѣтовъ женщины и дѣвушки расходятся по домамъ, и здѣсь нерѣдко гадаютъ о своей судьбѣ. Такъ дѣвушка умываетъ лицо и не утираетъ его: кто во снѣ подастъ ей полотенецъ, тотъ ея суженый. Ходятъ также дѣвушки въ Ивановъ вечеръ смотрѣть въ воду, и юноша, изображеніе котораго увидитъ ктонибудь изъ нихъ, и есть суженый.

Многіе рвутъ цвѣты и втыкаютъ гдѣнибудь въ стѣнѣ, и если цвѣтокъ увянетъ въ теченіе ночи, тотъ въ томъ году умретъ.

По возвращеніи домой домочадцевъ, каждая хозяйка обязана угостить ихъ масломъ, сыромъ и пивомъ. Поэтому, подходя ко двору, они поютъ:

Добрый вечеръ, Иванова матушка,
Ждала ли ты насъ?
Сладкаго пива наварила-ли?
Мягкяго сыра приготовила-ли?

А по окончаніи угощенія, благодарятъ хозяевъ припѣвомъ:

Съ Богомъ приходимъ,
Съ Богомъ уходимъ,
Съ Богомъ пусть пребываетъ
Благословеніе на этой избѣ!
Осѣни, Боже, то мѣсто,
Гдѣ мы пили, гдѣ ѣли;
Уроди, Боже, два колоса
На одномъ стеблѣ.

Ф И Н С К О Е П Л Е М Я .

Финское племя суть наиболѣе многочисленное въ Россіи послѣ русскаго; оно разбросано на огромномъ протяженіи отъ запада на востокъ, отъ Финляндіи до Сибири, и считаетъ въ себѣ болѣе 3.882,000 душъ обоого пола. Кромѣ Финляндіи, оно составляетъ 87% населенія въ губерніи Эстляндской, 46% въ Лифляндской, 32% въ Олонецкой, 26% въ Казанской, 22% въ Сибирской и 15% въ Вятской.

За исключеніемъ Финляндіи, Эстляндской и Лифляндской губерній, гдѣ финны составляютъ сплошное населеніе, въ другихъ мѣстахъ они сливаются болѣе или менѣе съ русскимъ населеніемъ. Финновъ дѣлятъ на двѣ группы: западную и восточную. Къ западной группѣ принадлежатъ слѣдующія отрасли финскаго племени:

1) Собственно финны — живущіе въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ и отчасти въ Петербургской губерніи; ихъ всѣхъ считается нѣсколько болѣе 1.539,000 душъ обоого пола.

2) Эсты, населяющіе губерніи Эстляндскую и Лифляндскую, въ числѣ 700,000 душъ.

3) Карелы — въ числѣ 336,000 душъ — населяютъ губерніи: Олонецкую, Архангельскую, Петербургскую, Новгородскую, Тверскую и отчасти Ярославскую.

4) Лопари — въ числѣ 3,000 душъ, живущіе въ Архангельской губерніи.

5) Ливы — въ числѣ 2,000, живущіе въ Курляндской губерніи. Такимъ образомъ, общее число финновъ западной группы доходить до 2.580,000 душъ обоого пола.

Къ восточной группѣ относятся слѣдующія отрасли:

1) Мордва — въ числѣ 700,000 душъ обоого пола — живетъ въ губерніяхъ: Астраханской, Саратовской, Сибирской, Самарской, Оренбургской, Казанской, Нижегородской, Пензенской и Тамбовской.

2) Вотяки — въ числѣ 235,000 душъ живутъ въ губерніяхъ: Вятской, Пермской, Оренбургской и Казанской.

3) Черемисы — 210,000 душъ — живутъ въ губерніяхъ: Казанской, Вятской, Нижегородской, Костромской, Мермской и Оренбургской.

4) Зыряне — въ числѣ 90,000 душъ — живутъ въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ.

5) Пермьяки — 60,000 душъ — въ Пермской и Вятской губерніяхъ.

6) Вогулы — въ числѣ 3,000 душъ — живутъ въ Пермской губерніи; кромѣ того, до 4,000 изъ нихъ живетъ въ Сибири.

Такимъ образомъ, всего финновъ восточной группы насчитывается 1.302,000 душъ.

Переходя къ этнографическимъ очеркамъ разныхъ отраслей финскаго племени, мы начнемъ съ западной группы, и притомъ съ многочислѣннѣйшей отрасли — съ собственно финновъ, населяющихъ великое княжество Финляндское.

І. Ф И Н Н Ы.

Историческій очеркъ финскаго племени.

Финны составляютъ главную массу населенія великаго княжества Финляндскаго и пограничныхъ съ нимъ мѣсть губерніи С.-Петербургской. Незначительная часть финскаго племени—кареллы живутъ въ губерніяхъ Архангельской, Петербургской и Олонечкой.

Финны съ давнихъ поръ занимаютъ мѣсто настоящаго ихъ поселенія. Еще первый лѣтописецъ русскій, перечисляя различные сосѣдніе славянамъ народы, упоминаетъ, между прочимъ, о финскихъ племенахъ ями или еми и карелахъ. Ями жили въ нынѣшней южной Финляндіи, а карелы вокругъ Ладожскаго озера, откуда они потомъ и были оттѣснены славянами въ глубь Финляндіи. Въ настоящее время финны по главнымъ нарѣчіямъ языка раздѣляются на два поколѣнія: тавастландцевъ—жителей западной Финляндіи и кареловъ—жителей восточной Финляндіи. Русскіе называли ихъ прежде чудью, а иныхъ зовутъ чухонцами; сами же себя финны называютъ суомалайнъ, т. е. жители Суоми, такъ называется на финскомъ языкѣ Финляндія; названіе же финнъ—пѣмецкаго происхожденія и означаетъ жителя болотистой мѣстности.

Уже изъ разсказа перваго русскаго лѣтописца видно, что въ его

время (въ IX и X вѣкахъ) финны были народомъ совершенно осѣдлымъ, имѣли города, занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ, охотою, рыбною ловлею и т. д., вели мирную жизнь и никогда не отличались воинственностію. Не смотря на свою относительную многочисленность, финны никогда не славились побѣдами или завоеваніями, а напротивъ сами время отъ времени должны были подчиняться то шведамъ, то славянамъ. Изъ старинныхъ лѣтописей и хроникъ извѣстно, что изъ двухъ финскихъ племенъ, населявшихъ то время Финляндію, карелы всегда находились въ тѣсныхъ и дружественныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними новгородскими славянами и вмѣстѣ съ ними сражались съ своими единоплеменниками—емью. Впослѣдствіи, когда шведы, подъ предлогомъ просвѣщенія финновъ христіанскою вѣрою, вступили въ Финляндію съ цѣлію покорить себѣ ее, новгородцы выступили на защиту кареловъ, которые съ ихъ помощію долго отбивались отъ шведовъ, легко покорившихъ себѣ ями. Вообще въ это время не проходило десятка лѣтъ, чтобы не опустошали кареловъ шведы, а ями—новгородцы. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ постоянно встрѣчаются извѣстія въ родѣ слѣдующаго: въ такомъ-то году «новгородцы ходили войною въ ями; села пожгли, скотъ побили, людей побрали въ плѣнъ, пришли домой всѣ здоровы». Подобнымъ же образомъ и шведамъ часто удавалось опустошать подвластную новгородцамъ Карелію. Такимъ образомъ, продолжалось дѣло до монгольскаго ига, когда новгородцамъ уже было не до того, чтобы защищать карель отъ шведовъ. Дѣйствительно, съ половины двѣнадцатаго до половины тринадцатаго вѣка шведамъ удалось-таки покорить своей власти всю Финляндію. Въ 1156—57 г.г. король шведскій Эрикъ Святой силою огня и меча обратилъ финновъ въ христіанскую вѣру; а для упроченія христіанства и, главное, своей власти, шведское правительство переселило въ Финляндію многихъ шведовъ, которые вообще образовали высшія сословія: духовенство, дворянство, помѣщиковъ, чиновниковъ и купцовъ; собственно же

В О Т Я К И .

З Ы Р Я Н Е .

Л И Т О В Ц Ы .

Л А Т Ы Ш И .

финны составляют главную массу крестьянства. Финны приняли от шведов католическую веру, но с возникновением протестанства — последнее сдѣлалось господствующим, и въ настоящее время финны самые ревностные приверженцы его. Около 50,000 душъ въ Кареліи исповѣдуютъ православную веру.

Хотя новгородцы и потеряли свою власть надъ Кареліею, но они никогда не перестали считать ее своею собственностью. Послѣ уничтоженія самостоятельности Новгорода, Карелія вмѣстѣ съ Ингерманландіею (нынѣ С.-Петербургская губернія) вошла въ составъ Московскаго государства. Отъ этого, послѣ уничтоженія монгольскаго ига, московскіе государи, подобно новгородцамъ прежняго времени, должны были вести постоянныя войны за обладаніе этими землями. Во время этихъ войнъ неоднократно Карелія и Ингрія были опустошаемы шведами, а южная Финляндія — русскими, и финскіе города переходили изъ рукъ въ руки, пока наконецъ, ослабленное во времена самозванцевъ, Русское царство должно было уступить всю Финляндію и Ингрію шведамъ по договору, заключенному въ 1617 году. Петръ Первый успѣлъ захватить часть Кареліи и часть Финляндіи, а затѣмъ по Абоскому миру (въ 1743 г.) и наконецъ по договору 1809 г. (въ Фридрихсгамѣ) Финляндія, подъ именемъ великаго княжества Финляндскаго, отошла отъ шведовъ и вошла въ составъ Россійской имперіи.

Выйдя изъ подъ власти шведовъ, Финляндія не освободилась до сихъ поръ окончательно отъ ихъ вліянія. Принявъ отъ шведовъ умственное образованіе, систему земледѣлія, общественное и государственное устройство, финляндцы до сихъ поръ неизмѣнно сохраняютъ ихъ. Этому много способствуетъ то обстоятельство, что, какъ мы выше сказали, господствующіе классы въ Финляндіи шведскаго происхожденія, шведскій языкъ считается языкомъ официальнымъ и только въ настоящее царствованіе допущено употребленіе въ судахъ языка финскаго и т. п. Въ послѣднее время (съ половины текущаго

столѣтія) обнаруживается среди финновъ стремленіе поднять свою національность и освободиться изъ подъ вліянія шведовъ, проявляющееся въ возникновеніи финской литературы. Но и до сихъ поръ національныя стремленія финновъ не получили должнаго удовлетворенія, и идетъ глухая, хотя и мирная борьба между языками шведскимъ и финскимъ.

Природа страны, характеръ населенія, пища, одежда и жилище.

Природа, исторія и религія, какъ и вездѣ, имѣли огромное вліяніе на образованіе характера финновъ, на складъ ихъ жизни.

Что касается природы Финляндіи, то она не обладаетъ благоприятными условіями для жизни и успѣшной дѣятельности человѣка. Правда, трудолюбивое финское племя въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ занимающее это мѣсто, успѣло одержать много побѣдъ надъ суровою природою и добиться возможности сравнительно сносно существовать среди нея; но побѣды эти дались ему не легко и многое еще остается сдѣлать въ будущемъ.

Огромныя пространства, занятыя болотами, озерами, лѣсами, и ничтожное количество земель, способныхъ къ обработкѣ, — вотъ характеристическія черты природы Финляндіи. По сдѣланнымъ въ послѣднее время вычисленіямъ оказывается, что въ Финляндіи лѣса занимаютъ *половину* всей поверхности, лѣса и болота вмѣстѣ — *три четверти* ея, — а лѣса, болота и озера почти *девять десятыхъ* общей поверхности; обработанныя же земли едва составляютъ *одну двадцатую* часть.

Большая часть Финляндіи имѣетъ характеръ горной страны, хотя высокихъ вершинъ здѣсь очень мало. Большія пространства земли вовсе не имѣютъ землянаго покрова и представляютъ сплошную ка-

менную массу, на которой дико разбросаны обломки гранита, и других породъ. Небольшія горныя группы изъ красноватаго и сѣраго гранита безъ всякой связи между собою разбросаны по всей странѣ и среди нихъ лежатъ безчисленныя озера.

Совершенно открытыя болота покрываютъ четвертую часть всей Финляндіи. Финляндскія болота простираются иногда десятки верстъ въ длину и въ ширину. Они имѣютъ совершенно ровную поверхность, поросшую мхомъ и желтоватыми травами, имѣя видъ зеленоватыхъ озеръ, изъ которыхъ кое-гдѣ выдаются островки темнаго песчанаго бора. Весною, послѣ таянія снѣговъ, всѣ болота обращаются въ озера. Только въ началѣ іюня они принимаютъ видъ настоящихъ болотъ, проходимыхъ лишь мѣстами вдоль узкихъ песчаныхъ косъ или островковъ. Существованіе болотъ составляетъ одну изъ причинъ, замедляющихъ развитіе земледѣлія. Разсчитано, что болота Финляндіи при испареніи поглощаютъ столь огромное количество теплоты изъ окружающаго воздуха, что въ продолженіе одной ночи въ состояніи охладить до 0° температуру дня + 12° тепла. Отсюда ранніе морозы, губительно дѣйствующіе на посѣвы. Вообще Финляндія обладаетъ довольно суровымъ климатомъ, потому что принадлежитъ къ сѣверному арктическому и сѣверному холодному поясамъ. Холодная и продолжительная зима, жаркое и короткое лѣто и быстрые переходы отъ тепла къ холоду—суть главныя характеристическія черты финляндскаго климата. Но, впрочемъ, наблюденія показываютъ, что эти крайности какъ будто начали сглаживаться, такъ что различіе между большими холодами и жарамы становится незначительнѣе и климатъ постоянно дѣлается ровнѣе и умѣреннѣе. Это можно объяснить тѣмъ, что годъ отъ года увеличиваются обработанныя пространства земли, высушиваются многія болота и уменьшаются лѣса. Замѣчательна также разниа между климатомъ прибрежнымъ и внутренней части края. Согрѣтое лѣтнимъ солнцемъ, море не такъ скоро охлаждается какъ материкъ, и поэтому зима на-

ступаетъ раньше во внутренности края, чѣмъ на прибрежьяхъ. Напротивъ того, весною холодныя морскія вѣтры охлаждають береговую часть страны и замедляютъ тамъ развитіе растительной жизни, въ то время какъ оно уже началось во внутренности края.

Болѣе счастливыми климатическими условіями обладаетъ юго-западный уголь Финляндіи, гдѣ, благодаря вліанію моря, климатъ умѣренъ, и хотя лѣтніе ночныя заморозки изрѣдка вредятъ урожаю, земледѣліе здѣсь совершенно обезпечено. Менѣе благоприятными условіями обладаетъ средняя Финляндія, обильно покрытая озерами и болотами, гдѣ земледѣліе, хотя и составляетъ главный промыселъ жителей, подвергается многимъ случайностямъ, особенно морозамъ, и не можетъ служить обезпеченіемъ народонаселенія. Наконецъ сѣверная и сѣверовосточная часть Финляндіи—страна великихъ холодовъ и продолжительныхъ дней и ночей, съ растительностію весьма скудною.

Но, представляя не мало препятствій успѣшному развитію земледѣлія, природа Финляндіи даетъ возможность съ выгодною заниматься скотоводствомъ, на развитіе котораго въ послѣднее время обращается особое вниманіе финляндскаго населенія, равно и другими промыслами. Такъ многочисленныя лѣса даютъ возможность къ различнымъ промысламъ по обработкѣ дерева: смолокуренію, изготовленію угля, разныхъ подѣлокъ и т. п. Омывающее берега Финляндіи море и многочисленныя внутреннія озера даютъ возможность заняться рыболовствомъ, которое во многихъ мѣстахъ доставляетъ значительныя выгоды. Наконецъ судостроеніе и судоходство даютъ пропитаніе десяткамъ тысячъ народа. Вообще финляндцы отличные моряки, и финляндскія суда можно встрѣтить почти во всѣхъ моряхъ міра. Фабричная дѣятельность развита въ Финляндіи слабо; только рудокопство и каменныя ломки доставляютъ жителямъ немаловажныя выгоды.

Само собою разумѣется, что различіе природныхъ условій, зависящихъ отъ нихъ занятій и промысловъ ведетъ къ различію въ бытѣ

населенія: быть приморскаго жителя или жителя судоходной рѣки во многомъ отличается отъ быта обитателей глухихъ мѣстностей внутренней Финляндіи; различіе быта отражается и на особенностяхъ характера. Но, не смотря на различія въ частностяхъ, природа и исторія создали нѣкоторыя общія черты въ характерѣ финновъ. Такъ всѣ изслѣдователи приписываютъ финнамъ трудолюбіе, твердость и настойчивость въ достиженіи цѣли. Не трудно объяснить эти черты вліяніемъ окружающей финновъ природы и историческихъ условій, среди которыхъ они поставлены были долгое время. Въ самомъ дѣлѣ, занявши страну, покрытую лѣсами, болотами, голыми каменными массами, кое-гдѣ только присыпанную землею, съ холоднымъ и суровымъ климатомъ, финнъ долженъ былъ употребить невѣроятныя усилія, терпѣніе и тяжкіе труды, чтобы сдѣлать свою страну способною къ осѣдлой, земледѣльческой жизни. Соотвѣтственно природѣ, какал-го угрюмая важность и задумчивость выражается въ его лицѣ, походкѣ, словахъ. Онъ говоритъ медленно и обдуманно и съ такою же медленностію исполняетъ свою работу; но за то работа его добросовѣтна, прочна и надежна. Съ другой стороны, многочисленныя и опустошительныя войны, иногда въ конецъ разоравшія его отечество, лѣтніе морозы, въ одну ночь уничтожающіе всѣ надежды на хорошую жатву, пріучили его спокойно выносить несчастіе и покоряться судьбѣ. Получивъ въ наслѣдство отъ шведовъ довольно развитое общественное и государственное устройство, основанное на равенствѣ всѣхъ сословій (крестьяне въ Финляндіи имѣютъ своихъ представителей въ сеймѣ), финскій крестьянинъ не рабѣтствуетъ предъ болѣе его образованнымъ господиномъ, но въ то же время безпрекословно повинуется законнымъ требованіямъ правительства. Тѣмъ не менѣе, историческими условіями объясняется и раздѣленіе финскихъ поселянъ на два многочисленныя класса — крестьянъ-собственникововъ земли и крестьянъ-арендаторовъ чужой земли и вообще безземельныхъ батраковъ. Это раздѣленіе, переходящее изъ рода въ

родъ, положило также рѣзкое различіе въ характерѣ и бытѣ того и другаго класса. На сколько зажиточность и матеріальное довольство крестьянъ-землевладѣльцевъ способствовало образованію изъ нихъ самостоятельныхъ энергичныхъ и предпріимчивыхъ людей, каковыхъ рѣдко можно встрѣтить между поселянами другихъ странъ, на столько же часто встрѣчающаяся бѣдность между безземельными, особенно во внутренней Финляндіи, создала изъ нихъ вѣлыхъ какъ бы равнодушныхъ къ своей судьбѣ, людей.

Наконецъ историческими-же условіями должно объяснить и замѣтное различіе въ отношеніи наружныхъ свойствъ между карелами — жителями береговъ Ладожскаго озера, и собственно финнами (въ древности ямъ и емь), населяющими остальную часть Финляндіи. Первые, съиздавня находясь въ сношеніяхъ съ русскими, носятъ на себѣ слѣды русскаго вліянія, вторые — шведскаго. Такъ, многіе изъ кареловъ исповѣдуютъ православную вѣру, одѣваются по русски, высокаго роста и имѣютъ черты лица, сильно напоминающія великорусса; въ самомъ языкѣ кареловъ можно узвать множество испорченныхъ русскихъ словъ. Собственно финны, напротивъ, говорятъ на своемъ языкѣ, всѣ исповѣдуютъ протестантскую вѣру, средняго роста, сухощавы, но крѣпко сложены, цвѣтъ лица имѣютъ смугложелтоватой, глаза довольно узкіе, волосы бѣлые, желтые или русые; бороду и усы носятъ не многіе, а большею частію брвютъ.

Одежда финновъ также заимствована отъ шведовъ и напоминаетъ костюмъ нѣмецкихъ крестьянъ, и состоитъ изъ сюртука (у болѣе зажиточныхъ), куртки въ родѣ пиджака, жилета съ мѣдными пуговицами и штановъ при башмакахъ съ пряжками и чулками. Сюртукъ и штаны обыкновенно темносиняго цвѣта, куртка и кафтанъ сѣраго, а жилетъ преимущественно краснаго цвѣта; на головѣ фуражка или круглая шляпа съ большими полями. Женщины носятъ такъ называемое нѣмецкое платье, а также и свой національный костюмъ, въ коемъ наиболѣе характернымъ представляется головной уборъ,

сдѣланный въ видѣ роговъ, и множество металлическихъ украшеній на головѣ, шеѣ, груди, поясѣ. Юбка синяя, полосатая или красная. Вообще красный цвѣтъ, самый любимый въ Финляндіи, употребляется вездѣ, гдѣ можно. Одежда какъ зимою, такъ и лѣтомъ одинакова не только по покрою, но часто служить въ теченіи цѣлаго года одна и таже: тѣ же куртки и кафтаны зимою, и рѣдкіе, больше старики, употребляютъ шубы. Самый трескучій морозъ какъ-бы не имѣетъ для финна значенія.

Поселяне землевладѣльцы, особенно въ окрестностяхъ городовъ и по большимъ дорогамъ, рѣкамъ и каналамъ живутъ такъ оцрятно, такъ хорошо, что нельзя не восхищаться ихъ бытомъ. Большихъ селъ въ Финляндіи нѣтъ, такъ какъ финны живутъ уединенно, отдѣльными семьями. Дома ихъ деревянные, на каменномъ фундаментѣ, изъ тесанныхъ бревенъ или даже каменные, по большей части окрашены красною краскою, съ большими свѣтлыми окнами, крыты дранями, тесомъ или гонтомъ. Внутри этихъ домовъ, кромѣ черной рабочей комнаты, служащей вмѣстѣ и кухнею, находится обыкновенно одна большая комната, а во многихъ и по одной и по двѣ малыхъ комнаты, служащихъ спальнею для хозяевъ и дѣтей ихъ, для рабочихъ и для храненія одежды и т. д. Всѣ эти комнаты выбѣлены и убраны мебелью домашней, хотя и незамысловатой, но прочной работы. Полы усыпаны обыкновенно можжевеловымъ. Въ кухнѣ съ чрезвычайно аккуратною разставлены по полкамъ блюда, тарелки и прочія принадлежности; вездѣ господствуетъ порядокъ и чистота. Въ главной (передней) комнатѣ каждаго поселянина стоитъ шкафъ; въ немъ, на полкахъ подъ стекломъ, хранится чайный и кофейный приборы и серебряныя ложки. У нѣкоторыхъ поселянъ есть богатые серебряныя кубки, изъ которыхъ въ торжественные дни пьютъ вино, водащееся у каждаго изъ нихъ, и не только простое, но и виноградное. Въ спальнѣ стоитъ широкая раздвижная кровать съ чистымъ бѣльемъ и пологомъ. Занавѣски на окнахъ составляютъ также необходимую

принадлежность финскаго жилища; ихъ можно встрѣтить повсюду— и въ селахъ, и въ городахъ, и у богатыхъ, и у бѣдныхъ; у другаго нѣтъ порядочнаго стула, но есть занавѣски. Это можно назвать народною страстью, первою потребностію. Кромѣ того, у каждаго порядочнаго поселянина, равно какъ и у всѣхъ городскихъ жителей, непремѣнную домашнюю утварь составляетъ нѣсколько певковыхъ трубокъ въ серебряной оправѣ, красиво разставленныхъ въ углу комнаты. Въ Финляндіи всѣ курятъ, и эта страсть въ особенности развита въ молодомъ поколѣніи. Даже десятилѣтніи дѣти курятъ изъ своихъ коротенькихъ трубочекъ. Куреніе финновъ непріятно, потому-что они безпрестанно поплевываютъ во время куренія. Коренные Финляндцы строго соблюдаютъ чинопочитаііе по трубкамъ; въ этомъ отношеніи часто гостей подраздѣляютъ на три класса: гостямъ перваго класса, самымъ почетнымъ, хозяинъ самъ набиваетъ трубку и подаетъ огонь; втораго класса — онъ указываетъ на трубку и подаетъ огонь; третьяго класса — онъ просто указываетъ на трубку, говоря: «а вотъ огонь». Распространено также жеваніе табаку.

Къ числу домашнихъ принадлежностей финскаго жилища должно причислить также качающееся кресло съ высокимъ задомъ, ножки котораго вставлены въ два изогнутые въ видѣ дуги бруска, такъ что, сидя на немъ, при малѣйшемъ усиліи, происходитъ безконечное качаніе. Поселянинъ усаживается на эту качалку въ воскресный день и проводитъ время за чтеніемъ какой нибудь религіозной книги или газеты.

Большую часть рабочей половины финскаго жилища занимаетъ огромная печь съ очагомъ, надъ которымъ виситъ большой мѣдный котелъ. Въ этомъ котлѣ готовятъ кушанья. Возлѣ него стоитъ шкафъ съ посудой. Кругомъ стѣнъ разставлены бѣлыя, деревянные лавки, служащія также кроватями для работниковъ и домашней прислуги; передъ лавками чисто вымытые столы, на одномъ изъ которыхъ всегда можно найти свалгаліе.

Кромѣ жилаго дома, необходимую принадлежность финскаго двора составляетъ: рига, житница и баня, до которой финны такіе же охотники, какъ и русскіе. Баня эта обыкновенно имѣетъ видъ небольшого, отдѣльно стоящаго домика съ каменною печкой безъ трубы, съ небольшимъ отверстіемъ въ стѣнѣ, вмѣсто окошка, и съ низенькою дверью. Вмѣстѣ съ банею перѣдко можно встрѣтить въ крестьянскихъ дворахъ и небольшую кузницу, которая служитъ остаткомъ обычая финскихъ крестьянъ своими руками готовить всѣ предметы домашняго обихода. Вообще финскіе дворы отличаются домовитостію и прочностію постройки. Финны имѣютъ большую склонность къ постройкамъ и стараются въ нихъ перещеголять другъ друга. Всѣ лишніе деньги, часто въ ущербъ достоинству пищи, финны охотнѣе всего употребляютъ на постройки.

Пища финновъ, даже и зажиточныхъ, отчасти вслѣдствіе бѣдности собственныхъ произведеній страны, отчасти по унаслѣдованной съ давнихъ поръ привычкѣ, самая неприхотливая. Мягкій ржаной хлѣбъ у финновъ — роскошь. Обыкновенно-же они ѣдятъ хлѣбъ два раза въ годъ, въ видѣ сухихъ круглыхъ лепешекъ. Въ средіяхъ каждой лепешки дѣлается отверстіе, посредствомъ котораго лепешки навизываются на шести. Шести эти протягиваются подъ потолкомъ кухни и, по мѣрѣ надобности, съ нихъ снимаютъ лепешки. Кромѣ хлѣба, любимую пищу финновъ составляютъ: масло, картофель, рыба (большую частью соленая) и овощи, изъ которыхъ болѣе другихъ распространены рѣпа и картофель. Молоко, особенно кислое, также составляетъ у финновъ предметъ первой потребности. Его ѣдятъ и пьютъ во всѣхъ возможныхъ видахъ. Въ особой молочной кладовой стоятъ особый чанъ, куда вливаютъ всѣ остатки молока и тамъ оно, перекинувшее, служитъ запасомъ на всю зиму. Пахтанье изъ масла, вкусный и хорошій напитокъ, пока оно свѣжо, можно также получать вездѣ въ Финляндіи. Часто употребляется оно смѣшанное съ водою. Вода и прѣсное молоко составляютъ общій напитокъ въ

Финляндіи, и у зажиточныхъ ставятся въ графинахъ. Но безпрестанное употребленіе молока развиваетъ между финнами разныя желудочныя болѣзни. На молоко-же, смѣшанномъ съ водою готовится національное кушанье финновъ—супъ изъ ржаныхъ крупъ и рѣпы. Любимое питье,—кофе у женщинъ и водка у мужчинъ. Хотя финны большіе охотники до водки и употребляютъ ее часто (разумѣется, если имѣютъ средство), но пьянство между ними не замѣтно. Финляндцы еще не такъ любятъ кофе, какъ финляндки, которыя безъ него рѣшительно не могутъ жить. Кофе ихъ вторая натура. Многіе по бѣдности, за неимѣніемъ чего другаго, питаются кофе и овъ ихъ насыщаетъ. Финляндки запиваютъ кофеемъ и радость, и горе; у иной хозяйки въ коморкѣ бѣдность, недостатокъ, а ужъ кофейникъ есть навѣрное.

Вообще о финнахъ надобно сказать, что, кажется, нѣтъ народа болѣе неприхотливаго на пищу: простой финнъ довольствуется твердою какъ камень хлѣбною лепешкою, кислымъ молокомъ, картофелемъ и нѣсколькими салакушками (маленькими рыбками); онъ этимъ сытъ и доволенъ и не желаетъ ничего лучшаго. Финны не имѣютъ понятія о щажѣ, о супѣ; даже и городскіе жители не всѣ употребляютъ горячее мясное, и это не отъ бѣдности, а просто по укоренившейся привычкѣ. Но, разумѣется, такая привычка къ умеренности развилась не отъ чего другаго, какъ отъ бѣдности, вслѣдствіе скудости даровъ природы и общественныхъ условій. Ибо, какъ мы выше сказали, если часть финновъ, собственно крестьянъ-землевладѣльцевъ, и пользуется достаткомъ, рѣдкимъ въ другихъ странахъ, то другая, и гораздо большая часть, особенно въ глухихъ мѣстностяхъ внутренней Финляндіи, вдали отъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ и путей сообщенія, до сихъ поръ находится въ бѣдности. Особенно это должно сказать о безземельныхъ, живущихъ наемнымъ трудомъ и *торпаряхъ*—т. е. арендаторахъ небольшихъ участковъ; по мѣрѣ улучшенія состоянія торпарей, увеличиваются и

требованія собственниковъ земли, и, разумѣется, при такихъ обстоятельствахъ, имъ трудно достигнуть достатка.

Между тѣмъ какъ по береговой дорогѣ, особенно по южной, деревня за деревней и домъ за домомъ свидѣтельствуютъ о достаткѣ населенія края, во внутреннихъ областяхъ Финляндіи можно проѣхать цѣлыя мили, не увидѣвъ слѣда хижины; а если, наконецъ, и встрѣтится жилище, то оно виситъ на скатѣ горы или ютится въ роцѣ гдѣ-нибудь по берегу озера.

Простъ и безыскусственъ бытъ здѣшняго поселанина. Изба его немного просторнѣе бани, но по виду и обстановкѣ совершенно подобна ей. Внутренность избы представляетъ посѣтителю странную картину: стѣны и полъ, сколоченные изъ неотесанныхъ бревенъ и досокъ сосновыхъ, черны какъ уголь, черныя—отъ дыму, а послѣдній—отъ всякой, никогда не смывающейся, грязи. Окно нѣтъ, кромѣ волоковыхъ, въ которыхъ доску по произволу можно отодвигать и задвигать. «Чтобы лучше понять всю особенность такого жилища, говоритъ знаменитый финскій поэтъ Руненбергъ въ своемъ описаніи внутренней Финляндіи, надобно видѣть ее въ зимній вечеръ. Печь, святилище жилища, стоитъ тогда въ полномъ блескѣ. Крупныя сосновыя дрова пылаютъ широкимъ пламенемъ и вся комната наполнена ослѣпительнымъ сіяніемъ, которое еще увеличивается отъ горящихъ лучинъ, то воткнутыхъ въ стѣну, то поддерживаемыхъ свѣтцами. Въ этомъ свѣтѣ движется или чаще покоится множество людей. Женщины сидятъ за прялкою или горшкомъ, а то занимаются другою работою; мужчины дѣлаютъ корзины, сани, лыжи и т. п., нищѣ и нахлѣбники *) лежатъ предъ огнемъ для постоянной статьи домашней работы—щипанія лучины—которая исполняется какимъ-нибудь старичкомъ, спокойно дѣлящимъ тоненькіе драки еще

*) О нихъ будетъ сказано ниже.

на болѣе тончайшія. Въ это время толпа ребятишекъ обыкновенно валяется на печи. Надъ длиннымъ корытомъ, возлѣ двери, лошадь лакомится сѣчкою, наслаждаясь тепломъ и обществомъ, между тѣмъ какъ пѣтухъ, если онъ еще не занялъ ночлега въ кругу своего семейства, павѣщаетъ своихъ подругъ по всѣмъ угламъ комнаты. Вотъ что представляетъ въ зимній вечеръ съ небольшими измѣненіями всякая финская изба».

Невозможно описать той бѣдности, которая господствуетъ между жителями нѣкоторыхъ мѣстностей внутренней Финляндіи. Скучная, часто противная природѣ, пища дѣйствуетъ губительно на ихъ тѣлесныя силы, а отъ незнакомства съ иными наслажденіями, кромѣ сна и покоя, происходитъ, что они исключительно придерживаются этихъ двухъ удовольствій и не стараются доставить себѣ другія. Рѣдко мысли ихъ простираются далѣе заботы о нѣсколькихъ дняхъ. Промышленность вообще слабо здѣсь развита, да и удаленность отъ городовъ затрудняетъ сбытъ произведеній. Земледѣлію препятствуетъ жестокий врагъ — морозныя ночи. Многія хозяйства такъ терпятъ отъ нихъ ежегодно, что часто жители не могутъ даже засѣвать поля свои. Проголодавъ цѣлый годъ, крестьянинъ спѣшитъ убрать свой хлѣбъ прежде, нежели зерно разовьется и созрѣетъ. Домашній скотъ, который лѣтомъ пасется по берегамъ лѣсныхъ ручьевъ и въ долинахъ горъ, кормится въ проголодь за недостаткомъ соломы и часто въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Небольшое количество жидкаго молока, получаемого въ это время, употребляется на смачиваніе жесткаго хлѣба изъ древесной коры, которая большею частью составляетъ единственную пищу крестьянъ. «Онъ ѣстъ круглый годъ жесткій хлѣбъ» и «онъ немовѣрно богатъ»—значать здѣсь одно и то же. «Однажды, говоритъ Руненбергъ, случилось зайти мнѣ на лугъ, съ котораго убирали сѣно. По стѣнамъ гумна развѣшаны были котомки рабочаго люда, и я полюбопытствовалъ заглянуть во многія изъ нихъ. Во всѣхъ нашелъ я

лепешки, слѣпленные изъ еловой коры: онѣ были чернехоньки внутри, а снаружи подернуты бѣлымъ слоемъ муки. Въ нѣкоторыхъ сумкахъ было сверхъ того немного соленій, жесткой корюшки, въ другихъ нѣсколько зеренъ соли.

Въ составѣ обитателей финской избы названы были выше нищіе и нахлѣбники. «Нахлѣбникъ, по словамъ того-же поэта Руненберга, вторая ласточка финскаго поселянина. Подобно ей, они подѣ крестьянскою кровлею требуютъ мѣста для себя и для своихъ. Подобно ей, никогда не получаютъ въ томъ отказа и какъ она, живутъ тѣмъ, что Богъ послалъ. Плата за его постой обыкновенно состоитъ въ томъ, что онъ бросаетъ въ избу дрова въ волоковое окно. Остальной трудъ въ вознагражденіе хозяевъ зависитъ отъ его доброй воли. Такой человекъ, если онъ не знаетъ никакого ремесла, иногда промышленяетъ рыбною ловлею, охотою и сверхъ того пользуется безъ позволенія, но и безъ запрета, тою выгодою, что пускаетъ по ихъ землѣ палу (сжигаетъ лѣсъ и кустарникъ) для посѣва рѣпы и обращаетъ произрастенія въ свою собственность. Если ему удастся запасти коровою, то она живетъ вмѣстѣ съ хозяйскими. Такъ какъ нужды нахлѣбника невелики, а по безграничной добротѣ хозяина обязанности еще менѣе значительны, то ясно, что онъ болѣе всякаго другаго слѣдуетъ врожденной селонности финновъ къ безопасности и лѣни. Потому-то и видишь его всегда отдыхающимъ: зимою — передъ печью на лавкѣ, лѣтомъ — на голой землѣ, на солнцѣ.

Другую непремѣнную принадлежность избы составляютъ нищіе. Правда, они остаются не навсегда: но приходятъ и удаляются; но рѣдко выдается день, въ который-бы крестьянинъ, живущій у дороги, не пріютилъ одного или нѣсколькихъ такихъ посѣтителей. «Нищаго у финновъ вовсе не презираютъ, не ставятъ въ ничто. Ему, по ихъ мнѣнію, сопутствуетъ Богъ; нищій часто странствуетъ съ женою и дѣтьми, съ одного двора на другой, и вездѣ встрѣчаютъ его

какъ гостя, а не какъ бѣдняка, живущаго милостынею; въ печкѣ есть жаръ для него, какъ и для другихъ; онъ ничего не требуетъ; всякій и безъ того знаетъ нужды его и удовлетворяетъ ихъ по возможности. Никому и на мысль не придетъ кормить его какими-нибудь остатками; онъ вмѣстѣ съ домашними ѣстъ лучшее кушанье, какое только имѣется у нихъ, т. е. единственное; онъ рассказываетъ, если у него найдется что-нибудь для разсказа; шутитъ, если вздумается шутить; дѣти его, ежели они при немъ, играютъ вмѣстѣ съ хозяйскими дѣтьми. Вечеромъ ложится онъ тамъ, гдѣ съестъ спокойный уголокъ, на печи или на лавкѣ; онъ не завидуетъ тому, кто занялъ лучшее мѣсто; тотъ на него не сердится, когда ему удастся завладѣть такимъ мѣстечкомъ. Захочетъ онъ уйти, — уходитъ и буди онъ самъ или кто-нибудь другой изъ его семьи слишкомъ слабъ и хворъ, въ такомъ случаѣ крестьянинъ, какъ искони водится, запрягаетъ лошадь и охотно, во всей простотѣ своего сердца, везетъ нищаго или его сродниковъ до ближайшаго двора. Такъ живетъ нищій между финнами. Онъ ѣстъ кору, потому-что и крестьянинъ, его принимающій, ею питается; живи крестьянинъ на бѣломъ хлѣбѣ — и у нищаго была-бы та-же пища».

По обращенію финновъ съ нищими уже можно судить вообще объ ихъ гостепрѣимствѣ. Дѣйствительно, едва-ли есть народъ, который-бы съ подобными средствами такъ радушно дѣлился своимъ добромъ и былъ такъ готовъ исполнить всякое требованіе. Чужому всегда даютъ лучшее, что только удастся достать, и величайшаго труда стоитъ убѣдить кого-нибудь, чтобы онъ принялъ малѣйшую плату за угощеніе. Такимъ гостепрѣимствомъ отличаются всѣ классы населенія и изъ высшихъ особенно — пасторы. Всякій путешественникъ смѣло можетъ заѣзжать въ попилу (такъ называется усадьба пастора) и найдеть тамъ привѣтъ и обильное угощеніе.

Вмѣстѣ съ гостепрѣимствомъ отличительною чертою финновъ служитъ честность. Не смотря на бѣдность массы, кражи случаются

между финнами очень рѣдко и считаются столь тяжкимъ проступкомъ, что до сихъ поръ, по финскимъ законамъ, наказываются смертною казню *). Что бы ни запродавъ финнъ въ долгъ, на какую бы сумму ни ссудилъ деньгами, онъ готовъ довольствоваться однимъ честнымъ словомъ, не требуя росписокъ и документовъ, разумеется, если лицо заслужило его довѣріе.

Финны услужливы и привѣтливы, когда замѣчаютъ тоже самое со стороны другихъ; въ противномъ-же случаѣ они упрямы и дерзки. При встрѣчѣ съ высшими, каждый финнъ желаетъ счастливаго пути, выражая свое привѣтствіе наклоненіемъ головы и приподнимая фуражку. Это дѣлаетъ онъ съ какою-то важностію, безъ всякаго подострастія и низкопоклонничества, какъ равный равному.

Къ сожалѣнію, бѣдность и неблагоприятныя условія окружающей природы неблагоприятно повліяли на характеръ немущей массы населенія. Крестьянскія бѣдныя нѣсколько лѣнивъ, безстрастенъ и вообще скупо на слова. Нравъ у него кроткій, терпѣливый и уступчивый. Бѣдность и стѣсненія, въ которыхъ онъ живетъ, заставили его заключиться въ самомъ себѣ; всѣ душевныя силы его дѣйствуютъ внутрь, такъ-что онъ рѣдко и слабо обнаруживаются дѣломъ. Величавая природа, его окружающая, никогда не доставляла ему удовольствія покорить ее: она всегда являлась предъ нимъ гордою и непреодолимою; тогда какъ душа его съ безсознательнымъ трепетомъ преклоняется предъ нею, силы тѣлесныя дремлютъ и увядаютъ. Но это безсиліе предъ природою, съ другой стороны, отражается на религіозности финновъ, въ которой они какъ-бы ищутъ защиты противъ вѣшнихъ бѣдъ.

Финны чрезвычайно богомольны и строго соблюдаютъ всѣ предписанныя церковью обряды, они не пропускаютъ ни одной обѣдни, и

*) Надо было впрочемъ сказать, что хотя смертные приговоры и произносятся судами, но не исполняются, а замѣняются тюремнымъ заключеніемъ.

хотя иной живетъ далеко отъ кирки, за то отправляется ранѣе и ужъ навѣрное не пропуститъ службы; поэтому финскія кирки полны всегда молящимися. Благодаря заботливости духовенства, религіозныя вѣрованія финновъ чисты и очищены отъ многихъ языческихъ суевѣрій и обрядовъ.

Вообще вѣра въ Финляндіи имѣетъ большое значеніе не только въ нравственномъ отношеніи, но она оказываетъ огромное вліяніе и на распространеніе въ народѣ грамотности. Такъ, по закону, никто не допускается къ приобщенію святыхъ таинъ, не пользуется гражданскими правами, не имѣетъ права вступить въ бракъ, кто не знаетъ читать катехизиса и священнаго писанія и кто не умѣетъ объяснить главные догматы вѣры. Поэтому всѣ родители стараются учить дѣтей своихъ грамотѣ, а духовенство, съ своей стороны, обязано имѣть главное наблюденіе за обученіемъ прихожанъ. Для этого пасторы, отъ времени до времени, разъѣзжаютъ по своему приходу и экзаменуютъ дѣтей, а кромѣ того, предъ допущеніемъ къ причастію, всѣ молодые люди собираются на нѣкоторое время къ пастору, который объясняетъ имъ главные догматы вѣры и затѣмъ производитъ экзаменъ. Пасторъ въ Финляндіи пользуется большимъ значеніемъ и уваженіемъ. Онъ проповѣдникъ, учитель, докторъ, адвокатъ, судья. Пасторъ проповѣдуетъ на народномъ языкѣ слово Божіе; онъ сѣетъ въ народѣ первыя сѣмена образованія, къ нему обращается народъ за совѣтомъ въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, за медицинскою помощію въ болѣзни; если крестьяне не поладятъ въ чемъ-нибудь между собою, они идутъ на судъ къ пастору, и его слово — законъ; пасторъ собираетъ подати съ народа и онъ-же ходатайствуетъ предъ высшимъ начальствомъ о нуждахъ своихъ прихожанъ.

Финны чрезвычайно любятъ свое отечество, свой языкъ и гордятся имъ. Даже въ тѣхъ деревняхъ и городахъ, въ которыхъ они находятся въ постоянномъ сношеніи съ русскими, они говорятъ не

иначе какъ по фински. Языкъ финновъ отличается обиліемъ гласныхъ звуковъ. Много усилій стоило финнамъ завоевать себѣ уваженіе къ своему языку, совершенно вытѣсненному - было шведскимъ языкомъ изъ употребленія. Только при нынѣ царствующемъ Государѣ финскій языкъ повелѣно было допускать въ судахъ и училищахъ, но и до сихъ поръ между финскимъ и шведскимъ языками (защитникомъ употребленія котораго являются высшіе классы и правительственныя лица) идетъ борьба.

Вотъ какъ рисуетъ одинъ народный финскій поэтъ (Лютиненъ) это забытое положеніе финскаго языка въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

«Горюетъ финскій языкъ о томъ, что давно его презираютъ, цѣнятъ низко, хотя, по мыслямъ народа, и надобно-бы ему быть въ почетѣ. На все есть у него выраженіе, есть имя на всякую вещь; можетъ онъ толковать законъ, можетъ проповѣдывать Евангеліе.

«Сперва младенецъ растетъ въ пеленкахъ, но наконецъ дѣлается же человѣкомъ не хуже другихъ или и совсѣмъ погибнетъ; а бѣдный финскій языкъ все держатъ въ пеленкахъ, въ колыбели, будто въ тюрьмѣ, и весь вѣкъ онъ долженъ плакать о своемъ горѣ, по вечерамъ пропадать отъ скуки, смертельно тосковать въ сердцѣ, что все ему приходится стоять за дверью и стучаться по-напрасну...

«Довольно уже въ селахъ Финляндіи поклонялись шведскому языку; чрезъ мѣру большія деньги выдавали за него, даже и въ самыхъ низкихъ лачужкахъ. Довольно уже финскій языкъ стоялъ и кланялся смиренно, чтобы ему въ приговорѣ суда растолковали самое простое выраженіе, или сочинили бумагу, въ которой потомъ счету нѣтъ ошибкамъ!

«Вѣдь финскій-то языкъ ясенъ и понятенъ; станетъ его на все, что ни говорится; все на немъ можно выразить, всякую науку объяснить, по фински можно растолковывать всякое ученье, изъ нѣмец-

кой-ли оно земли или изъ другихъ краевъ. А при томъ, въ финскомъ языкѣ много пріятности и для пѣнія.

Народныя празднества финновъ.

Заботы о пропитаніи, непрерывно тяготѣющія надъ финнами, не позволяютъ имъ предаваться той живой радости, которую во многихъ другихъ мѣстахъ порождаютъ народныя празднества и игры. Только на святкахъ и на Ивановъ день замѣтно нѣкоторое расположеніе къ веселью. На святкахъ молодежь собирается къ пляскѣ и другимъ забавамъ; въ это время непременно долженъ быть, даже въ хижинѣ самаго бѣднаго, накрытый столъ, который въ теченіе многихъ дней стоитъ какъ праздничное убранство. На немъ собрано все, что въ состояніи доставить хозяйство зажиточнаго финна, что удалось сберечь отъ весенняго голода бѣдняку; все это идетъ на то, чтобы угостить и распотѣшить святочныхъ гостей. Кто-бы ни вошелъ въ жилище финна, онъ каждого старается угостить.

Ночь на Ивановъ день празднуется чуть-ли не веселѣе всѣхъ другихъ празднествъ. Канунъ Иванова дня считается у финновъ чернымъ днемъ. Простой народъ вѣритъ, что въ ночь на Ивановъ день открываются всѣ клады; на томъ мѣстѣ, гдѣ находится кладъ, по ихъ повѣрью, виднѣтся въ эту ночь синее пламя; но пламя это можно видѣть не иначе, какъ съ крыши такого строенія, которое перенесено было на третье мѣсто. Иные финны, вслѣдствіе подобныхъ толковъ, переносятъ съ мѣста на мѣсто одно и то-же строеніе (амбаръ, баню, даже избу), чтобы только видѣть кладъ; они также вѣрятъ, что кладъ не дается тому, кто произнесетъ бранное слово. Иные простые финны наканунѣ Иванова дня топятъ баню и готовятъ все, что нужно для мытья: воду, вѣнники, мыло и проч., и оставляютъ все это на цѣлую ночь для невидимаго хозяина дома—

«домоваго», который за это вниманіе будетъ снисходительнѣе. Вечеромъ, наканунѣ Иванова дня, финская молодежь пускаетъ по озерамъ и рѣкамъ зажженные смоляныя бочки и кадья, и жжетъ *кокко* (костры) и стрѣляетъ изъ ружей въ честь праздника. Для устройства *кокко* избираютъ обыкновенно высокую, полуобгорѣлую сосну, на песчаной горѣ, которая - бы господствовала надъ окрестностью. Сухое дерево обставляютъ смолистыми, легкогорающими вещами, громоздятъ ихъ какъ можно выше, а въ полночь зажигаютъ всю гряду: она пылаетъ при звукѣ скрипокъ, гуль выстрѣловъ и крикахъ веселящейся кругомъ толпы. Болѣе зажиточные, особенно вблизи городовъ, всю ночь проводятъ въ танцахъ, гуляньяхъ на лодкахъ и прогулкахъ.

Довольно веселый также праздникъ совершается и по случаю счастливаго окончанія жатвы. Три дня сряду въ это время молодежь финскихъ деревень празднуетъ и веселится. Обыкновенно празднество это бываетъ въ домѣ болѣе зажиточнаго. Крестьяне и крестьянки наряжаются какъ можно лучше, и цѣлыя ночи танцуютъ шведскую кадрили и вальсъ, подъ музыку скрипокъ, вообще довольно употребительныхъ у финновъ.

Брачныя обряды финновъ весьма разнообразны въ разныхъ мѣстностяхъ и подробное описаніе ихъ было бы утомительно. Празднованіе свадьбы продолжается нѣсколько дней сряду непрерывно, иногда пять или шесть дней.

Похороны совершаются гораздо проще. Трупъ одѣвается въ бѣлое полотно и съ пѣвнѣмъ переносится въ церковь. Гробъ почти всегда бываетъ чернаго цвѣта, и хотя дѣлается иногда желтый, бѣлый, голубой, по иногда красный.

Поэзія финновъ.

Главнымъ и почти единственнымъ памятникомъ древней самобытной образованности финновъ остаются ихъ пѣсни. Они носятъ на себѣ рѣзкую печать той національности, которой не могла изгладить въ народѣ ни утрата политической независимости, ни время. Главнымъ божествомъ языческихъ финновъ былъ пѣвецъ Вайнемейнепъ, котораго они прозвали своимъ гениемъ покровителемъ, богомъ, даровавшимъ имъ поэзію; слѣдовательно они прозвали пѣсни даромъ божественнымъ.

Поэтическая способность была нѣкогда общею принадлежностію народа. Въ прежнія времена народныя пѣвцы были чрезвычайно многочисленны въ Финляндіи. Почти на всякой пирушкѣ, на всякомъ праздничномъ собраніи раздавались пѣвцы, которые тутъ же и сочинялись безъ всякаго приготовленія. Веселье и горе, какое нибудь выдающееся событіе однообразной сельской жизни, чей нибудь подвигъ, общее благо или бѣдствіе, смерть друга или насмѣшки надъ недругомъ — все это попеременно служило предметомъ такихъ импровизаций. Даже жепщины во время работы сочиняли и пѣли пѣсни. Нынѣ это народное поэтическое творчество угасаетъ въ Финляндіи отчасти по общему для всѣхъ народовъ закону, по которому съ развитіемъ образованности ослабѣваютъ поэтическія способности націи, отчасти же по излишнему усердію пасторовъ, которые, считая народную поэзію между финнами остаткомъ язычества, всячески старались ее истребить. Однако-же мѣстами, особенно - же въ сѣверо-восточныхъ частяхъ Финляндіи, въ Саволакскѣ и Карелии еще и нынѣ встрѣчаются пѣвцы между поселянами. Они поютъ пѣсни безъ всякаго приготовленія и наиболѣе удачныя изъ нихъ заучиваются,

въ стихахъ распространяются въ народѣ и распѣваются имъ. Въ финской литературѣ можно найти не мало сборниковъ произведеній такихъ народныхъ поэтовъ. Обыкновенно, на какойнибудь веселой пирушкѣ, выдѣляются изъ толпы два пѣвца: одинъ сочиняетъ, другой повторяетъ слова его такимъ образомъ, что когда первый приближается къ концу строфы, другой начинаетъ ее и повторяетъ всю, въ другой разъ. Первый между тѣмъ придумываетъ новую строфу, которую и принимается пѣть, когда повторяющій останавливается. Оба пѣвца сидятъ другъ противъ друга, колѣни о колѣни и рука съ рукою; во все время, пока продолжается пѣніе, они слегка качаются взадъ и впередъ и на лицѣ ихъ видны важность и раздумье. Конечно тутъ-же поются и старыя пѣсни; однимъ словомъ всякій поетъ то, что знаетъ.

Общій характеръ финскихъ пѣсень есть важность и мрачная тоска, свойства, отличающія впрочемъ вообще пѣсни сѣверныхъ народовъ, но у финновъ свойства эти еще усилены вліяніемъ сѣверной, бѣдной дарами, природы, бѣдностію и тяжестію ихъ судьбы, такъ долго тяготѣвшей надъ ними. Отъ того меланхолическій характеръ преобладаетъ особенно въ старинныхъ пѣсняхъ. Въ ихъ содержаніи очень часто бываетъ плачевное, онѣ наполнены скорбію объ утратахъ и бѣдствіяхъ общественныхъ и семейныхъ. Напротивъ, въ новѣйшее время финскія пѣсни чаще и чаще становятся выраженіемъ сердечной веселости и шутливой насмѣшки; въ нихъ выставляются съ смѣшной стороны то явленія повседневной жизни, то недостатки ближняго. Тоскливость большинства финскихъ пѣсней выражается и въ напѣвахъ; они по большей части утомительно однообразны и неизмѣнны отъ начала до конца пѣсни; только наступесскія и шутливыя пѣсни представляютъ болѣе разнообразіа.

Поэтическія наклонности финновъ отражаются очень явственно и въ ихъ обыкновенномъ разговорѣ. Безпрестанно употребляемыя сравненія, иносказанія, особенно олицетворенія неодушевленныхъ или оду-

шевленныхъ предметовъ составляютъ постоянное свойство рѣчи финна, разумѣется когда онъ разсуждаетъ о какихънибудь болѣе или менѣе важныхъ дѣлахъ. Другой предметъ, сильно поражающій иностранца въ разговорѣ съ финномъ, есть необычайное обиліе пословицъ, существующихъ въ ихъ языкѣ почти на всѣ житейскіе случаи и по большей части превосходныхъ, не только по своему глубокому смыслу, но и по способу выраженія. Онѣ обыкновенно кратки, замысловаты и картинны и нерѣдко выражаются въ стихотворной формѣ. Ихъ такъ много, что нерѣдко изъ нихъ составляется цѣлый разговоръ. Вмѣстѣ съ пословицами финны очень любятъ и загадки, составленіе которыхъ и ихъ угадываніе издавна составляетъ одну изъ любимыхъ общественныхъ забавъ.

Наиболѣе интересный разрядъ пѣсень — суть древнія пѣсни, въ которыхъ выражается міросозерцаніе финновъ, ихъ вѣрованія въ періоды до принятія ими христіанства. Наибольшее число этихъ пѣсней принадлежитъ къ числу заклинаній, которыми, по вѣрованію древнихъ финновъ, удалялись отъ человѣка различныя бѣды и напасти. При поэтическомъ взглядѣ на міръ, финны всякое зло считали существомъ живымъ, слѣдовательно врагомъ своимъ, и притомъ врагомъ коварнымъ, скрытнымъ, но которой упорствуетъ до тѣхъ только поръ, пока человѣкъ не узнаетъ, не проникнетъ въ его замыслы. Какъ скоро это будетъ сдѣлано и выражено, онъ непременно долженъ устыдиться и бѣжать. Такъ произошли заклинанія, которыя приняли форму пѣсней. Въ нихъ описывается сперва происхожденіе зла, потомъ вредъ, причиняемый имъ, и средство противъ него и наконецъ произносится самое заклинаніе. Эти заклинанія въ прежнія времена производились особыми лицами — финскими колдунами. Нынѣ колдуны почти совершенно исчезли въ Финляндіи; но еще въ концѣ истекшаго столѣтія ихъ было тамъ очень много. Они сами твердо вѣрили въ свое искусство и обыкновенно передавали своимъ дѣтямъ, почему оно считалось достояніемъ цѣлыхъ родовъ. Теперь

слѣды колдовства народъ хранить только въ заклиательныхъ пѣсняхъ, какъ наслѣдіе, оставшееся отъ предковъ.

Такия заклиательныя пѣсни составляютъ главную часть наиболѣе замѣчательнаго произведенія финскаго народнаго творчества — поэмы «Калевала», происхожденіе которой относится къ весьма древнимъ временамъ. Сущность содержанія «Калевалы» заключается въ сношеніяхъ, частію враждебныхъ, частію дружественныхъ, между двумя народами, изъ которыхъ одинъ живетъ въ странѣ Колевы, а другою въ Похіэлы. Колевы есть имя родоначальниковъ героевъ или боговъ, дѣйствующихъ въ поэмѣ, почему край, въ которомъ происходила ихъ дѣятельность — Финляндія — называется Калевалою. Что касается до Похіэлы, то, по мнѣнію большинства изслѣдователей, подъ этимъ именемъ должно разумѣть Лапландію — страну сѣвера. Поводомъ къ враждѣ между двумя народами служило сватовство финскихъ героевъ за прекрасную невѣсту на сѣверѣ и предложенная женихамъ задача — достать какое-то сокровище, называемое въ пѣсняхъ «Сампо». Что это за сокровище — точно неизвѣстно, но въ пѣсняхъ ему приписывается чрезвычайная благодѣтельная сила, ибо съ помощію его получается хлѣбъ въ удивительномъ изобиліи; вотъ почему оба народа и оспариваютъ другъ у друга таинственную драгоценность, которая сначала находится во владѣніи Похіэлы, а потомъ возвращается финнами въ ихъ отечество. Главными лицами со стороны финновъ являются въ поэмѣ пѣвецъ Вейнемейненъ его братъ ковель (кузнецъ) Ильмариненъ и веселый искатель приключеній Лемликейненъ, и со стороны лапландцевъ старуха Лоухи съ дочерью, за которую сватаются финскіе герои. Вейнемейненъ представляется мудрымъ старцемъ и искуснѣйшимъ колдуномъ, которому, слово и пѣніе служатъ всесильнымъ средствомъ чарованій.

Наряду съ заклианіями, въ которыхъ много таинственнаго дикаго, и малозанимательнаго, въ поэмѣ встрѣчаются самыя очаро-

вательные образы и картины, дышащія всею простотою природы, всею свѣжестію младенческаго народа.

Интересна послѣдняя руна (пѣснь) Калевалы, въ которой называется, что одна изъ дѣвъ стороны Калевалы, Мариатта, скушавъ какую-то необыкновенную ягоду, сдѣлалась беременною. Приближался къ разрѣшенію, она посылаетъ просить у жены Руотуса позволенія сходить съ нею въ баню, но получаетъ суровый отказъ. Тогда она беретъ вѣяникъ и идетъ въ конюшню, на гору Таію: тамъ дыханіе лошади служить ей вмѣсто бани, и она родитъ сына, котораго кладетъ въ ясли на сѣно. При крещеніи святитель спрашиваетъ объ отцѣ его и когда оказывается, что отца нѣтъ, то Вейнемейнену предоставляютъ рѣшить участь ребенка. Онъ предлагаетъ умертвить дитя; но мать вдругъ начинаетъ говорить и объявляетъ этотъ приговоръ не законнымъ. Крещеніе совершается; но разгнѣваемой Вейнемейненъ па вѣки покидаетъ Финляндію, оставляя ей только свою арфу и пѣсни.

Кромѣ этихъ древнихъ пѣсней у финновъ существуетъ множество пѣсней новѣйшаго времени, изъ которыхъ особенно высокими достоинствами отличаются пѣсни лирическаго характера, въ которыхъ, по выраженію одного финляндскаго писателя, выражается довѣрчивая покорность судьбѣ и сознаніе внутренняго значенія жизни. Чтобы дать о нихъ хотя нѣкоторое понятіе, мы приведемъ здѣсь два отрывка въ прозаическомъ переводѣ.

Пѣсня матери, качающей въ колыбели своего сына.

«Чиста на снѣгу бѣлая куропатка, бѣла на заливѣ пѣна морская, но чище мой малютка, мое дитяtko. Сонъ стоитъ за дверью и спрашиваетъ; сонъ дремлетъ, шепчетъ въ снѣгахъ и приговариваетъ: «есть ли тутъ малютка въ пеленочкахъ, есть ли милый младенецъ въ постелькѣ. Нѣжный сонъ приди къ постелькѣ, сынъ дремлетъ, приди къ люлькѣ младенца, подъ одѣяло малютки, подъ одежду милаго ребенка. Качайся, качайся ягода черемха! Колыхайся, колыхайся, лег-

кій листокъ. Вотъ я качаю моего сыночка, вотъ я баюкаю моего малютку. Но не знаетъ мать его, невѣдаетъ родившая, качаетъ-ли себѣ будущую опору, баюкаетъ-ли защиту своей старости? Никогда, бѣдная мать, ты, достойная жалости, не ожидай опоры отъ малютокъ въ колыбели, не жди защиты отъ сына, котораго качаешь. Легко твоя опора достается другому, твоя надежда неизвѣстному. Легко упадетъ дитятею въ зѣвъ смерти, или уводится на войну, въ толпу сражающихся, попадаетъ подъ огненную пасть пушки или въ неволю».

Или вотъ другая пѣсня, въ которой молодая крестьянка, выданная замужъ на чужую сторону, тоскуетъ по родинѣ:

«Нѣкогда общала я пѣть, когда приду сюда, радостно пѣть какъ весенняя птичка, когда буду гулять по рощѣ и ходить по густому лѣсу. Неся воду изъ колодца, слышу пѣніе двухъ веселыхъ птицъ; ахъ, если-бы я была птицей, еслибъ бѣдная, могла пѣть, я бы пѣла на каждой ели, веселила-бы каждое дерево. И я пѣла бы громче, когда-бы увидѣла, что мимо идетъ печальный. Какъ-же

узнаешь печальнаго? О, легко узнать его: тихо идетъ угнетенный и беззаботный, веселится громко.

«Что люди подумали обо мнѣ, что-то за странные слухи разнеслись, когда меня взялъ за мужъ не сосѣдь, когда я вышла за мужъ не на родинѣ; тамъ я теперь бы слышала домашняго пѣтуха, видѣла бы родимыя пашни, жила бы у нашей горы. Или я слишкомъ много пѣла? Или пила я не въ мѣру, или спала слишкомъ долго? Меня выдали за мужъ за чужаго, меня увезли въ незнакомую сторону. Ахъ лучше бы дома было пить воду, изъ коры березовой, нежели на чужбинѣ пиво изъ кружки серебряной! Ахъ, еслибъ у меня какъ у другихъ, была лошадь и въ ней были-бы сани съ двумя полозьями! Я бы легко достала себѣ дугу, отыскала оглобли; есть въ лѣсу для дуги черемуха, для оглоблей рябина. И я не стала-бы медлить, не оглянулась-бы ни разу, не остановилась-бы до тѣхъ поръ, пока въ Саволакѣ не увидѣла-бы дыма надъ отцовской избой, пока не увидѣла-бы, что топятся родимыя бани.....»

VIII. ЭСТЫ ИЛИ ЭСТОНЦЫ.

Характеръ и народный бытъ.

Эстонцы суть древнѣйшіе обитатели поморья, занятаго Эстляндскою губерніею; въ древнія времена они захватывали пространство еще далѣе къ югу. Хотя они жестоко воевали съ скандинавами, съ Новгородомъ и Псковомъ, однако не чуждались сношеній съ русскими, принимали ихъ нравы и обычаи и даже вступали въ родственныя связи. Въ землѣ эстовъ были даже русскіе города. Названный нѣмцами нынѣшній городъ Дерптъ, есть просто русскій городъ Юрьевъ, основанный русскимъ великимъ княземъ Ярославомъ.

Страна эстовъ въ то время была не богата, почва земли не плодородна, а суровый и непостоянный климатъ, прерывавшій естественный ходъ занятій и необходимую дѣятельность, порождалъ лѣность. Такимъ образомъ, когда у сосѣднихъ народовъ начали проявляться зародыши будущей цивилизаціи, своеволие эстовъ и отсутствіе общихъ интересовъ не допускали никакого организованнаго управленія, а тѣмъ менѣе сосредоточенія власти. Въ такомъ положеніи они столѣнулись съ нѣмецкими выходцами.

Долгое время они отстаивали свою языческую религію, но, наконецъ, съ появленіемъ въ ихъ странѣ нѣмецкаго ордена меченосцевъ,

здѣсь начало водворяться христіанство. Сдѣлавшись подвластными нѣмцамъ, эстонцы вмѣстѣ съ ними приняли ученіе Лютера и сдѣлались крѣпостными. Историческая-же судьба ихъ всегда была въ зависимости отъ сосѣднихъ государствъ: Швеціи, Даніи, Польши, Россіи и Германіи. Въ 1721 году, послѣ побѣдъ Петра I надъ шведами, эстонцы окончательно перешли подъ власть Россіи. Ихъ нынѣ считается нѣсколько болѣе 700,000 душъ, изъ числа которыхъ болѣе 400,000 населяютъ сѣверъ Лифляндской губерніи, 260,000 — Эстляндскую губернію, а остальные живутъ въ небольшомъ числѣ въ губерніяхъ Петербургской, Псковской и Витебской.

Наружность эстонцевъ, также какъ и языкъ ихъ, повязываютъ явно финское происхожденіе. Ростъ ихъ не высокъ, глазныя орбиты угловаты, скулы широкія, бедра узкія, а волосы мягкіе, свѣтлаго цвѣта и съ рыжеватымъ оттѣнкомъ. Эсты, живущіе по морскому берегу и на сосѣднихъ островахъ, отличаются высокимъ ростомъ и хорошимъ сложеніемъ, что и объясняется примѣсью скандинавской крови. Языкъ ихъ не болѣе какъ отрасль древняго финскаго и подраздѣляется на два говора: ревельскій — у эстовъ, занимающихъ сѣверъ и западъ территоріи, и дерптскій — у эстовъ, живущихъ на югѣ.

Костюмъ эстовъ отличается многими особенностями, при чемъ темныя цвѣта преобладаютъ вообще, и въ особенности на островѣ Эзелѣ. Черный цвѣтъ есть любимый цвѣтъ эстовъ; кромѣ рубахи и лѣтнаго платья, почти вся одежда эстонцевъ чернаго цвѣта. Почти всѣ эсты ходятъ въ длинныхъ черныхъ кафтаныхъ изъ грубаго сукна; подъ кафтаномъ надѣвается фуфайка изъ голубаго или зеленаго сукна, короткіе кожаные или полотняные панталоны и шерстяные чулки. На головѣ лѣтомъ носится круглая шляпа, а зимою шапка изъ лисьяго мѣха и овечья шуба безъ покрышки. Въ женскомъ костюмѣ замѣчается болѣе разнообразіа, въ особенности въ головныхъ женскихъ уборахъ, которыми дѣвушки отличаются

отъ замужнихъ женщинъ. Также разнообразна и женская обувь. По воскресеньямъ эсты носятъ башмаки, на подобіе сандалій, сдѣланныхъ изъ одного куска кожи; островитяне-же носятъ обыкновенныя кожаные сапоги.

Почти повсемѣстно, за малымъ исключеніемъ, женская юбка дѣлается изъ полосатаго сукна; на шею навѣшиваются серебряныя цѣпи, унизанныя разными искусственными камнями и серебряными монетами. Къ числу украшеній относится особый рядъ пряжекъ или застежекъ для рубахъ. На головѣ женщины носятъ особый головной уборъ, состоящій изъ бумажнаго картона, который надѣвается на голову, а сверху обвязывается легкою матеріею, украшенною лентами. Ни мужчины, ни женщины не стригутъ волосъ, а женщины даже и не заплетаютъ ихъ, оставляя распущенными по плечамъ. Бородъ мужчины не носятъ. Вообще костюмъ эстовъ весьма скромнъ, и по характеру и цвѣту своему весьма близко подходитъ къ серьезному характеру жителей.

Жилища эстовъ состоятъ изъ бревенчатыхъ избъ, рѣдко на каменныхъ устояхъ. Внутри помѣщеніе не очень просторно, печь обыкновенно состоитъ изъ кучи камней, расположенныхъ въ углу, и на ней-то, при помощи тагановъ, готовятся кушанья. Единственное небольшое окошечко въ избѣ расположено очень низко. Крыши избъ по большей части соломенные, а внутри избы неопратно и грязно. Бѣлые деревянные столы, сундуки и скамейки, покрытые грязью и копотью, корыто для корма скота—вотъ вся внутренняя обстановка хаты эстонскаго крестьянина. Весьма нерѣдко въ одномъ помѣщеніи съ хозяиномъ живутъ и домашнія животныя.

Пища весьма непривлекательна и состоитъ обыкновенно изъ чернаго хлѣба съ отрубями и копченой или соленой рыбы. Сельди и свинина составляютъ лакомство для достаточныхъ. Чаше-же всего на столѣ эстонскаго крестьянина является картофель и кислая ка-

пуста. Любимый напитокъ готовится изъ ячменя съ приимью хмѣля, и называется *тааръ*.

По характеру своему эсты вообще мрачны и не сообщительны съ посторонними. Вмѣстѣ съ тѣмъ они мстительны и коварны. Женщины также не расположены ни къ веселости, ни къ развлечениямъ. Упорные и терпѣливы, эсты очень флегматичны и не легко увлекаются; но обида способна возбудить въ нихъ глубокую ненависть и мщеніе. Такъ эстонецъ глубоко ненавидитъ пришельцевъ—нѣмцевъ и даже именемъ этимъ онъ пугаетъ своихъ дѣтей. Не будучи воинственными по природѣ, они однако храбры, и храбрость ихъ въ соединеніи съ упорствомъ заставляеть ихъ презирать и самую смерть.

Если эсты угрюмы и не сообщительны вообще, то нельзя сказать того же про ихъ семейную жизнь. Напротивъ, на сколько они не любятъ обществности, на столько же они привязаны къ семьѣ. Можно сказать, что для эстовъ только и существуютъ что семейныя отношенія. Время года оказываетъ большое вліяніе на образъ жизни эстонцевъ. Лѣтомъ они работаютъ много; зимою-же больше спятъ. Въ прежнія времена они жили большими селеніями; нынѣ же отдѣльными фермами.

Островные жители весьма неустрашимые моряки. Будучи безкорыстны, эсты въ то же время отличаются честностью, и воровство между ними встрѣчается довольно рѣдко. Къ числу-же недостатковъ ихъ характера слѣдуетъ отнести лѣность, безпечность и пьянство, которое впрочемъ въ послѣднее время замѣтно уменьшается. Что касается до ихъ умственныхъ способностей, то хотя нельзя сказать, чтобы они отличались быстрымъ умомъ или большою смышленностью, но все же они далеко не такъ ограничены въ умственныхъ способностяхъ, какъ о томъ говорятъ нѣмецкіе помѣщики Эстляндіи.

Болотистая неплодородная почва, непостоянство погоды, кратковременность лѣта и ранніе заморозки значительно затрудняютъ развитіе сельскаго хозяйства; не смотря однако-же на эти неблагопріят-

ныя климатическія и почвенныя условія, земледѣліе составляетъ главное занятіе эстовъ. Множество болотъ превращено ими въ плодородныя поля; поля, въ свою очередь, искусственно орошены, такъ что вообще эстонское сельское хозяйство стоитъ на значительно высшей степени нежели русское.

Занимаясь земледѣліемъ, эсты обращаютъ вниманіе и на скотоводство и особенно овцеводство. Отъ здѣшнихъ табуновъ происходятъ наши лошади *обвинки* и *вятки*.

Самый веселый праздникъ для эстовъ — это время жатвы. Что касается вообще до ихъ веселья, то надо замѣтить, что танцы распространены только между островными жителями; но страсть къ качелямъ повсемѣстна. Пѣсни эстонскія воспѣваютъ чистую любовь и красоту природы.

Языкъ эстовъ составляетъ одно изъ самыхъ чистыхъ и мягкихъ финскихъ нарѣчій, безъ всякой примѣси иностранныхъ словъ. Онъ раздѣляется на два нарѣчія: ревельское и дерптское.

Техническія способности эстовъ еще мало развиты; тѣмъ не менѣе однако мѣстами встрѣчаются искусные мастеровые, въ особенности слесаря; на фабрикахъ эстляндскіе рабочіе также отличаются способностями.

Склонность эстовъ къ повѣрьямъ, предсказаніямъ и колдовству сохранилась въ народѣ донинѣ и выражается въ различныхъ обрядахъ и обычаяхъ.

Изъ преданій, живущихъ между эстами, можно упомянуть о богѣ пѣнія *Ваннемуне*.

«У всѣхъ людей и звѣрей былъ одинъ языкъ, на которомъ они говорили и который служилъ имъ для повседневной жизни. Но это былъ языкъ будничныи; онъ давалъ только возможность понимать людямъ языкъ звѣрей, но не было праздничнаго языка, не было пѣсенъ въ отраду людямъ и въ прославленіе боговъ. Однажды всѣ твари были созваны на общій соборъ, чтобы научить ихъ праздни-

ному языку, то есть пѣснямъ. Собрались всѣ у Дерпта, гдѣ была священная роща. Вдругъ въ воздухѣ раздалось вѣяніе и на землю спустился *Ваннемуне* — богъ пѣнія. Сначала онъ сыгралъ на своемъ инструментѣ прелюдію, а потомъ запѣлъ гимнъ. Рѣка Эмбахъ остановила свое теченіе, вѣтеръ пересталъ дуть, а звѣри и птицы напрягли свой слухъ. Но не всѣ слушавшіе одинаково поняли пѣніе: деревья поняли только шелестъ одежды бога Ваннемуне; вѣтеръ — самые рѣзкіе звуки его пѣнія; звѣри — кто скрипъ, кто звонъ струнъ; пѣвчія птицы, и въ особенности соловей и жаворонокъ, переняли прелюдію; рыбы же видѣли только движеніе губъ Ваннемуне и научились подражать только этому движенію, но остались такими же нѣмыми, какими были и прежде. Изъ всѣхъ слушателей только одинъ человѣкъ понялъ все, отчего пѣсни его и доходятъ до глубины души и до жилища боговъ».

Изъ суевѣрій можно указать на то, что эстонцы не любятъ умирать на постели; умирающаго обыкновенно кладутъ на полъ. Въ гробъ же умершаго кладется головная щетка, кусокъ мыла, мелкія монеты и стаканъ съ водкою.

Свадебные обряды эстовъ сохранили въ себѣ очень много языческихъ началъ. Напрасно духовенство старается уничтожить эти обычай частью смѣшныя, частью вредныя; паства остается глухою къ увѣщаніямъ своихъ священниковъ, и весьма нерѣдко, вслѣдствіе укоренившихся обычаевъ, крестьянинъ въ нѣсколько дней расточаетъ сбереженія, сдѣланныя долгимъ трудомъ и потомъ и изъ зажиточнаго превращается въ нуждающагося.

Обыкновенно свадьбы устраиваются въ августѣ и сентябрѣ, по окончаніи полевыхъ работъ, или за три, четыре недѣли до Рождества. Это время самое веселое для эстонскаго крестьянина. Старикъ и молодые — всѣ въ это время предаются танцамъ, веселью и попойкамъ. Нѣсколько старыхъ мужчинъ и женщинъ приѣзжаютъ прежде всего въ телѣгѣ въ домъ невѣсты, куда привозятъ съ собою нѣсколь-

ко штофовъ водки, а иногда и въ боченкѣ. Предлагая эту водку родителямъ невѣсты, обыкновенно говорятъ: «у васъ есть товаръ, а у насъ купецъ, желающій пріобрѣсти этотъ товаръ». Невѣста между тѣмъ спрятана. Но едва только родители выпьютъ водки, что означаетъ согласіе ихъ, какъ сваты тотчасъ - же отыскиваютъ молодую, подводятъ ее къ родителямъ и также заставляютъ ее выпить стаканъ водки.

Здѣсь также, какъ и у великороссовъ и у другихъ племенъ, рѣдко браки совершаются по взаимной склонности между женихомъ и невѣстой. Ясно, что и результаты бывають тѣ же: ссоры, разладъ и всякаго рода непріятности, а часто и взаимная ненависть между мужемъ и женою.

Иногда самъ парень является прямо въ домъ родителей невѣсты и предлагаетъ подарки родителямъ и невѣстѣ. Подарки эти состоятъ изъ разныхъ мелочей, а отцу изъ денегъ. По полученіи согласія, объявляется о свадьбѣ, и невѣста на другой же день получаетъ отъ своего жениха головной уборъ, который носятъ замужнія женщины, и разныя бездѣлушки. По окончаніи свадьбы молодая покрываетъ голову платкомъ, а слѣдующіе за тѣмъ дни носить головной уборъ, подаренный мужемъ, когда она была еще его невѣстою.

Черезъ три недѣли послѣ совершенія брака совершаются чудовищныя пиршества, начинающіяся въ домѣ родителей бывшей невѣсты и оканчивающіяся въ родительскомъ домѣ бывшего жениха. Пиршества эти продолжаются нѣсколько дней и состоятъ въ ѣдѣ и попойкѣ съ утра до вечера.

Обыкновенно пиршество начинается такъ. Рано утромъ молодая уходитъ въ родительскій домъ, куда около полудня начинаютъ собираться родные и друзья. Вечеромъ пускается туда-же въ путь молодая, въ сопровожденіи цѣлаго кортежа, въ которомъ главныя роли играютъ *иссамеесъ*, въ родѣ посаженаго отца, и *пейе-поисъ*, обыкновенно холостой. Какъ они, такъ и молодой, вооружены обнаженными

саблями и одѣты въ бѣлое платье съ красными кушаками. Впереди всѣхъ ѣдетъ верхомъ *пейе-поисъ*, а позади него въ телѣжкѣ, запряженной рѣзвыми лошадьми, *иссамеесъ* и молодой. За ними всѣ остальные въ сопровожденіи музыканта, играющаго на волынкѣ. По приближеніи къ дому родителей молодой, начинается стрѣльба изъ ружей и пистолетовъ. Затѣмъ *пейе-поисъ* три раза объѣзжаетъ вокругъ хаты, ударяя саблю по крышѣ. Кортежъ на порогѣ хаты встрѣчаютъ мать молодой и нѣсколько старухъ съ пѣніемъ. Тутъ начинается невыносимый концертъ разбитыхъ старческихъ голосовъ, сама же молодая убѣгаетъ и прячется, между тѣмъ какъ всѣ начинаютъ ее преслѣдовать, и вслѣдъ за тѣмъ начинаются танцы. Столы въ это время уже накрыты и уставлены хлѣбомъ, пирогами, мясомъ, яйцами, сыромъ и проч. Когда достаточно напляшутся, то приступаютъ къ ѣдѣ. Это продолжается къ ряду три или четыре дня, при чемъ молодой каждый вечеръ, прежде чѣмъ идти спать, ломаетъ ложку свою и своей жены. Когда здѣсь все уже поѣдятъ, и выпьютъ, тогда отправляются пировать къ молодому.

Прежде чѣмъ отправиться туда, на голову молодой надѣвается покрывало, въ которомъ она остается въ теченіе трехъ или четырехъ часовъ. Затѣмъ всѣ поднимаются и отправляются въ путь опять тѣмъ же порядкомъ съ музыкою. За музыкантомъ ѣдетъ невѣста, у которой кучеромъ сидитъ братъ, а если его нѣтъ, то ближайшій родственникъ. Позади всѣхъ ѣдетъ съ своими друзьями молодой съ боченками водки и пива.

По прибытіи въ домъ, молодая садится на колѣни къ своему брату или родственнику, между тѣмъ какъ молодой, *иссамеесъ* и *пейе-поисъ* съ обнаженными саблями въ рукахъ пляшутъ какъ сумасшедшіе. Затѣмъ сажаютъ на колѣни молодой ребенка, которая его цѣлуетъ и даритъ ему связанные ёю чулки.

Затѣмъ начинается пляска. Немного спустя съ одной стороны подходитъ къ молодой одинъ изъ парней, надѣваетъ на нее перед-

ниѣ и даетъ немного серебряныхъ денегъ; съ другой же стороны подходитъ старуха, снимаетъ съ нее брачный головной уборъ, надѣваетъ вмѣсто него другой болѣе простой, подвязываетъ вокругъ шеи и груди платокъ и въ заключеніе даетъ пощечину.

Въ это время старухи, которыя встрѣчали молодаго пѣніемъ въ домѣ родителей молодой, подаютъ гостямъ пиво и медъ и поютъ: «попробуйте; это не горько, а сладко». Каждый изъ гостей даетъ деньги, которыя отдаются молодой. Мужъ между тѣмъ вноситъ корзину съ подарками, которые роздаются гостямъ. Подарки обыкновенно состоятъ изъ чулокъ, рубахъ, поясовъ, рукавицъ и пр. Взамѣнъ этихъ подарковъ каждый изъ гостей обѣщаетъ одарить молодую жену чѣмъ нибудь цѣннымъ; такъ одинъ обѣщаетъ какую нибудь скотину, другой—улей, меблировать домъ и пр. И хотя иногда обѣщанія эти бывають очень тяжелы и не въ моготу обѣщавшему, тѣмъ не менѣе однако онѣ свято исполняются.

Пиръ у молодыхъ продолжается также нѣсколько дней. По окончаніи его молодая на другой день выметаетъ печку и принимается за хозяйство.

IX. ЛИВЫ.

Ливы, которыхъ нынѣ осталось не болѣе 2000 душъ, суть ближайшее родственное эстонцамъ племя. Оно сгруппировано въ узкомъ пространствѣ, прилежащемъ къ Балтійскому морю и отдѣленномъ отъ остальной части Курляндской губерніи болотами и лѣсами. Они поселены въ четырнадцать приморскихъ деревняхъ.

Ливы въ древнее время занимали всю Курляндію и большую часть Лифляндіи, но съ переселеніемъ сюда латышей, ливы отчасти были изгнаны, отчасти смѣшались съ пришельцами, принявъ ихъ языкъ, нравы и обычаи. Въ нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ жительства они занимають узкую приморскую полосу въ 68 верстъ длиною, при чемъ пустошами и болотами между дюнами, часто совершенно непроходимыми, отдѣлены отъ латышей. Только этому обстоятельству они и обязаны сохраненіемъ своего языка и своей народности. Въ остальныхъ мѣстахъ Лифляндской и Курляндской губерній ливы не имѣли возможности скрыться за подобными естественными рубежами и, преслѣдуемые насмѣшками со стороны латышей за свой языкъ, они во всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ латышами должны были употреблять языкъ латышскій, знать которій обязывала также и религія.

Жилища, одежда и образъ жизни ливовъ весьма сходны съ ла-

тышскими и все различіе ограничивается мелочными подробностями. Между тѣмъ внутреннія національныя качества ливовъ рѣзко отличаются отъ латышскихъ, и народъ по характеру своему гораздо ближе подходитъ къ эстамъ. Съ издавна знакомые съ моремъ и съ дѣтства привыкающіе къ морской стихіи, ливы хорошіе и предприимчивые моряки. Будучи болѣе эстонцевъ склонны къ общительности, ливы въ тоже время проявляютъ въ своемъ характерѣ болѣе склонности къ порокамъ, проявляя упрямство, гнѣвъ и склонность къ мстительности. Пьянство, воровство, а въ особенности грабежъ судовъ, потерпѣвшихъ у береговъ крушеніе составляютъ весьма частые пороки ливонцевъ.

Ихъ женщины и дѣвушки одинаково храбры и рѣшительны какъ на сухомъ пути, такъ и на морѣ, и въ частной жизни отличаются хорошею нравственностью. Въ бракъ онѣ вступаютъ поздно, и хотя подобно мужчинамъ отличаются крѣпкимъ сложеніемъ, грубыми формами и цвѣтущимъ здоровьемъ, но тѣмъ не менѣе ихъ нельзя назвать некрасивыми. Будучи ловки и общительны между собою, ливы весьма угрюмы съ чужими.

Также какъ и эсты, ливы живутъ въ дымныхъ и смрадныхъ жилищахъ, освѣщаемыхъ зимою сосновой лучиной и живутъ бѣдно. Большая часть ихъ вовсе не имѣютъ земли, и нанимается работниками къ болѣе зажиточнымъ.

Національная одежда у мужчинъ состоитъ изъ куртки съ стоячимъ воротникомъ и длиннаго кафтана, сшитаго по образцу эстонскаго, изъ свѣтлосѣрой шерстяной матеріи. Женщины носятъ длинныя талии и полосатыя юбки. Въ послѣднее время ливы, какъ и окрестные латыши, стали одѣваться въ темно-сѣрые цвѣта.

Въ сельскихъ работахъ они употребляютъ воловъ, а не лошадей. Исповѣданія они лютеранскаго, религіозны и набожны по наружи, хотя рѣдко можно встрѣтить между ними признаки искренней глубокой религіозности.

Всѣ свои религіозные обряды ливы выполняютъ на латышскомъ языкѣ, которому, вмѣстѣ съ катехизисомъ, обучаются въ дѣтствѣ въ церковныхъ школахъ, но употребляютъ его съ особымъ произношеніемъ. На своемъ языкѣ они не имѣютъ ни одной молитвы. Женщины говорятъ по латышски хуже чѣмъ мужчины, а нѣкоторыя, не умѣющія читать, понимаютъ его весьма немного; дѣти до девятилѣтняго возраста говорятъ только на своемъ природномъ языкѣ, въ который, вслѣдствіе сношеній съ латышами, вошли многіе латышскіе обороты и слова, измѣненные сообразно съ духомъ языка. Самый же языкъ ливовъ есть особенный, въ который хотя и вошло много словъ финскихъ и эстскихъ, ревелскаго и дерптскаго нарѣчій, но который въ то-же время заключаетъ въ себѣ еще большее число словъ самобытныхъ ливскихъ, не принадлежащихъ ни къ одному изъ означенныхъ языковъ, и притомъ слова сихъ послѣднихъ имѣютъ на ливонскомъ языкѣ совершенно другое значеніе.

Ливы отличаются особою привязанностью къ старинѣ и стараются во всемъ сохранить древній бытъ своихъ предковъ, удерживаясь отъ смѣшенія съ сосѣдними латышами, надъ которыми имѣютъ преимущество въ большей предприимчивости, энергіи и настойчивости. Съ малолѣтства привыкшіе къ опасностямъ моря, они на построенныхъ ими небольшихъ одномачтовыхъ судахъ предпринимаютъ дальніе разѣзды, доходя съ рыбою до Петербурга. Нѣкоторые подобныя моряки умѣютъ даже обращаться съ картою и кампасомъ. Главное ихъ занятіе состоитъ въ рыбной ловлѣ, на которую отправляются даже женщины. Поселенные на песчаныхъ и бесплодныхъ мѣстахъ, они сельскимъ хозяйствомъ занимаются весьма неохотно и въ этой отрасли занятій имѣютъ весьма мало свѣдѣній.

Въ умственномъ отношеніи ливы стоятъ несравненно выше латышей и почти всѣ безъ исключенія умѣютъ читать.

Х. КАРЕЛЛЫ.

Наружный видъ кареллъ напоминаетъ ихъ финское происхожденіе. Общее число ихъ до 360,000 разбросано по разнымъ мѣстамъ Россіи, а именно: въ Финдландіи, въ Новгородской, Тверской, Петербургской губерніяхъ; а также въ Ярославской, Олонецкой и Архангельской.

Нынѣ кареллы въ Россіи совершенно обрусѣли, почти всеѣ, за исключеніемъ стариковъ, забыли свой родной языкъ и только наружнымъ видомъ и главнымъ образомъ цвѣтомъ волосъ напоминаютъ своихъ родичей — финновъ.

Въ нравственномъ отношеніи они отличаются отъ своихъ русскихъ сосѣдей упрямствомъ, скрытностью, недоувѣрчивостью и мстительностью. Въ описаніи природнаго ума весьма замѣтно уступаютъ русскимъ.

Въ частной жизни сохранились многіе древніе обычаи, отражающіеся на одеждѣ, устройствѣ лыжъ и въ наружной отдѣлкѣ винтовки.

Главное занятіе ихъ состоитъ въ звѣриной и птичьей охотѣ и рыбной ловлѣ. Разнаго рода занятія и промыслы у нихъ раздѣлены между разными деревнями. Такъ есть цѣлыя деревни каменотесовъ, столяровъ, стекольщиковъ и др. Почти отовсюду ходятъ они на про-

мыслы въ столицы, откуда приносятъ на родину иной образъ жизни, значительныя деньги, цвѣтную одежду, чай и кофе, особенно распространившіеся между простымъ народомъ въ послѣдніе годы. Кромѣ того кареллы занимаются выдѣлкою мѣховъ, судостроеніемъ и льняной промышленностью. Карелльскія лодки очень оригинальны; отличааясь необыкновенною прочностью, онѣ сдѣланы безъ желѣзныхъ гвоздей, а скрѣплены вмѣсто нихъ древесными корнями.

Большинство карелловъ исповѣдуютъ православную вѣру, кромѣ живущихъ въ Петербургской губерніи, которые суть протестанты. Между православными кареллами встрѣчаются также и раскольники.

ХІ. М О Р Д В А.

Характеръ и хозяйственный бытъ.

Многочисленное мордовское племя (около 700,000 душъ въ настоящее время) разсѣяно на обширномъ пространствѣ восьми восточныхъ губерній: Нижегородской, Казанской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской. Преимущественно мордва разселилась по берегамъ рѣкъ: Оки, Волги, Суры, Цны, и Мокши; центромъ же мордовскаго населенія можно считать Пензенскую губернію.

Ученые причисляютъ мордву къ такъ называемому «Чудскому» или финскому племени. Самое же названіе «Мордва» — происходитъ отъ слова «Мѣри», что на мордовскомъ и на другихъ чудскихъ языкахъ значитъ — «человѣкъ». Оттуда и произошли названія многихъ чудскихъ племенъ: *Меря*, *Мори* (такъ называютъ сами себя черемисы), *Мортъ-Коми* (зыряне), *Мортъ-Удъ* (вотяки), *Мортъ-ва*, и *Муро-ма* (исчезнувшее племя).

Собственно мордва дѣлится также на нѣсколько племенъ, изъ которыхъ самыя многочисленныя: *мокша* и *эрзя*; остальные же мордовскія племена, какъ-то: *терюхане* (въ Нижегородской губ.)

и *каратаи* (въ Казанской губ.) отчасти смѣшались съ русскими, а отчасти представляютъ лишь слабые остатки когда-то сильныхъ и многочисленныхъ народцевъ.

Различія между *мокшей* и *эрзю* — маловажны, хотя эти два племени до сихъ поръ не смѣшиваются другъ съ другомъ и живутъ отдѣльными деревнями. Главное отличіе между ними заключается въ языкѣ: мокшанинъ часто не понимаетъ, что говоритъ эрзянинъ; впрочемъ, у тѣхъ и у другихъ есть много словъ или совершенно сходныхъ, или имѣющихъ общій корень. Нѣкоторое различіе между ними заключается также въ одеждѣ и даже въ наружности. Мокша, вѣроятно, часто входитъ въ сношенія съ русскими и потому наружностью своею напоминаетъ отчасти русскихъ; эрзя же ближе подходитъ къ финскому типу. Эрзяне отличаются свѣтлыми, почти красноватыми волосами; имѣютъ лица широкія, носъ — небольшой, тупой, глаза маленькіе полузакрытые. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ, напримѣръ въ различныхъ обрядахъ, вѣрованіяхъ, обычаяхъ и. т. под. мокшане и эрзяне совершенно сходны между собой.

Встарину мордовское племя населяло преимущественно мѣстность, окружающую устья рѣки Оки. Еще Несторъ замѣчаетъ въ своей лѣтописи: «а по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, сѣдитъ Муромъ — языкъ свой, Мещера — свой, Мордва — свой языкъ». Известный *Нижегородскій летописецъ* говоритъ также: «Великій князь Юрій Всеволодовичъ заложивъ градъ на устьѣ Оки рѣки и нарече имя ему Новградъ Нижній . . . а владѣли тою землею поганіи мордва».

Мордовскія земли дѣлились въ то время на волости и каждая изъ нихъ управлялась независимымъ мордовскимъ княземъ. У мордвы сохранились даже преданія о какой-то князю Нарчаткѣ, изображеніе которой и понинъ попадаетъ на монетахъ, которыми любятъ украшать себя мордовки. Жизнь они изстари вели осѣдлую. Обитая въ плодородныхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, изрѣзанныхъ рѣками и испещренныхъ озерами, мордва съ незапамятныхъ временъ прилежно

занималась хлѣбопашествомъ, бортевымъ пчеловодствомъ, а также охотою на звѣрей и рыбною ловлею.

Разнообразныя выгоды, получаемыя этимъ мирнымъ и трудолюбивымъ племенемъ, постоянно соблазняли ихъ сосѣдей—русскихъ, которые имѣли съ мордвою частыя столкновенія и нерѣдко въ конецъ разоряли ихъ хозяйства. Впрочемъ, набѣги на мордовскія земли не всегда удавались. Такъ отъ 1103 года въ лѣтописяхъ говорится: «бися Ярославъ съ Мордвою, мѣсяца Марта въ 4 день, и побѣжденъ бысть Ярославъ» (сынъ Святослава Черниговскаго). А въ 1229 году, мордовскій князь Пургасъ, память о которомъ до сихъ поръ еще живетъ въ народѣ, успѣлъ даже подступитъ къ стѣнамъ Нижняго-Новгорода съ несмѣтными толпами мордвы и сталъ разорять его. Но Юрій Всеволодовичъ (Владимирскій) отбилъ Пургаса и совершенно разгромилъ мордву.

Не одни русскіе пытались покорить мордву; она долгое время находилась также подъ владычествомъ приволжскихъ болгаръ. А вскорѣ послѣ покоренія мордвы Юріемъ Всеволодовичемъ, она вмѣстѣ съ русскими, подпала подъ власть татаръ, которымъ стала платить дань звѣринными шкурами и которымъ нерѣдко помогала одолевать русскихъ. Къ этому времени относится слѣдующая легенда: «Было время, когда племя мордовское, живя въ сосѣдствѣ съ русскими, не зависѣло отъ нихъ; но пришла пора—и русскому понадобилась земля мордовская, и сталъ онъ просить у народнаго вождя, или князя мордовскаго, чтобы онъ, по старой дружбѣ и по сосѣдству, уступилъ нѣсколько земли и именно столько, сколько можно охватить пеньювою янткою, обмотанной нѣсколько разъ вокругъ человѣческой головы. Мордовскій князь согласился на просьбу своего сосѣда, который, выбравъ изъ своего племени, что ни на есть дюжаго парня, обмоталъ вокругъ его головы такую безконечно длинную нить, что голова стала пѣлою горою, и нить, будучи размотана, охватила всю мордовскую землю. Спыхватился князь, да

уже поздно, и ушелъ за море, уступивъ добровольно свою землю».

Окончательно покорена была мордва только Иваномъ Грознымъ, вслѣдъ за паденіемъ Казани. Но и послѣ того она долго еще не унималась. Такъ во время самозванщины и бунта Стеньки Разина, мордва не разъ поднималась и пробовала даже осаждать по прежнему Нижній-Новгородъ, хотя этого уже не удавалось привести въ исполненіе.

Съ окончательнымъ покореніемъ мордвы при Иванѣ Грозномъ, началось и обращеніе ея въ христіанскую вѣру. Но гораздо больше сдѣлано въ этомъ отношеніи при патриархѣ Никонѣ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Никонъ самъ былъ мордовскаго происхожденія. Отецъ его, говорятъ, былъ обрусѣвшій мордвинъ, крестьянинъ села Вельдяминово, Княгининскаго уѣзда (Нижегородск. губ.). Судя по современному портрету Никона, въ чертахъ лица его дѣйствительно проглядываетъ мордовскій типъ; упорство же, вспыльчивость и нѣкоторыя другія черты характера еще болѣе напоминаютъ его родичей. Немудрено, поэтому, что Никонъ обращалъ особенное вниманіе на мордву. Онъ поручилъ рязанскому архіерею Мисаилу обратить все мордовское племя въ православіе. Послѣдній, дѣйствительно, многихъ обратилъ въ христіанство; но уполномоченный, вѣроятно самимъ Никономъ, на слишкомъ крутыя мѣры, Мисаиль вскорѣ раздражилъ мордву и былъ убитъ стрѣлами.

Крещеніе всей мордвы послѣдовало только въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Но конечно и послѣ того язычество долго еще не было совсѣмъ чуждо мордовскому племени. Такъ, въ концѣ прошлаго столѣтія мордва, будучи уже христіанами, продолжала исполнять всѣ свои языческіе обряды. Въ 1809 году между ними явился даже особенный ревнитель язычества, старавшійся отчасти возстановитъ прежнюю мордовскую вѣру. Это былъ крестьянинъ деревни Большаго Сескина, Нижегородскаго уѣзда, Кузьма Алексѣ-

евъ, известный у мордвы под именемъ «Кузьки-бога». Да и до сихъ поръ слѣды язычества, какъ мы увидимъ ниже, проглядываютъ еще очень замѣтно почти во всѣхъ ихъ вѣровавіяхъ, обрядахъ и обычаяхъ.

Мордвыны обладаютъ отъ природы здравымъ смысломъ и хорошою памятью; но они до сихъ поръ неграмотны и грубы. Мордвинъ крѣико преданъ старинѣ и недовѣрчивъ ко всякаго рода нововведеніямъ. Умственная неподвижность, грубые обычаи и разныя суевѣрія и повывѣ составляютъ отличительныя свойства его племени.

Не смотря на это, нужно сознаться, что изъ всѣхъ народовъ финскаго племени, обитающихъ въ Россіи, ни одинъ такъ не обрусѣлъ въ настоящее время какъ мордва. Сліяніе ихъ съ русскою народностью за послѣдніе годы шло весьма быстро. Мордвинъ, еще за 20 лѣтъ передъ этимъ смотрѣвшій совершеннымъ язычникомъ, теперь уже во многомъ походитъ на русскаго крестьянина. Этому способствовало отчасти то положеніе, какое теперь занимаетъ мордва, живя среди густо населенныхъ и чисто земледѣльческихъ нашихъ восточныхъ губерній. А что главнымъ образомъ ускорило обрусеніе мордовскаго племени—это изстари осѣдлый, мирный и земледѣльческій бытъ самихъ ихъ. Подготовленная, такъ сказать, своимъ собственнымъ образомъ жизни къ воспріятію началъ русской гражданственности, мордва легко и какъ бы незамѣтно для самой себя поддается теперь вліянію этой гражданственности,—вліянію за послѣдніе годы, особенно усилившемуся влѣдствіе нѣкотораго оживленія, обнаружившагося за это время во всей нашей народной жизни.

Вообще, не смотря на упорно-неподвижный характеръ мордвы, она все-таки легко входитъ въ сношенія съ посторонними людьми. Какъ и всякій младенчествующей народъ, мордвыны сколько вепыльчивы и истительны, столько же простудушны и кротки. Если мордвинъ не замѣчаетъ со стороны своего сосѣда—русскаго—явнаго

намѣренія притѣснить или оскорбить его, а напротивъ видитъ въ немъ нѣкоторое участіе къ себѣ, то легко сблизается съ нимъ. Иногда достаточно двухъ словъ: «комъ-малаятъ?» (куда идешь), сказанныхъ ласковымъ задушевнымъ тономъ, чтобы окончателно расположить въ свою пользу перваго встрѣчнаго мордвина. При этомъ, мордвыны, никогда первые не рѣшатся нанести обиду, или притѣснить, обмануть когонибудь. Напротивъ, они славятся въ этомъ отношеніи добродушіемъ и патриархальною честностью. Насколько эти качества присущи мордвинамъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ при подрядахъ и покупкахъ руководствуются такимъ правиломъ съ подгородными крестьянами и мѣщанами дѣла не имѣтъ; татаръ обязывать строгими условіями на законныхъ основаніяхъ, а мордвину—*открыть на слово*.

Но чтобы составить себѣ полное понятіе о характерѣ мордвина, нужно видѣть его еще на работѣ. Невозмутимое спокойствіе, паразитическое терпѣніе и крайняя заботливость не покидаютъ его при этомъ ни на минуту. Выйдя на свою пашню, среди жаркаго знойнаго лѣта, часто въ овчинномъ полушубкѣ, мордвинъ принимается безъ устали косить, жать или пахать, цѣлый день обливаясь потомъ, отъ усиленныхъ движеній подъ знойнымъ палящимъ солнцемъ.

Еще типичнѣе поведеніе мордвина на охотѣ. Къ различнаго рода звѣриннымъ или лѣснымъ промысламъ мордвыны до сихъ поръ сохранили особенную страсть. Съ собакою, ружьемъ, тенетами и съ кускомъ чернаго хлѣба, мордвинъ ходитъ по цѣлымъ днямъ въ лѣсу или по берегамъ рѣкъ и озеръ, отыскивая зайцевъ, волковъ, лисицъ и разную дичь. Смѣшонъ мордвинъ на охотѣ; иногда онъ по цѣлымъ часамъ сидитъ въ кустахъ или чащѣ камышей, почти по чюясь въ водѣ, ожидая приближенія дичи на разстояніе вѣрнаго выстрѣла; въ случаѣ неисполненія ожиданій, переходитъ на другое мѣсто и опять принимается за то же самое, никогда не рѣшаясь рискнуть

хоть однимъ напраснымъ выстрѣломъ. Въ зимнее же время мордвинъ охотится на лыжахъ и мастерски управляетъ ими.

Мордвинъ рѣдко отыскиваютъ промыслы на чужой сторонѣ. Напротивъ, въ своемъ родномъ селеніи, въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ время, они занимаются плотничествомъ, распиловкою лѣса, приготовленіемъ различныхъ издѣлій, охотою, а въ особенности — разведеніемъ пчелъ. Какъ пчеловоды — мордвинъ незамѣнимъ по своей неутомимой заботливости въ этомъ дѣлѣ и по крайней внимательности къ самымъ ничтожнымъ мелочамъ пчелинаго хозяйства.

Привязанность къ родному селенію, уваженіе къ лѣсу и довольство вообще составляютъ отличительныя черты ихъ характера. Обитая въ мѣстностяхъ плодородныхъ, щедро надѣленныхъ дарами природы, защищенныхъ густыми лѣсами и богатыхъ водою, — мордва, при своемъ упорномъ трудолюбіи, успѣваетъ извлекать изъ нихъ немалыя выгоды, насколько это, разумѣется, позволяютъ имъ ихъ грубыя младенческія понятія и подчасъ первобытныя приемы.

Живетъ мордва большими деревнями, расположенными по большей части неправильно, съ кривыми улицами и разными закулками. Но это не мѣшаетъ имъ жить въ полномъ мирѣ и согласіи между собою. Безъ общаго обсужденія, безъ сельской сходки у нихъ не обходятся даже такія дѣла, какъ выборъ мѣста для отправленія «моляна», или другаго какогонибудь мордовскаго обряда.

Жилище ихъ — избу также съ перваго взгляда можно отличить отъ русской, хотя она и построена по образцу послѣдней. Мордовская изба выходитъ на улицу обыкновенно однимъ окномъ, маленькимъ и невзрачнымъ, прорѣзаннымъ ближе къ переднему углу. Такой видъ имѣетъ, обыкновенно, та сторона русской избы, которая обращена на дворъ. Соломенные крыши мордовскихъ избъ, покатыми своими сторонами обращены также вдоль улицъ, такъ что при вѣздѣ въ мордовскую деревню проѣзжему кажется, что всѣ избы въ ней стоятъ къ нему бокомъ.

По внутреннему устройству и убранству, мордовское жилище ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной курпой русской избы: тѣ же въ ней скамейки, лавки и полки, тѣ же полати и волоковыя окна, та же печка, налѣво отъ входа, обыкновенно, курная, безъ трубы. Впрочемъ, встарину, въ мордовской избѣ печка ставилась въ переднемъ углу, и отверстіемъ обращалась прямо ко входу. Въ то время они не держали также другой посуды, кромѣ чугуна и мѣднаго котла; но теперь всѣ уже обзавелись обыкновенною русскою посудой.

Опрятностью или чистотою жилища мордвы далеко не отличаются. Въ избѣ мордовской вмѣстѣ съ людьми помѣщаются обыкновенно куры, гуси, овцы съ ягнятами, свиньи съ поросятами, а подчасъ и корова съ теленкомъ; если есть въ домѣ собака, то она непременно поселяется тутъ же. Оттого воздухъ въ избѣ всегда затхлый, сырой и вестерцимый для непривычнаго человѣка.

Къ избѣ прилегаютъ довольно узкія сѣны, по другую сторону которыхъ ставятся обыкновенно горница или вышка. Это — чаще всего тоже изба, только пустая, нежилая и безъ печки. Въ ней хранятся различныя вещи: одежда, посуда, молоко яйца и проч. Подъ вышкою устраивается нижнее отдѣленіе, «подклять», куда помѣщаютъ на зиму овецъ, свиней, или ставятъ пчелъ. Различныхъ клѣтѣй и пристроекъ у богатыхъ бываетъ вообще много, и именно столько, сколько снохъ въ семействѣ. Каждая сноха имѣетъ свою клѣтѣ и въ ней помѣщаетъ все свое имущество.

Земледѣльческія орудія и другіе хозяйственные предметы у мордвы совершенно одинаковыя съ русскими.

Относительно пищи мордвинъ нѣсколько болѣе разборчивы, чѣмъ относительно жилища. Обыкновенную ихъ пищу составляютъ: ржаной хлѣбъ (*киши*), по большей части хорошо пропеченный и мягкій; щи русскія; блины изъ гречневой муки (*пача*); ржаной пирогъ съ начинкою (*перяка*); *чужуръ* — маленький пирогъ изъ того же тѣста, съ тремя острыми углами и начиненный молочною пшениною кашею. Въ

ФИННЫ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ.

ФИННЫ.

особенно торжественные дни мордвинъ ѣдятъ также *шанарамъ* — пшеничную кашу съ положенными въ нее кусочками хлѣба, говядины, курицы и яицъ. Мясо зайца мордвинъ охотно употребляетъ въ пищу и лакомятся имъ тайкомъ даже въ посты. Но особенно любимая пища ихъ — это гречневая каша и медъ (*мядъ*).

Изъ напитковъ мордва употребляетъ обыкновенный кислый квасъ и квасъ медовый (*муряи*). Самый же любимый ихъ напитокъ составляетъ *пуре* — медовая брага. Пурѣ готовится изъ меду, который нѣсколько времени *томятъ* или *морятъ*, т. е. даютъ ему перебродить. Хотя въ мореный медъ и не кладутъ хлѣба, но онъ очень пьянъ. Если непривычному человѣку выпить стаканъ этого напитка, очень пріятнаго на вкусъ, голова у него останется свѣжею, но за то ноги какъ будто отнимутся, нижняя мышца совершенно не повинутся волѣ человѣка. Послѣ сна бываетъ страшная головная боль, продолжающаяся по суткамъ и болѣе. Но мордвинъ пьетъ свое пурѣ ковшами и бываютъ только веселы.

Относительно достоинства своей пищи и напитковъ сами мордвинъ держатся вообще высокаго мнѣнія. Въ одной пѣснѣ, распѣваемой обрусѣлыми мордвинами, они влагаютъ въ уста посланцевъ какаго-то русскаго «Мурзы» слѣдующія похвалы своимъ кушаньямъ:

«Угостили насъ, напоили сусломъ сладкимъ,
«Накормили насъ хлѣбомъ мягкимъ»....

Вообще мирные трудолюбивые мордвинъ не совсѣмъ равнодушны къ какой-бы то ни было пищѣ. Можетъ быть, даже они ни къ чему не питаютъ такого пристрастія, какъ къ ѣдѣ. Правда, мордвинъ и пить охотникъ; но пить онъ все-таки съ толкомъ; онъ старается, напримѣръ, напиться съ субботы на воскресенье, чтобы въ понедѣльникъ, къ рабочему дню, быть уже вполне трезвымъ и бодрымъ. Ѣдятъ же мордвинъ иногда совсѣмъ безъ толку, забывая при этомъ даже всякіе расчеты и всю свою бережливость, входящую въ другихъ слу-

чаяхъ до скупости. Случалось, напримѣръ, что мордвинъ, нанявшійся въ извозъ за довольно высокую цѣну, и рассчитывавшій заранѣе на значительное сбереженіе отъ провозной платы, не привозилъ домой ни копѣйки — все проѣдалъ дорогою. Доберется до постоялаго двора, и незамѣтно для себя проѣстъ на кашѣ, на меду, на бѣломъ хлѣбѣ, на лецахъ — сразу полтинникъ или болѣе, и какъ ни сокрушается послѣ этого, но непременно повторитъ то же самое и на слѣдующемъ постояломъ дворѣ. Слабость свою мордвинъ сами хорошо подмѣтили; на этотъ счетъ у нихъ сохранилось даже нѣсколько преданій, по одному изъ которыхъ пристрастіе къ ѣдѣ было причиною даже потери ихъ независимости и подчиненія русскимъ. Вотъ какъ поется объ этомъ въ вышеупомянутой пѣснѣ про московскаго «мурзу», послылавшаго пословъ въ Мордву съ подарками:

« . . . Мордовски старики отъ мурзы деньги получили,
Послѣ моляна судили, рядили:
Что намъ мурзѣ въ даръ дать,
Что московскому царю послать?
Меду, хлѣба, соли взяли,
Блюда могучія повлали,
Съ молодыми ребятами послали . . .
Молодые ребята, пріуставши сѣли,
Медъ, хлѣбъ да соль поѣли, —
Говорятъ: «старики не узнаютъ!»
Земли и желтѣ песку въ блюда повлали,
Наклавши пришли
И мурзѣ, московскому царю, поднесли.
Мурза землю *) и песокъ честно принимаетъ,
Крестится, Бога благословляетъ:
«Слава Тебѣ, Боже царю!
Что отдалъ въ мои руки Мордовску землю!»

По другому старинному и довольно темному мордовскому преда-

*) Приношеніе въ даръ земли считалось у мордвы знакомъ покорности и подчиненія.

нію, многимъ изъ нихъ пришлось разъ навсегда лишиться ожидавшей ихъ впереди счастливой и свѣтлой будущности изъ за любви къ кашѣ. Праотцы мордвы, гласить это преданіе, жили въ мѣстахъ дивныхъ и скудныхъ и сильно желали переменить свое мѣстожителство. Разъ мордвинъ встрѣтилъ на полѣ мужика, который сталъ увѣрять ихъ что онъ князь. Желая подтвердить достовѣрность своихъ словъ, мужикъ воткнулъ въ землю сухую палку, и она тотчасъ же начала покрываться листьями и цвѣтами. Убѣжденные этимъ чудомъ, мордвинъ сдѣлалъ мужика своимъ княземъ и предводителемъ. Князь этотъ, по имени *Тюмтянъ*, повелъ мордву отыскивать землю удобную для селитьбы и самую плодородную. Отправилась мордва въ путь, захвативши съ собою множество съѣстныхъ припасовъ, и наконецъ достигла берега моря. Здѣсь князь Тюмтянъ расположился на ночлегъ и велѣлъ приготовить каши болѣе обыкновеннаго. На другой день, рано утромъ, Тюмтянъ приказалъ народу слѣдовать за нимъ далѣе; но нѣкоторые изъ особенныхъ любителей каши, которой еще много оставалось отъ предъидущаго дня, не могли удержаться отъ соблазна, не послушались князя и принялись за кашу, вознамѣрившись во чтобы то ни стало покончить съ нею. Князь, съ вѣрными ему спутниками, не сталъ дожидаться ихъ и немедленно отправился далѣе по морю и пошелъ по немъ, какъ по-суху; видя это, ослушники начали снова умолять его взять и ихъ съ собою; но раздраженный жадностью мордвы, Тюмтянъ былъ уже неумолимъ, и, удалившись самъ за море, оставилъ ихъ на прежнемъ мѣстѣ.

Любя поѣсть вдоволь, сытно и сладко, трудолюбивый и мирный мордвинъ столько же любитъ и спокойную домашнюю жизнь среди многочисленнаго семейства, которое бы могло обезпечить ему полное довольство и достатокъ во всемъ. Дѣйствительно, можно встрѣтить мордовское семейство въ 20 и болѣе человекъ, живущихъ нераздѣльно, въ полномъ мирѣ и согласіи, и только вслѣдствіе крайней тѣсноты помѣщающихся въ разныхъ избахъ, но всегда на одномъ и

томъ же дворѣ, подъ управленіемъ дѣда, или прадѣда, которому всѣ члены семьи оказываютъ полное повиновеніе. Безъ сомнѣнія, настоящій мордовскій семейный бытъ, сильно еще напоминаетъ ихъ прежній родовой бытъ, существованіе слѣдовъ котораго продолжается и по настоящее время обуславливаться чисто экономическими соображеніями. Не даромъ во многихъ, кстати замѣтить — крайне безыскусственныхъ мордовскихъ молитвахъ — встрѣчаются такіа мѣста: «и скотину создай, Господи, такую, какую тебѣ угодно, создай также такъ, чтобы могла соху возить, аминь. И создай, Господи, ребенка, чтобы помогалъ мнѣ пахать землю, и поболѣе дѣтей». На основаніи подобныхъ соображеній, бездѣтность мордвы въ замужествѣ считается у нихъ семейнымъ бѣдствіемъ.

По тому же самому во время язычества мордва съ особеннымъ стараніемъ заботилась объ умилостивленіи безчисленными жертвами и молитвами своей богини плодородія — *Ане-Патяи*. Нынѣ же мордва обращается съ подобными просьбами ко всякому святому, а преимущественно къ Св. Николаю Чудотворцу: «благослови насъ множиться, — молится мордва, — уроди хлѣба, были бы большія кошны, умножь своть, дай семьѣ жить легко, здорово». Впрочемъ, отношенія мордвы къ семьѣ, за послѣднее время, стали нѣсколько измѣняться, приближаясь постепенно къ русскимъ взглядамъ и понятіямъ.

Вліяніе русскихъ сильно отразилось и на одеждѣ мордвы. Зимняя верхняя одежда, какъ у мордвина, такъ и у мордовки, одинаковая и почти вся заимствована отъ русскихъ, какъ-то: зипунъ или армякъ, кафтанъ и полушубокъ, съ которымъ иной мордвинъ не расстается даже среди лѣта. Развѣ то еще отличіе въ зимней одеждѣ мордвы, что онѣ надѣваютъ лапти всегда поверхъ бѣлыхъ и чистыхъ суконныхъ онучъ.

Лѣтомъ, мордвинъ носитъ бѣлую рубаху, съ пестрымъ, особо вытканымъ воротникомъ, съ прорѣхою къ лѣвому плечу и съ красны-

ми, вытканными въ полотнѣ рубахи, коймами на рукавахъ, подолѣ и на плечахъ.

Волосы мордвина стригутъ въ кружало, а надъ лбомъ подрѣзываютъ ихъ нѣсколько выше.

Встарину они носили еще поверху рубахъ длинныя бѣлыя балахоны. Цвѣтъ этой одежды, вѣроятно, и послужилъ основаніемъ слѣдующему мѣсту въ вышеупомянутой цѣснѣ о «Мурзѣ», гдѣ онъ говоритъ окружающей его дружинѣ:

«Слуги вы мои вѣрные,
Слуги вѣрные, неизмѣнные,
Поглядите-ка, посмотрите-ка,
Вы на тѣ ли на горы на Дятловы,
Что это за березнякъ мотается,
Мотается-шатается,
Къ землѣ матушкѣ преклоняется?»
Отвѣчаетъ ему дружина:
«То не березнякъ мотается,
Мотается-шатается
Къ землѣ-матушкѣ превлоняется —
То мордва своему богу молится,
Къ землѣ-матушкѣ преклоняется!...

Бѣлый цвѣтъ одежды — вообще любимый цвѣтъ мордвы. Объ этомъ уже можно судить по современному костюму мордовки. Женская мордовская одежда до сихъ поръ сохранила чисто національный по-крой и отличается при этомъ крайнею своеобразностью, и сверхъ того нѣкоторою сложностью или, лучше сказать, — дробностью. Вотъ изъ какихъ частей состоитъ женская одежда:

На голову мордвова надѣваетъ *платку*, или «сороку», называемую русскими «рогами». Это плоская высокая изъ бѣлаго полотна кичка, имѣющая форму гребня, съ двумя острыми углами по сторонамъ, съ вертикальнымъ разрѣзомъ посрединѣ и съ широкою лопастью на затылкѣ. Спереди кичка вышивается разноцвѣтными шерстяными, мишурными нитками и блестящими въ видѣ маленькихъ, сим-

метрично расположенныхъ, трехугольничковъ и четырехугольничковъ, а въ томъ мѣстѣ, которое нѣсколько прикрываетъ лобъ, унизывается въ рядъ разными фигурами изъ прошивокъ, шелковыхъ ленточекъ, узкаго позумента и косичекъ изъ селезневыхъ перьевъ. Задняя же сторона кички, или лопасть, покрывающая часть темени и затылокъ, обтигивается сверху доскутомъ ситца, а по бокамъ подшивается краснымъ кумачемъ, который образуетъ въ серединѣ ничѣмъ небравный параллелограмъ; края кумача и параллелограма вышиваются разноцвѣтною шерстью, мишурными нитками, бисеромъ, рядами мѣдныхъ пуговичекъ и маленькихъ бѣлыхъ раковинъ, называемыхъ «ужовками». Круги эти идутъ надъ затылкомъ, постепенно увеличиваясь по всей лопасти, края которой надъ ушами убираются сплошными рядами разноцвѣтнаго стекларуса, пересѣченнаго накрестъ мѣдными цѣпочками. Ниже кички, на лобъ, надѣвается убранный разноцвѣтнымъ бисеромъ вѣнокъ, который обхватываетъ также уши и затылокъ. Къ вѣнку надъ ушами приерѣпляется — *се-кыня*, т. е. длинныя кисти изъ мишурныхъ нитекъ, унизанныя сверху бѣлыми раковинами въ два ряда, а къ низу убранныя десятью нитками изъ мѣдныхъ тенекъ *) и разноцвѣтнаго стекларуса; кисти эти болтаются надъ ушами какъ конская грива. — Въ ушахъ мордовки носятъ *илыксъ*, оловянные серьги съ продолговатыми стеклянными подвѣсками, а также съ привѣсками изъ завитыхъ проволокъ и съ шариками изъ гусиного пуха, растертаго въ муку съ бѣлою краскою. При этомъ мордовки подстригаютъ волосы на вискахъ въ видѣ бахромы.

Дѣвушки мордовскія, вмѣсто «платки» или кички, надѣваютъ на голову *парацио-рицю*, — это высокій ковшникъ, верхніе края котораго нѣсколько покаты къ задѣ, но безъ крышки, которая замѣняется

*) Теньками называются тонкія круглыя пластинки, выбитыя изъ мѣди въ формѣ монетъ.

краснымъ шелковымъ платкомъ, перевѣшаннымъ изнутри черезъ край къ затылку. Убранство *пархи-ручи* состоитъ изъ нашитыхъ вокругъ нея рядами разноцвѣтныхъ лентъ, узкаго позумента, мишурныхъ нитокъ, мелкаго бисера и косичекъ изъ селезновыхъ перьевъ. Изъ подъ *пархи-ручи* дѣвушка выпускаетъ на спину косу, унизанную широкими мѣдными бляхами.

Самая существенная часть костюма мордовки — это *паанаръ* — бѣлая, узкая и длинная рубаха, надѣваемая прямо на голое тѣло, съ прорѣхою противъ груди, безъ обшивки на шеѣ, но окаймленная по краямъ прорѣхи и вокругъ шеи широкою полоскою, вышитою разноцвѣтной бумагой: красной, зеленой и синей. Точно такія же полосы вышиты на плечахъ, по швамъ рукавовъ, по краямъ ихъ и отъ плечъ до подола — три полосы спереди и три — сзади. Такая рубаха называется «шестиполосною» и считается самую щегольской. Вокругъ подола ея вышивается тою же бумагою широкая кайма.

Застежкою рубашечной прорѣхи на груди служитъ *кирмижъ-карчиня* — родъ мѣдной круглой брошки; «кирмижъ-карчиня» вся перевита проволоками и убрана пуговицами, висячими нитками изъ и урнаго бисера и мѣдными цѣпочками съ теньками; къ внутренней сторонѣ ея привѣрблена длинная булава, при помощи которой и застегивается рубашечная прорѣха.

Сверхъ рубахи, надѣвается *каштазынь-цивксъ* — наплечникъ, передняя часть котораго, надѣвается на грудь, имѣетъ форму широкой подковообразной полосы, сплетенной изъ разноцвѣтныхъ бисерныхъ нитокъ; отъ концовъ этой бисерной дуги идетъ длинный еревалъ на спину, убранный продольными рядами мишурныхъ нитокъ, пересѣченныхъ по мѣстамъ проволоками съ мѣдными бляхами, унизанный, между рядами мишурны, бѣлыми крупными раковинами и обрамленный на концѣ, вдоль нижняго края, висячими нитками изъ мелкаго бисера. *Каштазынь-цивксъ* накидывается на плечи и растягивается по всей груди подъ брошкою, и по всей верхней части

спины. Поверхъ наплечника, на грудь надѣвается еще *армакынь-милжеть*. Это двѣ продолговатыя полотняныя лопасти, съ закругленными концами; унизанныя съ боковъ нѣсколькими рядами разноцвѣтнаго бисера, а въ серединѣ — мелкимъ серебрянымъ битьемъ, и обложенныя въ нижнихъ концахъ мѣдными пуговками, держащими по три нитки изъ крупнаго бисера съ наглухо перевитыми поперегъ проволоками и съ разными привѣсками на мѣдныхъ цѣпочкахъ. Лопасти эти надѣваются на шею посредствомъ ремня, пришитаго къ верхнимъ концамъ ихъ, и служатъ украшающимъ покрываломъ груди мордовки. Кроме того, мордовка надѣваетъ на шею еще *оцю-крестъ ведьме* — широкій гайтанъ изъ шивнаго холста, шириною въ $1\frac{1}{2}$ вершка, весь одинаково узорчато унизанный разноцвѣтными мелкихъ бисеромъ, и увѣшанный разными привѣсками на мѣдныхъ цѣпочкахъ, какъ то: теньками, старинными копѣйками, крестиками, сросшимися орѣхами, медвѣжьими когтями, пучками человѣчьихъ волосъ, позвонками, клыками и всякой всячиной. Концы этого гайтана соединены между собой наглухо нѣсколькими бисерными нитками, такъ что оны надѣваются на шею подобно хомуту, поверхъ всѣхъ означенныхъ нарядовъ.

Опоясывается рубаха низко подъ животомъ, узкимъ поясомъ изъ разноцвѣтной шерсти, съ кистями на концахъ, унизанными стеклярусомъ. Поясъ этотъ называется *карксомъ*. Онъ обвивается вокругъ тѣла два раза, кистями назадъ, и такъ обхватываетъ рубаху, что она сзади плотно облегаетъ тѣло, а спереди собирается сумою и выпускается нѣсколько изъ-за пояса. Къ карксу со стороны бедеръ привѣрбляются длинныя шерстяныя кисти, внизу раздвоенныя, и унизанныя сперва вольцами и бляхами, потомъ — бѣлыми раковинами въ два ряда и затѣмъ — нитками изъ мелкаго разноцвѣтнаго бисера. Сверхъ каркса, также низко подъ животомъ, надѣвается красный шерстяной кушакъ — *стамедна*. Онъ отчасти придерживаетъ вышеупомянутыя длинныя кисти, прицѣпленныя къ поясу, за

него, же заткнуты такъ называемые *мазы-руця* — хорошія полотенца. Этихъ полотенецъ за «стамедной» у истой щеголихи должно быть двѣнадцать.

Всѣ мордовки носятъ также *поницытъ* — холщевыя порты, съ двумя завязками по бокамъ.

Ногами своими мордовки особенно щеголяютъ, для чего и стараются повыше поддергивать спереди рубаху. Условіе красоты ногъ заключается въ ихъ толщинѣ и крѣпкой походкѣ. Для этого онѣ наматываютъ на нихъ вмѣсто онучъ по нѣскольку аршинъ льнянаго, хорошо выбѣленнаго холста, и стараются, чтобы онѣ лежалъ, какъ можно глаже, отчего ноги кажутся прямыми и толстыми какъ бревна. Сверхъ этихъ холщевыхъ онучъ надѣваютъ прямыя, съ маленькой головкой, лапти, которыя прикрѣпляются къ ступнямъ ременными оборами, перевитыми крестообразно вокругъ ногъ. Кромѣ того ноги обертываются еще такъ называемымъ *серге*, т. е. полосатымъ кушакомъ, вытканымъ изъ разноцвѣтной шерсти.

Мордовки отличаются бодрою походкою; онѣ всегда держать голову прямо и высоко, никогда не опускаютъ глазъ въ землю и ступаютъ сильною ровною поступью, отъ которой длинныя кисти на кичкѣ колышутся какъ лошадиныя гривы, а теньки, бисеръ, стеклярусъ и разныя украшенія на груди и спинѣ производятъ легкой звонъ и шумъ, концы же полотенецъ и вистей на поясѣ хлопаютъ какъ оружіе на галопирующемъ кавалеристѣ. Идеаль женской граціи воспѣвается слѣдующимъ образомъ въ одной мордовской пѣснѣ, приводимой здѣсь въ русскомъ переводѣ:

«Софья Рязанова! какъ облупленная липа — бѣло ея тѣло; какъ скатанный льняной холстъ — на ногахъ ея обувь; а походка ея какъ у дѣтища лучшей лошади!»

Мордовки очень рѣдко носятъ лѣтомъ верхнее платье. Только особенныя щеголихи надѣваютъ иногда сверхъ рубахи — «шущунъ» — короткий кафтанъ изъ бѣлаго холста, обшитый, по краямъ

подола и рукавовъ, сплошными рядами красной бумаги, цвѣтныхъ шелковыхъ лентъ и позумента. На груди у шущуна дѣлается широкая вырѣзка, для того, чтобы видны были разныя украшенія на груди мордовки. Старухи иногда повязываютъ и на кичку такъ называемую *ширинну*, — т. е. продолговатый бѣлый холщевый платокъ съ двумя красными коймами на концахъ.

Слѣдующая сказка показываетъ положеніе мордовской женщины: жилъ былъ собака демонъ; у него было тридцать друзей разбойниковъ, а ворота были заперты. Собака разбойникъ-демонъ ударилъ въ ворота ногой и ворота въ лучину изщепалъ. Вбѣжалъ собака-демонъ съ товарищами къ Абызу на дворъ, а богатый Абызъ съ женою въ бани парился. Вышелъ Абызъ изъ бани и пришелъ въ избу; разбойники его встрѣтили и хотѣли сжечь. Абызъ началъ ихъ просить жалобно: подождате, братцы, жену мою, она вамъ отдастъ золотую казну. Вошла въ избу Абызова жена, поклонилась на всѣ три стороны, на четвертую сама взопла и однимъ словомъ ихъ остановила. Разбойники всѣ стали въ пень, обезумѣли и начали на колѣняхъ просить, чтобы она ихъ отпустила, потому что день начинается и ихъ поймутъ; ихъ выпустили изъ избы, а со двора слѣда не найдутъ. Начали разбойники Абызову жену опять просить, чтобы отпустила ихъ, обѣщали дать ей половину своего добра. Она ихъ отпустила со двора, а изъ деревни слѣда не найдутъ. Тутъ они пали передъ Абызиной женой внизъ лицомъ и отдали ей все свое добро.

Изъ приведеннаго описанія мужскаго и женскаго мордовскаго костюма, можно видѣть, что женщины — мордовки, сравнительно съ мужчинами, являются наиболѣе строгими блюстительницами национальных мордовскихъ преданій. Тоже самое можно сказать и относительно старинныхъ мордовскихъ вѣрованій, главными охранительницами которыхъ до сихъ поръ служили также — мордовки. Въ дѣлахъ вѣры женщины вообще играютъ у мордвы какую-то непонят-

ную, но очевидно важную роль, которой всё подчиняются беспрекословно и как-то бессознательно. Мордвинъ, въ этомъ отноше- нии, такъ преданъ своей женѣ, что если мордовка захочетъ по- слать своего мужа, въ какихъ нибудь религиозныхъ видахъ, прямо въ воду и во всемя, что только — есть на немъ — въ зипунѣ или по- лушубкѣ, то мордвинъ никогда не откажется отъ этого. Онъ убѣж- денъ, что если откажетъ женѣ въ исполненіи того, что дѣлали отцы и дѣды, то поплатится за это большимъ несчастіемъ въ жизни. Не- мудрено, поэтому, что старинныя мордовскія вѣрованія, не смотря на принятіе всемя поголовно христіанства, до сихъ поръ еще имѣютъ мѣсто, какъ въ жизни, такъ и въ понятіяхъ народа.

Вѣрованія и обряды.

Встарину мордва были язычниками; ихъ религія была дуалисти- ческая: она признавала два враждебныхъ начала — начало добра и зла. Сообразно съ этимъ, и ихъ боги, олицетворяющіе эти начала, дѣлились такъ же на два враждебныхъ лагеря.

Главное божество называлось у эрзянъ *Пасъ*, а у мокшанъ — *Шкай*. Это богъ — добра и свѣта, невидимый духъ, всемогущій, творецъ видимаго и невидимаго міровъ и обитающій на небесахъ. Онъ назывался еще *Трямкой* — господомъ - кормильцемъ. Мок- шане молились ему такъ: «Шкай, оцю шкай, верду шкай, ванымьстъ!» т. е. Боже, Боже верховный, Боже начальный, помилуй насъ. А эр- зяне обращались въ нему съ такою молитвою: «Чамъ Пасъ, вель Пасъ, помилуй насъ!» т. е. Верховный Боже, Боже мірской (въ смыслѣ - щественномъ), помилуй насъ!

Главное-же божество, олицетворявшее начало зла — это шайтанъ — такъ же духъ невидимый, бывшій прежде товарищемъ Чамъ-Пасу, но за свое непослушаніе заточенный имъ въ бездну, въ преисподнюю.

Желая какъ можно чаще и сильнѣе вредить людямъ и самому Шкаю шайтанъ создалъ множество мелкихъ боговъ, такихъ-же злыхъ, какъ и онъ самъ, и приставилъ каждому изъ нихъ къ какому нибудь од- ному опредѣленному дѣлу, всякаго къ его специальному занятію. Во главѣ этихъ злыхъ духовъ стоитъ Кереметь или — Мастыръ- пасъ.

Чтобы парализировать вредъ, наносимый людямъ злыми специа- лизированными шайтанами, Чамъ-Пасъ, съ своей стороны, создалъ такъ же множество мелкихъ добрыхъ боговъ и каждому изъ нихъ поручилъ охраненіе извѣстнаго, опредѣленнаго предмета. Во главѣ этихъ добрыхъ ду- ховъ стоитъ Анге-Патяй — богиня жизни, охраняющая рожденіе че- ловѣка, мать всего живущаго на землѣ и главная противница Кере- метю или Мастыръ-Пасу. Ее называютъ иначе «Буламанъ - Па- тий», т. е. богиня - повитуха, такъ какъ она, изъ любви къ охране- нію жизни и здоровья людей, покровительствуетъ такъ же повиваль- нымъ бабкамъ и сама подчасъ не прочь отъ исправленія подобныхъ обязанностей. — За нею слѣдуетъ *Нишки-Пасъ*, богъ свѣта, жи- вущій на небѣ, гдѣ онъ имѣетъ пчельникъ, населенный душами умер- шихъ. Какъ пчелы вьются вокругъ матки, такъ души добрыхъ лю- дей вьются вокругъ Нишки-Паса. Далѣе слѣдуетъ *Верешки-Пасъ*, богъ земнаго общества людей, устроеннаго по образу небснаго пчельника. Затѣмъ идетъ *Нишкинде-Тевтярь* — дѣвица Нишки, покровительница уже настоящихъ пчелъ, у которой есть свой пчель- никъ на землѣ. Потомъ слѣдуютъ болѣе мелкіе безчисленные боги, какъ-то: *Кардо-сярко* — богъ скота, *Вирясъ* — богъ лѣса, *Юр- тозсъ* — богъ домашній и проч., а за ними слѣдуютъ еще болѣе мел- кіе добрые духи — *оскзы*.

Всемя этимъ богамъ, и добрымъ и злымъ, и главнымъ и мелкимъ, мордвинъ совершали моленія и приносили жертвы, добрымъ — на от- крытыхъ поляхъ или дома, а злымъ — въ глухихъ мѣстахъ лѣсовъ, называемыхъ *Кереметлями*.

Всѣхъ своихъ боговъ Мордва представляла въ видѣ незримыхъ и неизобразимыхъ духовъ, поэтому у нихъ не было ни истукановъ, ни идоловъ. Не смотря на это, по ихъ понятію, Чамъ - Пасъ, живущій на небесахъ, постоянно ходитъ въ баню мыться и обтирается тамъ особеннымъ чудодѣйственнымъ полотенцемъ. Точно также всѣ второстепенные боги имѣютъ способность дѣтороженія и часто похищаютъ къ себѣ на небо хорошенькихъ мордвокъ. Вотъ какой былъ случай по одному старинному мордовскому преданію въ семействѣ одного мордвина.

Жила въ этомъ семействѣ дѣвка Сыржа. И красива была изъ себя, и работячая, и ноги толстыя какъ бревна, да какъ-то все не удавалось ей выйдти замужъ. Не то чтобы жениха не находилось, или родители не хотѣли отпустить отъ себя такую красавицу, а такъ ужъ, видно судьба ея была такая! Разъ приходитъ къ нимъ въ избу невѣдомый человѣкъ, съ лицомъ чернымъ, какъ уголь и съ глазами, сверкающими какъ горящія свѣчи. Послѣ оказалось, что это былъ *Пургине - Пасъ* — богъ грома. Хозяева приняли ласково незнакомца гостя и помѣстили его у себя въ избѣ. Тутъ скоро понравилась гостю дѣвка Сыржа, и онъ посватался за нее. Родители согласились что, дескать, засиживаться ей въ дѣвкахъ! Стали праздновать свадьбу. Вначалѣ незнакомецъ - женихъ сидѣлъ смиренно. Потомъ, вмѣстѣ съ прочими, подкутилъ, и пошелъ плясать: по лавкамъ, по столамъ, по скамьямъ, по палицамъ, по чашкамъ и по ложкамъ, — ужась овладѣлъ присутствующими и всѣ омертвѣли. Очнулись только тогда, когда ни Пургине-Паса, ни Сыржи уже не было въ домѣ — они унеслись на небо. Вотъ почему, когда случается гроза, мордва думаетъ, что это Пургине-Пасъ пляшетъ на небѣ по чашкамъ, по ложкамъ, по скамьямъ, по палицамъ, какъ онъ плясалъ на своей свадьбѣ предъ похищеніемъ Сыржи на небо, у ея родителей въ избѣ. Во время грозы, нѣкоторые изъ мордвиновъ и теперь еще выходятъ изъ домовъ на улицу, и, глядя на небо, поднимаютъ руки вверхъ и

кричатъ: «легцы легцы, ты чай нашъ!» т. е. легче, легче, ты, чай нашъ!

Моленія и жертвоприношенія богамъ у мордвы совершались общественныя и частныя. Общественныя моленія сопровождались вареніемъ медовой браги — пурѣ, приготовляемой на счетъ всей деревни, каждый разъ нѣсколькими дворами по очереди. Поэтому брага эта называлась *велмъ-бова* — мирское пиво. Въ жертву приносились разныя животныя и каша, покупаемая также на общій счетъ.

Жрецовъ послѣдственныхъ не было. Они выбирались обыкновенно изъ среды стариковъ. Главный жрецъ назывался *возать*. Къ нему выбирались разныя помощники: *ямбеды* — мясовщики, *кашатороды* — кашевары и проч.

Жертвоприношенія ихъ, кромѣ заклинанія животныхъ и варенія въ котлахъ, состояли также въ предложеніи богамъ разныхъ готовыхъ съѣстныхъ припасовъ. Напримѣръ, нальетъ «возать» ковшъ браги, или наложитъ чашку каши, поднимаетъ это вверхъ, и всѣ кричатъ за нимъ: «Чамъ-Пасъ, гляди, бери! Мастыръ - Пасъ, гляди - бери! Анге - Патий, гляди-бери!» и т. д. При этомъ возносились въ богамъ и разныя просьбы, въ родѣ слѣдующихъ: «Чамъ - Пасъ, помилуй насъ! Анге - Патий - Пасъ, умоли за насъ, сохрани куръ, гусей и утокъ; Вирява - кормилецъ, спаси, сохрани насъ отъ лютыхъ звѣрей и злыхъ людей» и т. д.

Особенную роль играли при этихъ моленіяхъ — *штатовы* — восковыя свѣчи, согнутыя спиралью, и полотенца, которыми обматывались концы этихъ свѣчъ.

Нужно еще замѣтить, что каждому богу посвящалось для моленій свое время въ году; а такъ какъ боги эти, по ихъ специальностямъ и свойствамъ, были весьма различны, то и обряды ихъ на моленіяхъ также нѣсколько различались между собою. Такъ, при моленіяхъ богамъ женскаго пола жрецами и помощниками ихъ выбирались изъ

старухъ и даже дѣвицъ, да и вообще весь женскій полъ выдвигался въ этихъ случаяхъ на передній планъ.

Вотъ какъ изображается общая картина мордовскихъ моленій въ известной пѣснѣ о «мурзѣ» московскомъ:

На горахъ то было, на горахъ, на Дятловыхъ,
Мордва своему богу молится,
Къ землѣ-матушкѣ на востокъ поклоняется...
Стоять у нихъ въ кругу бадьи могучія,
Съ сусломъ сладкимъ бадьи могучія,
Въ рукахъ держать ковши завѣтные,
Завѣтные ковши, больши набольшиє,
Хлѣбъ да соль на землѣ стоять,
Каша да ячница на рычагахъ висять.
Вода въ чанахъ выпить,
Въ ней говядину янберъ варить.

То, что оставалось отъ боговъ, т. е. всё приготовленные для нихъ припасы, частью дѣлились между всѣми присутствующими поровну, а частью, по окончаніи моленій, истреблялись самими молящимися, которые наѣдались тутъ до сыта и напивались до пьяна.

Домашнія моленія совершались гораздо проще; жертва приносилась на шесткѣ, печкѣ или на загнеткѣ; она состояла большею частью изъ одной каши. — Изъ домашнихъ моленій особенными обрядами отличались только жертвоприношенія Кардось-сярко — богу скота. Если жертва ему приносилась на загнеткѣ печки, то хозяева дома растворяли настежь двери изъ избы на дворъ, и, варя или жаря что нибудь на шесткѣ, обращались лицомъ къ растворенной двери и низко кланялись по направленію къ двору. Но для этого бога устраивался и особенный жертвенникъ. Посреди всякаго двора постоянно держали большой камень, называвшійся также «кардось-сярко». Когда рѣзали домашнюю скотину, то сливали кровь ея подъ этотъ камень, при чемъ молились о здоровьѣ скота. Совер-

шались также домашнія моленія и на гумнахъ, и на пчельникахъ, и т. д., смотря по специальностямъ боговъ.

Мордва молилась также солнцу и лунѣ, но жертвъ имъ не приносили.

Наконецъ, мордва поклонялась предкамъ — «атаятъ». Вѣря въ загробную жизнь, мордвини думали, что умершіе продолжаютъ жить и на томъ свѣтѣ такъ же, какъ они жили на землѣ, то есть: пьютъ и ѣдятъ, работаютъ, заботятся о родственникахъ и проч. Поэтому мордва приносила на могилы своихъ родственниковъ разныя жертвы, стараясь тѣмъ умилостивить загробныхъ своихъ покровителей.

Принявши христіанство, мордва не отрѣшилась совсѣмъ отъ своихъ старинныхъ языческихъ вѣрованій, и частью перепутала ихъ съ новыми христіанскими понятіями, а христіанскихъ святыхъ перепутала съ языческими богами. Такъ, въ настоящее время, мордва молится слѣдующимъ образомъ: «Анге - Патая, матеръ Пресвятая Богородица, умоли за насъ, сохрани куръ, гусей и утокъ» и проч. Точно также въ день памяти Василія Великаго, совпадающей съ днемъ праздника ихъ старинному богу Таунсяго, мордва молится святителю: «Вельки Васлй Таунсяй, давай поросять черныхъ и бѣлыхъ какихъ самъ любишь.

Особеннымъ уваженіемъ у мордвы, какъ и у многихъ другихъ новокрещенныхъ инородцевъ, пользуются Св. Николай Чудотворецъ. Мордва приноситъ ему жертвы и называетъ «Николай-пась, т. е. Николай-богъ. Въ день праздника Св. Николая Чудотворца, 6 декабря, мордвинъ собираетъ всю свою семью, зажигаетъ свѣчку, и кланяется передъ его иконой, съ хлѣбомъ и солью на рукахъ, и говоритъ: «Вотъ тебѣ большой хлѣбъ, дай больше добра, вотъ горшокъ каши, сколько крупинокъ, столько подай добра; — солоница соли, рыба голова, брага и вино: все на твое имя варили и жарили, больно отъ усердія съ чистымъ сердцемъ, — кланяемся тебѣ!»

Такимъ образомъ, мордва обоготворяетъ многихъ святыхъ, пере-

мѣшавъ ихъ отчасти съ своими языческими богами. Даже нѣкоторые изъ христіанскихъ дней, какъ напр. сочельникъ и великій четвертокъ олицетворяются ими и чествуются какъ святые угодники.

Слѣды самыхъ моленій и жертвоприношеній языческихъ также до сихъ поръ сохранились у мордвы. Моленія эти и теперь совершаются ими, но лишь подъ русскимъ названіемъ *молянъ*. «Молянъ» мордовскіе совершаются нѣсколько разъ въ году, въ извѣстные, опредѣленные дни, каждое по своимъ обрядамъ и съ своими цѣлями. Вся разница нынѣшнихъ «молянъ» отъ старинныхъ языческихъ моленій заключается только въ томъ, что теперь молятся уже истинному Богу и православнымъ святымъ. Самые же обряды языческихъ моленій удержались на «молянахъ», хотя въ одномъ мѣстѣ—больше, въ другомъ—меньше. Вотъ образцы нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ мордовскихъ «молянъ».

Въ четвергъ, на Пасху, мордва съ блинами, яйцами, мясомъ, брагой и водкой выходятъ на гумна или въ овины, молится Богу о сохраненіи овиновъ отъ огня и о хлѣбородіи, при чемъ бросаютъ вверхъ яйца, обозначая этимъ, какой-бы высоты они желали своимъ хлѣбамъ. Въ заключеніе сѣдаютъ на мѣстѣ все принесенное.

Передъ Троицей, готовятъ на общій счетъ медовую брагу, — «велимъ-бова», которую варятъ нѣсколько дворовъ по очереди каждый годъ. Въ самый же день праздника рѣжутъ и варятъ гдѣ нибудь за селомъ быка или овцу, приобрѣтенныхъ на общій счетъ. Сюда же привозятъ и часть медовой браги. Послѣ обѣдни выходятъ туда отъ cadaго дома по одному человѣку, всякій съ своимъ собственнымъ хлѣбомъ. Послѣ молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, произнесенной кѣмъ нибудь изъ стариковъ объ урожаѣ, о здоровьѣ скота, о сохраненіи отъ пожаровъ, присутствующіе раздѣляютъ между собою моленое мясо и уходятъ. Къ вечеру мужчины и женщины сходятся въ назначенномъ мѣстѣ, гдѣ пивовары угощаютъ всѣхъ

приготовленною ими брагою. Праздникъ оканчивается пѣснями, пляскою и различными играми.

На Петровъ день совершаютъ «молянъ» — *петро-оскѣз* (Петръ-маленькій богъ) или *бабанъ-наша*. Въ этотъ день, на избранномъ мѣстѣ сходятся съ горшками каши. Ихъ ставятъ рядомъ и затѣмъ изъ cadaго берутъ по ложкѣ каши, которую всякій складываетъ въ корзину, сплетенную изъ прутьевъ. Наполнивъ корзину, поднимаютъ ее на дерево для того, чтобы хлѣба родились высоки, при чемъ молятъ также: «тихаго дождя, теплаго воздуха, хлѣба рожденія, скота умноженія». Затѣмъ, оставшаяся каша сѣдается на мѣстѣ.

Въ іюль мѣсяцѣ, въ новолуніе, молятся о здоровьѣ лошадей; при этомъ закалываютъ возла, а лошадей прогоняютъ чрезъ нарочно вырытый ровъ, въ которомъ раскладывается огонь, добытый чрезъ треніе двухъ деревьевъ и называющійся *живымъ огнемъ*.

15 сентября совершается «молянъ» — *сзимъ-туре*. Въ этотъ день сходятся около завитыхъ деревьевъ, устанавливаютъ бочку съ медовой брагой, прилѣпляютъ по краямъ ея зажженные восковые свѣчи и произносятъ благодарственную молитву за благополучно оконченную уборку хлѣбовъ.

Въ Дмитріевскую субботу, передъ 26 октября, у мордвы бываетъ праздникъ «Жереметь». Тогда среди деревни ставятъ небольшой столбикъ, вблизи котораго устраивается часовня. Здѣсь, накануне «молянъ», варятъ медовую брагу, а въ самый день «молянъ» въ той же часовнѣ рѣжутъ и варятъ гуся. Затѣмъ начинается самый «молянъ». На столбъ ставятъ икону, зажигаютъ передъ нею свѣчу и просятъ Бога, *по своему обычаю*, о различныхъ милостяхъ, при чемъ поминаютъ усопшихъ родственниковъ. Послѣ молитвы входятъ въ часовню и, собравши тамъ со всѣхъ присутствующихъ деньги, употребленные на покушку меда и гуся, сѣдаютъ и выпиваютъ все приготовленное.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, около Казанской, справляютъ «молянъ» —

колдазъ - оскэзъ, за здоровье скота, при чемъ привѣшиваютъ куданибудь кверху корзинки, наполненныя «чукурами» — трехугольными пирогами съ начинкою изъ молочной каши и съ другими съѣстными припасами.

Справляются «молянъ» и на пчельникахъ, и на дворахъ, и въ избахъ, въ особенности «кардасъ - сярко» — богу домашняго скота, почти совсѣмъ обратившемуся теперь въ русскаго «суѣдко». Нужно также замѣтить, что совершеніе всѣхъ «молянъ» сопровождается пьянствомъ, пѣснями, криками, ссорами и драками. Нѣсколько типе справляются православныя русскіе праздники, изъ которыхъ также ни одинъ не проходитъ у мордвы безъ надлежащаго чествованія.

Поимно моленій мордва сохранила также множество другихъ старинныхъ языческихъ обрядовъ, которыми сопровождается у нихъ всякій случай въ жизни, начиная отъ рожденія человѣка и кончая его смертію. У мордвы и теперь, что ни случай, то особый обычай, и что ни обычай, то своего рода обрядъ, — и, кажется, нѣтъ суетвѣртіе этого народа, до сихъ поръ еще любящаго жить вблизи лѣсовъ, уединенно отъ прочихъ племенъ. Недаромъ, почти всѣ мордовскіе обряды совершаются преимущественно женщинами.

Прежде всего особенныя обычаи они соблюдаютъ при рожденіи человѣка. Такъ, мало обрусѣвшіе изъ мордвы, имѣютъ оригинальное обыкновеніе давать новорожденному имя, кромѣ христіанскаго, и свое мордовское, смотря, напримѣръ, по мѣсту, на которомъ находится во время нареченія младенца отецъ его. Если онъ ѣдетъ съ базара, то новорожденнаго называютъ «базаръ - га», т. е. базарная дорога; если онъ на гумнѣ, молотить хлѣбъ, то младенцу давали имя, «Тингай» или гуино, и т. д. Кромѣ того, по старинному обыкновенію, нѣкоторые даютъ новорожденнымъ имена птицъ, напримѣръ: «тыръ - пыръ» (дикий голубь), и «тарай» (гусь) и т. д.

Но какое бы имя ни давалось младенцу, при этомъ непременно

присутствуютъ въ полномъ сборѣ близкіе родные и знакомые, являющіеся въ избу родильницы съ хлѣбомъ и солью.

Какъ только новорожденный получилъ имя, повивальная бабка, или старшая въ семействѣ женщина, беретъ ножъ и большой обрядовый хлѣбъ, нарочно на этотъ случай испеченный и называющійся *наба-тши* (бабій хлѣбъ). Хлѣбъ ова кладетъ на столъ, а ножомъ обводитъ вокругъ младенца; потомъ такими же кругами обводитъ окна, двери, трубы и всѣ другія отверстія, находящіяся въ домѣ. Этимъ мордва думаетъ устранить новорожденнаго отъ вреднаго вліянія колдуна, летающаго въ воздухѣ. Затѣмъ бабка беретъ со стола хлѣбъ и отправляется съ нимъ подъ кожу просить Бога о вспоможеніи здоровья, силы, долголѣтія и счастья новорожденному, послѣ чего разрѣзываетъ хлѣбъ на ломти, одѣляетъ ими посѣтителей, а на родильницу замахивается топоромъ, для отогнанія родильныхъ болей.

При крещеніи, особенныхъ обрядовъ, собственно мордовскихъ, не совершается.

За то свадьбы мордовскія сопровождаютъ крайне оригинальными обрядами и обычаями. Языческая мордва допускала многоженство. Такъ, по одному преданію, встарину жилъ въ нынѣшней Нижегородской губерніи знатный мордвинъ, посившій, по мордовскому обыкновенію, птичье имя — Скворецъ. Онъ занимался скотоводствомъ и имѣлъ семнадцать женъ и семьдесятъ сыновей. Но большею частью имѣли по двѣ и по три жены. Точно также допускались у мордвы браки между родственниками, исключая ближайшихъ. Оздоровившій супругъ могъ, напримѣръ, требовать свояченицу свою въ замужество. Вотъ какъ происходило дѣло въ такомъ случаѣ: зять, пришедши къ тестю, спрашивалъ: «огдашь ли за меня *эной*» (свояченицу)? Если тестъ не соглашался и отвѣчалъ: «ашай», т. е. нѣтъ, то зять старался положить на столъ тайно принесенный имъ хлѣбъ, и если удавалось ему сдѣлать это и сказать: «зотъ а наль (ногъ хлѣбъ

соль), войтъ» (береги мою эной), тогда онъ немедленно обращался въ бѣгство изъ дому тестя; за нимъ гнались и, если догоняли, начинали бить, если же онъ убѣгалъ благополучно, то тесть былъ уже обязанъ отдать за него вторую дочь свою. — Кромѣ того, имѣли право продавать своихъ женъ съ прижатыми дѣтьми и брать другихъ.

Браки между молодежью заключались или съ вѣдома родителей, или по ихъ инициативѣ по почину самой молодежи, безъ вѣдома родителей. Последний родъ браковъ практикуется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и по настоящее время подъ названіемъ «самохотокъ» и «кражи невѣсты», *Самохотки*, или самокрутство, состоятъ въ томъ, что дѣвушка сама покидаетъ родительскій домъ и тайно обвѣнчивается съ возлюбленнымъ. Кража невѣсты болѣе сложный обычай. Онъ состоитъ въ томъ, что мордвинъ, потерявшій надежду выгодно жениться въ своей деревнѣ, подговариваетъ близкихъ товарищей отправиться съ нимъ на поиски невѣсты въ отдаленныя мордовскія селенія. Обыкновенно, рано утромъ, когда дѣвушки идутъ гурьбою на полевныя работы, молодцы подѣзжаютъ къ избранному селенію. Поровнявшись съ дѣвушками, женихъ начинаетъ вглядываться въ нихъ, и запримѣтивъ красоту, указываетъ на нее товарищамъ. Молодцы тотчасъ схватываютъ ее и увозятъ по окольнымъ дорогамъ въ густой сосѣдній лѣсъ. — Толпа таятся въ лѣсу сутокъ двое или трое, уговариваютъ похищенную невѣсту полюбить жениха и получивъ, обыкновенно крайне дерзко, вынужденное согласіе, просятъ священника ближайшей деревни совершить брачный обрядъ. За похитителями снаряжаются иногда погони изъ деревенской молодежи и происходятъ боевыя схватки, но дѣло, болѣею частью, оканчивается попойкой и согласіемъ на бракъ. Вообще, тихіе трудолюбивые мордвинны болѣе склонны къ мирному рѣшенію дѣлъ и потому гораздо чаще заключали браки по первому способу, т. е. съ вѣдома родителей и по свободному согласію сторонъ.

Самый обрядъ вѣнчанія у языческой мордвы совершался гдѣ нибудь въ глуши на берегу рѣки, или ручья, при чемъ произносились соотвѣтствующія случаю молитвы. Но, чтобы судить вообще о старинныхъ свадебныхъ мордовскихъ обрядахъ, для этого достаточно указать на тѣ обычаи, которые до сихъ поръ соблюдаются на мордовскихъ свадьбахъ. Вотъ какъ обыкновенно происходитъ теперь все дѣло, начиная отъ сватовства и кончая свадебнымъ пиромъ.

Выборъ невѣсты зависитъ теперь, болѣею частью, отъ родителей жениха, и послѣдній никогда не противорѣчитъ ихъ волѣ. Женихъ долженъ внести за невѣсту калымъ или выкупъ, иногда до 100 рублей.

Засватанная дѣвица должна оставаться невѣстой годъ или болѣе и чѣмъ дольше, тѣмъ болѣе ей почета и уваженія со стороны знакомыхъ. Женихъ же во весь этотъ промежутокъ времени, обязанъ навѣщать невѣсту въ недѣлю разъ, или въ двѣ недѣли разъ, или по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ, и каждый разъ привозить ей различныя продукты, преимущественно меду, до одного пуда каждый разъ.

Для за три до свадьбы, къ невѣстѣ пріѣзжаетъ ближайшій родственникъ жениха и объявляетъ ей о днѣ пріѣзда поѣзжанъ. Съ этой минуты мордовока начинаютъ плакать, прощаясь съ своею дѣвичьей жизнью, а поѣзжане начинаютъ готовить свадебныя припасы къ свадебному торжеству.

Наканунѣ свадьбы поѣзжане отправляются къ невѣстѣ, но не входятъ въ домъ ея, а занимаютъ зимою нанятую для этого квартиру, а лѣтомъ останавливаются у околицы. — На другой день, рано утромъ они стучатся въ дверь избы, гдѣ живетъ невѣста; хозяинъ дома, и съ нимъ всѣ родственники невѣсты, отворяютъ имъ дверь и выпускаютъ въ избу, въ которой все уже приготовлено къ пиру: столъ уставленъ яствами и бутылками вина и медовой браги. Невѣста во

время закуски сидитъ покрытая краснымъ платкомъ. По данному знаку, отца или старшаго въ семействѣ, она встаетъ и уходитъ въ сѣни проститься въ послѣдній разъ съ своими подругами. Послѣ этого, лишь только покажется она снова въ дверяхъ комнаты, поѣзжане схватываютъ ее внезапно за руки, выносятъ изъ избы и сажаютъ на телѣгу.

Выѣхавъ со двора, поѣздъ, отправляющій невѣсту въ церковь для вѣнчанія, останавливается у воротъ, гдѣ дружка, съ посоленнымъ ломтемъ хлѣба, съ ножомъ и кнутомъ, взятыми изъ дома жениха, обходитъ дворъ кругомъ три раза, начертывая ножомъ на землѣ кресты и размахивая кнутомъ въ воздухѣ, для отраженія вражескихъ козней.—Въ церкви дружка иногда стоитъ также съ кнутомъ, какъ бы охраняя безопасность невѣсты.

Послѣ церковнаго обряда, ведутъ невѣсту на рѣку, гдѣ она, поднявъ руки кверху, вланяется водѣ троекратно, а одинъ изъ мужчинъ держитъ на блюдѣ хлѣбъ, и отламывая отъ него кусочки, бросаетъ ихъ въ воду; въ это время всѣ присутствующіе становятся на колѣни и кланяются трижды на сѣверную сторону. Потомъ, изъ дома жениха приносятъ ушатъ немного налитый водою, дополняютъ его изъ рѣки, ставятъ тутъ же—на берегу,—и начинаютъ плясать вокругъ ушата, послѣ чего отсылаютъ его обратно въ домъ жениха, вмѣстѣ въ водою, которую употребляютъ въ послѣдствіи для варенія всякой пищи.

По окончаніи брачныхъ обрядовъ на рѣкѣ, молодую везутъ въ домъ мужа, и телѣгу, въ которой она пріѣхала, снимаютъ съ передковъ и осыпаютъ хмѣлемъ.—Молодыхъ встрѣчаютъ родственники съ хлѣбомъ и солью, усаживаютъ въ передній уголь, и начинается угощеніе.

На другой день послѣ брака, молодыхъ выводятъ въ сѣни или на дворъ, гдѣ всѣ гости съ пѣснями и пляскою обходятъ вокругъ двухъ ведеръ, наполненныхъ водою. Затѣмъ молодая вноситъ эти ведра

на коромыслѣ въ избу. Здѣсь дружка, или какая нибудь старуха встрѣчаетъ молодую и ударяетъ ее по головѣ караваемъ хлѣба, приговаривая: «да будешь ты *мазай*, или *тезай*, или *тетай*» и. т. под. Эти названія служатъ ей собственно мордовскимъ именемъ, которымъ съ того времени называютъ ее всѣ младшіе члены семьи; старшіе же продолжаютъ и послѣ того называть молодую *рсеня* (невѣста). Именъ, даваемыхъ друзьями новобрачнымъ, множество, и всѣ эти имена намекаютъ обыкновенно на нравственныя качества молодой.

Брачныя узлы у мордвы весьма крѣпки и чисты. Нравственность дѣвушекъ также можно назвать высоко-развитою.

Всего больше старинныхъ языческихъ обрядовъ и обычаевъ мордва удержала при погребеніи своихъ умершихъ и при поминованіи ихъ. Въ этомъ случаѣ довольно полно сохранились даже самыя понятія ихъ о загробной жизни. Вѣрованія эти, какъ упомянуто было выше, состоятъ въ томъ, что умершіе продолжаютъ жить и на томъ свѣтѣ такъ же, какъ они жили и на землѣ, съ тою лишь разницею, что сами умершіе не могутъ добывать себѣ ни пищи, ни питья, ни одежды, поэтому на потомкахъ ихъ лежитъ обязанность позаботиться о доставленіи всяческихъ удобствъ къ жизни своимъ покойникамъ. Къ тому же приводило ихъ и то убѣжденіе, что умершіе, съ своей стороны, продолжаютъ также заботиться о своихъ живыхъ родственникахъ и въ особенности щедро платятъ тѣмъ, кто заботится о нихъ. Такимъ образомъ, услуги здѣсь обоюдныя. На этихъ вѣрованіяхъ и основываются всѣ обряды и обычаи мордвы при погребеніи и поминованіи умершихъ. Обычаи эти состоятъ въ слѣдующемъ.

Прежде всего, въ знакъ того, что смерть сразила въ домѣ человека, мордвина рѣжутъ курицу, которую послѣ варятъ и съѣдаютъ.

Услыхавъ о смерти мордвина или мордовки, приходятъ и посторонніе посѣтители, которые также приносятъ съ собою разные съст-

ные припасы. Войдя въ избу, гдѣ лежитъ покойникъ, они отвѣшиваютъ ему три поклона, пищу кладутъ на брусъ, и затѣмъ высказываютъ пожеланіе царства небеснаго умершему. Вслѣдъ за этимъ женщины поднимаютъ дикій вопль, обглаживая усопшаго съ головы до ногъ своими руками. Въ избыткѣ скорби, осиротѣлыя дочери, даже замужня, имѣютъ обыкновеніе царапать щеки свои ногтями.

Покойника мужчину одѣваютъ по верхъ нижняго бѣлья въ зипунъ, а на женщины надѣваютъ только рубаху, даже не опоясывая ее поясомъ, который вкладывается въ руки покойницѣ.

На огонь, ближайшемъ къ покойнику, выставляютъ любимые предметы послѣдняго: водку, трубку, или табакерку съ табакомъ и нѣсколько мѣдныхъ монетъ. По ученію мордвы, деньги нужны покойнику на табакъ, на водку, а также на переправу черезъ рѣку, протекающую на пути къ раю. Если кто нибудь изъ постороннихъ приноситъ для покойника монету, то старуха мордовка скоблитъ ее ножомъ, приговаривая умершему: «вотъ тебѣ (такой-то) принесъ денегъ, чтобы тебѣ на томъ свѣтѣ отъ смерти откупиться, по базарамъ ходить, все нужное купить и знакомыхъ не забывать, а вмѣстѣ съ ними тамъ пить и гулять».

Прежде чѣмъ положить покойника въ гробъ, одна изъ женщинъ три раза обводитъ (*по солнцу*) внутри гроба зажженною свѣчей, съ желаніемъ умершему вѣчнаго свѣта и теплоты, безконечной радости и веселья. Нѣкоторые же настилаютъ въ гробъ шерсти и окуриваютъ его ладономъ, вѣруя, что отъ этого покойнику будетъ мягко и тепло, весело и пріятно.

Въ гробу прорѣзываютъ отверстія или окна, съ одной стороны для того, чтобы было умершему освѣтлѣе и не такъ душно, а съ другой стороны для того, чтобы онъ могъ черезъ эти окна имѣть сношенія съ живыми родственниками.—Вмѣстѣ съ умершимъ кладутъ въ гробъ трубку, сосудъ съ водкою (до которой мордва охотники), что нибудь изъ съѣстнаго, — рабочіе инструменты и какую

нибудь монету. На голову покойнику надѣваютъ шапку, чтобы въ будущей жизни онъ не озябъ отъ холода или не заболѣлъ отъ зноя; а въ руки ему даютъ платокъ или кусокъ холста, какъ запасъ для смѣны одежды. Если умершій былъ старикъ, то вмѣстѣ съ нимъ, сверхъ всего сказаннаго, кладутъ въ гробъ еще яйца, лепешки и орѣхи; это гостинецъ, посылаемый съ нимъ прежде умершимъ дѣтямъ и внучатамъ его.

По выносѣ гроба, оставшіяся въ избѣ женщины убираютъ подстилку, лежавшую подъ умершимъ, и, вымывъ лавку, кладутъ на то мѣсто, гдѣ лежалъ покойникъ, косарь или топоръ. Этимъ орудіемъ мордвини думаютъ устрашить смерть, чтобы, видя это, она не смѣла на будущее время войти въ осиротѣлое семейство. Затѣмъ, женщины выметаютъ соръ, накопившійся въ избѣ со времени кончины усопшаго, поспѣшно складываютъ его въ корзины, берутъ затѣмъ немного блиновъ, яицъ и пирожковъ, — и со всѣмъ этимъ выходятъ на улицу, по дальше отъ двора; здѣсь бросаютъ соръ, закусываютъ, а потомъ молятся и кланяются въ слѣдъ покойнику, желая ему благъ въ будущей жизни, послѣ чего возвращаются домой.

Щепы отъ гроба считаются заразительными, и потому также складываются въ корзины и относятся далеко за деревню. Оттого вокругъ мордовскихъ деревень можно встрѣтить иногда кучи корзины съ щепами.

Хоропать мордвини своихъ покойниковъ въ отдаленіи отъ жилыхъ мѣстъ, верстахъ въ двухъ или болѣе, для того, чтобы пѣтухъ въ ночное время своимъ пѣніемъ не нарушалъ ихъ спокойствія.—По зарытіи умершаго въ землю, одна изъ почетныхъ старухъ владетъ на могилу по кусочку разныхъ съѣстныхъ припасовъ, прося покойника поѣсть, и льетъ туда нѣсколько браги для утоленія его жажды.

Похороны кончаются пиромъ, пѣснями, а подчасъ и пляскою. Но покойника все таки не забываютъ. Спустя нѣсколько времени лѣтомъ, при уборкѣ хлѣбовъ, мордвини оставляютъ на полѣ неболь-

шой лоскутокъ пещатаго хлѣба: это опять для продовольствія умершаго.

Вообще поминовеніе умершихъ совершается у мордвы очень часто. Но особенными обрядами и обычаями сопровождается у нихъ поминовеніе въ сороковой день. Вотъ какъ это происходитъ.

Всю ночь, предшествующую поминкамъ, мордовки занимаются чисткою и уборкою избы, постоянно приговаривая: «аляй сай, сюци саманъ» (отецъ придетъ, побранить насъ). — На слѣдующій день, рано утромъ, одинъ изъ родныхъ, обыкновенно сверстникъ умершаго, уходитъ на кладбище. . . . Остальные же домашніе отправляются всѣ на дворъ, гдѣ ожидаетъ своей печальной участи — быкъ, обреченный для поминокъ. Животному дѣлаютъ поясной поклонъ, а женщины, сверхъ того, набрасываютъ на рога платокъ или холеть, затѣмъ поднимаютъ плачъ, кланаясь быку въ ноги. Быкъ, приведенный на закланіе, служить у нихъ образомъ умирающаго человѣка. Оплаканый такимъ образомъ быкъ, закалывается ближайшимъ родственникомъ покойника и варится въ котлѣ съ простою водою. Кожа, снятая съ быка, послѣ поминокъ продается и на вырученныя деньги покупается котелъ для браги; котелъ этотъ называется *стариковымъ*.

Послѣ закалыванія быка, идутъ въ избу, гдѣ одни принимаютъ готовить обѣдъ ожидаемому дорогому гостю, а другіе разстилаютъ на лавкѣ, въ переднемъ углу, верхнюю и нижнюю одежду, оставшуюся отъ поминаемаго умершаго. Одежду располагаютъ такъ, чтобы она, по возможности, напоминала человѣческую фигуру. Въ часть одежды, соотвѣтствующую груди, вставляютъ восковую свѣчу, свернутую спирально, зажженную съ одного конца и обернутую съ другаго — полотняцемъ. Около описаннаго изображенія покойника, поближе къ иконамъ, кладутъ рубашку, лапти и балахонъ. Все это назначается для мѣны платья покойнику. На окпѣ стоятъ штофъ водки, лежитъ блинъ, трубка, или табакерка съ табакомъ и нѣсколько

монетъ; на столѣ — чашка съ мясомъ, пироги, котелъ медовой браги. Приготовивъ все это, какъ слѣдуетъ, вдоволь наплакавшись надъ изображеніемъ покойника, сынъ или близкій родственникъ послѣдняго подноситъ всѣмъ присутствующимъ по стакану воды или браги, и уговариваетъ ихъ сходить за самимъ умершимъ. Гости низко кланяются, забираютъ обрядовыя одежды, и съ воплемъ и плачемъ выступаютъ въ походъ.

Добравшись до могилы, всѣ падаютъ на нее, цѣлуютъ землю и выкликаютъ умершаго. Подосланный сюда съ раннего утра мордвинъ не долго заставляеть ждать себя, и на первый же призывъ появляется между плачущими родственниками. Все общество съ шумомъ и ерпомъ бросается къ нему, одѣваютъ его въ принесенную одежду, и, взявши его подъ руки, приводятъ въ деревню.

Гостя вводятъ въ сѣни и тамъ вручаютъ ему зажженую свѣчу. Затѣмъ растворяются двери избы, всѣ кланяются порогу, и мимо умершаго съ почетомъ ведутъ въ избу, гдѣ и усаживаютъ его въ передній уголъ.

Хозяинъ или хозяйка подноситъ мнимому покойнику по стакану воды и браги, и пока онъ пьетъ, всѣ стоятъ передъ нимъ на одномъ колѣнѣ, наклонивъ головы и опираясь рукою о полъ. Угостивъ мнимаго загробнаго гостя, хозяева угощаютъ тѣми же напитками и всѣхъ присутствующихъ при церемоніи.

Во время этого угощенія, гости по очереди подходятъ къ *живому покойнику*, подобострастно раскланиваются передъ нимъ и начинаютъ разспрашивать о житьѣ бытѣ на томъ свѣтѣ. Воображаемый пришлецъ съ того свѣта подноситъ каждому по стакану вина и передаетъ вѣсти о родныхъ и знакомыхъ его, въ родѣ слѣдующаго: «вашъ промотался, вашъ разводитъ пчелъ, вашъ пльнствуетъ, а вашъ пошелъ на поправку», и т. под.

Послѣ сытнаго обѣда, слѣдуетъ оплакиваніе мнимаго покойника. Зажигаютъ и ставятъ на свѣтецъ свѣчу, передъ нею ставятся

женщины и начинают плакать о гостѣ, съ желаніемъ ему таковаго свѣта, какой распространяется въ избѣ отъ горящей свѣчи. По окончаніи этой церемоніи, общество провожаетъ гостя во дворъ.

Придя на кладбище, съ него снимаютъ одежду, послѣ чего мнимо-умершій уже лишается своего званія и наряда, и съ прочими усаживается тутъ за принесенныя яства. Здѣсь часть свѣтныхъ припасовъ снова откладывается на могилу, для угощенія уже настоящаго покойника; въ подарокъ ему же одна изъ женщинъ скоблитъ ножомъ мѣдную монету, кланаясь и приговаривая, что «дарить покойника ста рублями и серебромъ». Мужчины-же, кромѣ свѣтныхъ припасовъ, кладутъ на нѣсколько минутъ свои трубки и табакерки на могилу покойника, также для угощенія его.

Затѣмъ слѣдуетъ прощаніе съ умершимъ. Отоседши на нѣсколько сажень отъ могилы покойника, поминающіе останавливаются и льютъ на землю немного водки и браги. Это значитъ, что покойникъ, провожая своихъ гостей, какъ бы распиваетъ съ ними на этомъ мѣстѣ послѣдній стаканъ вина или браги. Послѣ этого обращаются къ покойнику съ слѣдующими словами: «теперь болѣе уже къ намъ не ходи: твой пиръ конченъ! Ступай, живи въ своемъ мѣстѣ; но когда придетъ праздникъ, опять мнѣсти просимъ, — ну прощай!» Вслѣдъ за этими словами, всѣ присутствующіе опрометью бросаются въ деревню. Около избы пропеваютъ толкотня и давка въ полномъ смыслѣ, въ силу слѣдующаго мордовскаго повѣрья: кто съ проводомъ покойника возвратится прежде, тотъ проживетъ долго, а кто — послѣ, тотъ скоро самъ умретъ.

По возвращеніи съ кладбища, начинается повальная попойка, продолжающаяся до утра слѣдующаго дня.

Повѣрьями и разными примѣтами мордва также весьма богата. Мордвинны не дѣлаютъ почти ни одного шага безъ того, чтобы не посоветоваться предварительно съ какоюнибудь примѣтою. Родится ли ребенокъ, вступать ли въ бракъ дочь или сынъ, заболѣлъ ли кто и

проч., на всякій случай въ жизни у нихъ есть своя особенная примѣта. Такъ, если родится ребенокъ съ круглою плѣшиною на темени, то это означаетъ, что онъ проживетъ долго; если упадетъ одна изъ свѣчей, которыя мордовка налѣпляетъ на лопату, сажая въ печку особенный брачный хлѣбъ, то это будетъ означать, что одинъ изъ супруговъ скоро умретъ; если опухнуть ночью всю деревню сохою, то прекратится падежъ скота, и т. д. и т. д.

Мордвинны лечатся отъ болѣзней преимущественно у колдуновъ и ворожей, которыхъ бываетъ у нихъ множество. Въ особенности славятся своимъ искусствомъ и магическою силою мордовки ворожей и мордва — пчелницы, къ которымъ и русскіе прѣзжаютъ за свѣтами и иногда за десятки верстъ. Все ихъ искусство состоитъ, обыкновенно, изъ различныхъ умываній и наговоровъ на пивѣ, на водкѣ и проч.

Но особенно замѣчательны ихъ *заговоры ружья*. Мордвинны вѣрятъ, что колдуны могутъ заговаривать ружья такъ, что сколько ни стрѣляй — ружье не выстрѣлитъ. Для того, чтобы оно выстрѣлило, нужно взять пять дробинъ и пять волосковъ щетины, раскусить дробинны и вправить въ нихъ щетину. Если зарядить ружье такими дробинками, то ужъ никто не можетъ заговорить выстрѣла.

Изъ другихъ суевѣрій можно упомянуть еще о слѣдующихъ. Солнечное и лунное затмѣніе приписываютъ дѣйствию злаго духа, чтобы въ темнотѣ удобяѣ ловить въ свои сѣти христіанъ. Падающія звѣзды считаются за огненныхъ змѣй и демоновъ, которые будто бы вселяются въ людей и дѣлаютъ ихъ бѣспующимися и клянушами. Кто родится въ пасмурный день тотъ будетъ богатъ. Во время предсмертныхъ конвульсій ставится на окно сосудъ съ водою, предполагая, что душа, выйдя изъ тѣла, непременно должна обмыться.

При лихорадкѣ подъ подушку больнаго кладутъ лошадиную голову или носятъ на шеѣ кожу змѣи, ужа и летучей мыши. Чесотку

лечать высѣкая огонь въ кремня передъ рапами или намазываютъ тѣло сѣрой съ кислотою сметаной.

Игры мордва справляетъ почти тѣже, что и русскіе. Такъ, зимою устраиваютъ въ избахъ *посидѣлки*, на которыхъ дѣвицы прядутъ ленъ, а парни пляшутъ и играютъ на балалайкахъ или гармоніяхъ. На *святкахъ* наряжаются, ворожатъ, гадаютъ и проч., какъ и русскіе.

Весною по вечерамъ молодежь устраиваетъ на площадяхъ деревень хороводы, съ пѣснями, а старики въ это время выходятъ на заваленки и оттуда любуются на забавы молодого поколѣнія. Послѣ Троицы дѣвицы провожаютъ русалку. По всей вѣроятности, этотъ обычай есть остатокъ отъ стариннаго мордовскаго праздника въ честь богини Аяге - Патий. Мордовки наряжаютъ тутъ когонибудь лошадью, подвѣшиваютъ подъ шею колокольчикъ, сажаютъ верхомъ мальчика и ведутъ лошадь подъ уздцы въ поле. Сзади слѣдуетъ хороводъ съ пѣснями. Въ полѣ, наряженная лошадь разоблачается также съ разными пѣснями въ родѣ слѣдующей:

Тевтиръ іонось татьянась,
Мѣздя паро сонъ?
Пѣлиниза мазыптъ,
Ожаныла кувабать.
Сѣльми нанса рѣузатъ.

т. е. «Дѣвка хороша! Татьяна, — а почему она хороша? Потому что рубашечка на ней красивенькая, рукавчики у ней длиненькіе, глазки у ней черненькіе».

Веселость одна изъ отличительныхъ чертъ мордвы. И въ радости, и въ горѣ, и возвращаясь съ полевыхъ работъ, мордовки почти постоянно ходятъ съ пѣснями. — Всѣ пѣсни ихъ, обыкновенно рифмованны, но напѣвы — заунывные, монотонные, даже непріятные. Вообще мордва, хотя и страстно любитъ пѣть, — племя все-таки не пѣвучее.

Смыслъ ихъ пѣсень весьма различенъ. Выше было уже приведено содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Кромѣ этихъ извѣстныхъ намъ пѣсень, у мордвы есть еще нѣсколько про рекрутчину, про любовь матери, расстающейся съ *сердечнымъ сыномъ*, есть и пльсовыя и колыбельныя; а въ особенности много у нихъ пѣсень про старыхъ злыхъ женъ, вѣчно замышляющихъ душегубство и изводящихъ отравою своихъ мужей. Значеніе послѣднихъ до сихъ поръ не выяснено надлежащимъ образомъ.

Въ заключеніе можно сказать, что мордва надѣлена отъ природы хорошими умственными способностями, имѣетъ острую память и довольно здраво судить о предметахъ серьезныхъ, но всѣ способности еще находятся въ младенчествѣ и требуютъ развитія, будучи подавлены различными заблужденіями и предрассудками.

ХП. В О Т Я К И .

Характеръ и бытъ.

Лучшую, полуденную, хлѣбородную и лѣсную часть Вятской губерніи занимаетъ самобытное и многочисленное племя *вотяки*, или, какъ ихъ называли наши предки-славяне «Чудь бѣлоглазая,» иначе «Воть.»

Кромѣ юговосточной части Вятской губерніи, племя это встрѣчается еще, хотя и въ меньшемъ числѣ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Пермской и Казанской губерній; такъ что общее чило вотяковъ достигаетъ цифры—235,000 душъ.

Откуда пришли вотяки на рѣку Вятку и какъ произошло самое названіе ихъ—до сихъ поръ неизвѣстно съ достовѣрностью. «Нѣтъ ничего въ русской исторіи темнѣе судьбы Вятки и земли ея», замѣчаетъ историкъ Костомаровъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій. Несомнѣнно только то, что вотяки принадлежатъ къ финскому племени и вмѣстѣ съ зырянами и пермяками составляютъ особую, такъ называемую пермскую вѣтвь его.

Что же касается до происхожденія вотяковъ, то одни ученые указываютъ на Алтай и при-онисейскую страну, какъ на первоначальную родину вотяковъ, гдѣ будто бы еще въ прошломъ столѣтіи встрѣчались остатки этого племени, называвшагося тамъ также «вотью», или по татарски «Ари», что значитъ—пчелы. Другіе же ученые видятъ родину вотяковъ въ нынѣшней Петербургской губерніи, гдѣ, во времена новгородской независимости, дѣйствительно существовало племя «воть», подчинявшееся Новгороду. Но, во всякомъ случаѣ, остаются неизвѣстными, какъ причины, такъ и время переселенія вотяковъ на р. Вятку. Только съ конца XII вѣка начинаютъ встрѣчаться въ нашихъ лѣтописяхъ болѣе или менѣе опредѣленные указанія на вотяковъ. Къ этому времени относится первое появленіе на р. Вяткѣ новгородскихъ «ушкуйниковъ», встрѣтившихъ тамъ уже многочисленное вотское племя. Занимаясь въ то время преимущественно звѣроловствомъ и живя въ городкахъ, обнесенныхъ земляными насыпями и валами, вотяки дали сильный отпоръ смѣлымъ новгородскимъ завоевателямъ и долго сопротивлялись ихъ власти. Но въ концѣ концовъ, утративши воинственный духъ, вотяки должны были уступить мѣсто новгородскимъ пришельцамъ и малу по малу отошли въ глухіе вятскіе лѣса.

Съ распространеніемъ по р. Вяткѣ русской культуры, вотяки постепенно осваивались съ ея началами и въ послѣдствіи приняли много русскихъ обычаевъ, возрѣній и вѣрованій. Но и до сихъ поръ вотяки сохранили много чисто самобытныхъ чертъ, весьма характерныхъ и крайне устойчивыхъ, съ которыми еще и по сіе время приходится считаться русскому вліянію.

Одна изъ этихъ самобытныхъ чертъ до сихъ поръ сохраняется въ наружности вотяка. Между всѣми вотяками существуетъ удивительное сходство; нѣкоторые находятъ даже, что одинъ вотякъ походитъ на другаго, какъ двѣ капли воды.

Почти всѣ вотяки росту средняго, даже малаго, въ сравненіи съ

русскими. Цвѣтъ лица ихъ смугло-красноватый; волосы большею частью рыжіе, или совсѣмъ бѣлые, курчавые, или стоящіе спопомъ и почти никогда нечесанные. Голова круглая или угловатая. Глаза голубые или свѣтло-сѣрые, подслѣповатые; носъ небольшой, курносый. Скулы выдавшіяся, щеки впалыя; лобъ небольшой и сильно опрокинутый назадъ; борода маленькая, рѣдкая, рыжеватая. Станъ вотяка приземистый, на тощихъ ногахъ.

Одежда вотяковъ гораздо проще вышеописанныхъ другихъ народовъ. Мужчины носятъ родъ сѣраго армяка до коленъ, подпоясанный ремнемъ или шерстянымъ кушакомъ. Къ ремню прикрѣпляются ножны для ножа въ 6 вершковъ длины и желѣзная скобка для владыванія топора. Исподнее платье: холщевая бѣлая рубашка и шаравары. На ногахъ сапоги, а обыкновенно онучи и лапти, съ заостренными носами. Последнее довольно характерично, какъ и вообще особенное обращеніе ими вниманія на содержаніе въ чистомъ видѣ исключительно ногъ и обуви, въ противоположность тѣлу и одеждѣ. На головѣ они носятъ разныя шапки: войлочную, какъ татары, или отороченную мѣхомъ, или наконецъ какой-то отрѣзокъ отъ рукава, надѣтый на голову и сверху зашитый, безъ козырька и околыша.

Зимою они носятъ подъ армякомъ овчинный полушубокъ и обертываютъ шею короткимъ чернымъ полотенцемъ.

Женщины одѣваются въ родѣ лѣсныхъ, луговыхъ черемисокъ, обшивая зипунъ по подолу и на концѣ рукавовъ красною лентою. Непремѣнная принадлежность ихъ наряда — передникъ ярко-краснаго цвѣта съ разными болѣе или менѣе прихотливыми рисунками. На шею онѣ надѣваютъ ожерелье изъ крупныхъ монетъ; серьги подобныя черемисскимъ. Вообще же у вотяковъ менѣе металлическихъ, украшеній, нежели у другихъ финскихъ народовъ. На головѣ, вотяки носятъ, что-то въ родѣ тохьи или тибетейки, либо платокъ, повязанный передними и задними концами назадъ, или наконецъ надѣваютъ родъ шишака подъ названіемъ айшонъ, вышиною

$\frac{3}{4}$ аршина, унизанный спереди и сзади мелкою серебряною монетою, либо оловянными бляхами. Еще замѣчательно, что онѣ волосы на вискахъ завиваются бучками, спуская ихъ по бокамъ въ видѣ гирекъ.

Вообразите себѣ такого человѣка, вѣчно съ короткою, въ вершокъ, трубкою въ зубахъ — и вы будете имѣть предъ собою истаго вотяка, неповоротливаго, съ нѣкоторою угловатостію въ движеніяхъ, нѣсколько простодушнаго и въ то-же время наивно-лукаваго, крайне недовѣрчиваго и любящаго селиться уединенно, въ глуши лѣсовъ и вдали отъ людныхъ селеній.

Всѣ они очень нечистоплотны, а умственное ихъ развитіе стоитъ ниже черемисъ и чувашъ. Ихъ однообразная жизнь, скудныя физическія силы, отсутствіе всякаго стремленія, ихъ робость, соединенная съ нѣкоторою хитростію и упорствомъ, отпечатываютъ вотяка съ точки зрѣнія самаго низкаго развитія, на измѣненіе чего и христіанство не имѣло ни малѣйшаго вліянія; но нельзя отвергнуть, чтобы они лишены были способности перенимать отъ другихъ. Вотяки, проживая постоянно въ сосѣдствѣ черемисъ, переняли отъ нихъ способъ построенія избъ и многое изъ ихъ жизни. Народомъ этимъ никто не занимался, ояъ вѣчно былъ въ угнетеніи, и потому неудивительно, что не подвинулся впередъ ни на шагъ съ тѣхъ поръ, какъ усвоилъ себѣ способность выражаться. Разъ установившіяся понятія переходили отъ отца къ сыну безъ всякихъ усовершенствованій, и потому жизнь ихъ вращается въ еще болѣе узкой рамкѣ, сравнительно съ другими народами. Нѣкоторыя изъ уголовныхъ дѣлъ весьма хорошо обрисовываютъ характеръ и нравъ вотяковъ. Такъ, лѣтъ 30 тому назадъ, было такое дѣло, гдѣ нѣсколько татаръ Агрийской волости Вятской губерніи, ограбили среди бѣлаго дня вотскую деревню, въ присутствіи населенія въ нѣсколько сотъ душъ. Когда уже и слѣдъ воровъ простылъ, деревня сознала, что ее обокрали. Поѣхала погоня, но уже было поздно. Другія дѣла возникали, когда вотякъ, съ досады на сосѣда,

распарывалъ себѣ брюхо, у него на дворѣ. Такое дѣйствіе называется тащить сухую бѣду и встрѣчается донинѣ.

Живутъ вотяки деревнями, дворовъ въ 15 или 30. Вотяцкую деревню можно съ перваго взгляда отличить по чрезвычайно безтолковому расположенію домовъ. Избы стоятъ въ такомъ безпорядкѣ, что одна изба упирается часто заднимъ угломъ въ переднюю стѣну сосѣдней избы, или-же одна стоитъ бокомъ къ задней стѣнѣ другой, а то такъ — двѣ сосѣднія избы смотрятъ лицомъ совсѣмъ въ противоположныя стороны и, обыкновенно, разными задворками и закоулками можно проѣхать всю вотяцкую деревню.

Каждый домъ раздѣляется на двѣ половины, съ сѣнями по срединѣ. Въ одной изъ половинъ они проводятъ зиму. Въ домахъ большею частію по одному окну со стеклами; другія, если есть, то волоковыя, т. е. закрывающіяся подвижною внутреннею ставнею, или же они затянуты пузырями. Въ теплой половинѣ избы устроены нары аршина два съ половиною въ поперечникѣ, и на нихъ лежатъ подушки, перины, войлокъ и прочая постельная и всегда грязная принадлежность. Кругомъ по стѣнамъ лавки. Въ одномъ изъ угловъ стоитъ столъ, на немъ лежитъ всегда хлѣбъ завернутый въ грязную скатерть и жбанъ съ ковшомъ. Каждый приходящій можетъ ѣсть и пить, сколько кому угодно. Зимой всѣ спятъ въ повалку на полу, при самой удушливой атмосферѣ, среди телятъ, козлятъ, птицъ и всякой твари. Грязь, нечистота, смрадъ поразительны, въ особенности если все это помѣщается, кромѣ того, въ курныхъ избахъ, но не въ бѣлыхъ, которыхъ весьма мало. Съ другой стороны сѣней находится подобная же комната, холодная половина, для храненія разнаго скарба. Дворъ обнесенъ заборомъ подъ названіемъ озборъ. Внутри него ставятся, по мѣрѣ необходимости, шалаши подъ названіемъ чумъ; число ихъ, по потребности семейства, увеличивается до тѣхъ поръ, пока есть мѣсто внутри, и потому такой дворъ, озборъ,

представляетъ одинаковый безпорядокъ расположенія построекъ, какъ и самая деревня.

Но все это не мѣшаетъ вотякамъ-односельчанамъ жить въ полнѣйшемъ согласіи между собою. Они тѣсно жмутся другъ къ другу, и общественность у нихъ сильно развита. Почти всякое, хотя-бы совсѣмъ пустяжное дѣло, но мало-мальски касающееся всей деревни, они любятъ обсудить сообща, вслѣдствіе чего «кенешъ» (т. е. сходки) бываютъ у нихъ постоянно: даже по поводу опредѣленія времени, когда приниматься за посѣвъ яроваго, или когда начинать косить траву, а то такъ просто — по случаю устройства какого-нибудь праздника и выбора мѣста, гдѣ должно происходить назначенное торжество.

Такое тѣсное общеніе между вотяками есть, безъ сомнѣнія, слѣдъ прежняго родового ихъ быта. И до сихъ поръ еще почти въ каждой вотяцкой деревнѣ всѣ сельчане находятся другъ съ другомъ въ родствѣ, хотя-бы и въ дальнемъ.

Эта-же замкнутость въ самихъ себѣ можетъ быть и служить причиною недовѣрчивости вотяковъ ко всякому постороннему лицу и ихъ скрытности. Вотяки никогда не выдадутъ своего односельчанина, хотя-бы совершенный имъ проступокъ касался совершенно частнаго лица. На всѣ допросы въ этомъ случаѣ всѣ вотяки будутъ въ одинъ голосъ отвѣчать: «наша ничаво нѣтъ», и больше не добьетесь отъ нихъ ничего. Болтливыхъ-же на этотъ счетъ людей они называютъ «кушъ-тонъ», т. е. бросовыми, негодными для жизни въ обществѣ. Впрочемъ, недовѣрчивость ихъ значительно смягчается мягкостью характера; иногда достаточно одного ласково сказаннаго словечка, въ родѣ на примѣръ: «уромушеа», чтобы расположить къ себѣ вотяка совершенно.

Любовь вотяковъ къ общенію между собою обнаруживается въ особенности въ ихъ семейномъ быту. У нихъ очень рѣдки примѣры раздѣловъ; у нихъ одна только тѣснота избы заставляетъ се-

мейство расходиться по разным избамъ, но никакъ не дѣлиться. Когда въ одной избѣ нѣтъ возможности жить всему семейству, тогда на одномъ-же дворѣ вотяки ставятъ другую избу, куда и уходитъ одна половина семьи; но все-таки у нея остается одинъ главный хозяинъ. Хозяиномъ этимъ бываетъ: или старшій членъ семейства, или тотъ изъ младшихъ членовъ, которому, по общему согласію всей семьи, ввѣряется главное управление домомъ. И пусть это будетъ племянникъ, внукъ, даже пріемышъ родоначальника — распоряженіямъ его подчиняются всѣ безпрекословно.

Такимъ образомъ, у вотяковъ вовсе не рѣдкость встрѣтить въ домѣ семью человѣкъ въ 20 или 30. За исключеніемъ стариковъ, дѣтей и женщинъ, семья такая выходитъ въ поле на работы въ числѣ 15 или 20 человѣкъ. Оттого они и не могутъ сказать, чтобы мало зарабатывали.

Вотяки весьма трудолюбивы, хотя при этомъ не могутъ похвастаться ни проворствомъ, ни особенною сообразительностью въ работѣ. Вотякъ медленно и, можетъ быть, подчасъ безтолково, но неутомимо и прилежно копошится на пашнѣ или вивѣ, — и при своей бережливости, доходящей до скупости, успѣваетъ обставить свое гумно огромными «кабанами», т. е. (скирдами хлѣба), изъ которыхъ многія лѣтъ по 10-ти и болѣе стоятъ совершенно непочатыми.

Кромѣ хлѣбопашества, вотяки питаютъ еще нѣкоторую страсть къ пчеловодству, а въ особенности къ охотѣ. Ружье, собака и трубка во рту — это обыкновенно неразлучные предметы, съ которыми можно встрѣтить подъ осень любого вотяка, въ лѣсу, гдѣ онъ бьетъ бѣлокъ, рябчиковъ, зайцевъ, тетеревей и проч. Сверхъ того, приготовленіе лыка, мочаль и рогожь занимаетъ также не малое количество вотяцкихъ рукъ.

Казалось-бы, при такомъ разнообразіи занятій и при большомъ трудолюбіи и бережливости вотяковъ, они могли-бы благоденство-

вать и жить въ довольствѣ. Однако этого далеко нѣтъ, что зависитъ отчасти отъ крайней неразвитости ихъ.

Прежде всего вотякъ изумительно неразборчивъ на пищу и охотно ѣстъ всякую мерзость, даже въ то время, когда есть возможность имѣть не только сносную, но и вкусную пищу. Обыкновенныя его кушанья: хлѣбъ неквашенный, невыпеченный, съ отвратительнымъ зольнымъ запахомъ; рѣдка, молоко квашенное, нечистое, нецѣженное; вепша, или конина и «сюкясь» — водянистый и до крайности соленый квасъ.

При этомъ, все, что вотяки носятъ на себѣ, все, что они имѣютъ: жилище, сани, телѣги, упряжь, — все это собственнаго издѣлья и все образцово-грубо. Въмѣсто желѣзныхъ гвоздей, они употребляютъ деревянные; замки, ключи, даже петли у дверей — все почти деревянное.

Обыкновенно многочисленная вотяцкая семья спитъ зимою вповалку: на полу, на ярахъ, на лавкахъ и на палаткахъ. На полу-же лежатъ съ ними телята, ягнята, козлята, а подъ лавками, за деревянною рѣшеткою, живутъ куры, гуся, утки. Воздухъ въ избѣ, занятой семьею, — нестерпимъ, вѣроятно отъ нечистоты и зайчины, почти постоянно валяющейся передъ печкою, около которой расхаживаютъ ихъ любимыя животныя — собаки. Въ избѣ всегда бываетъ неприбрано и до-нельзя неопрятно. Гдѣ-нибудь на полу стоитъ незакрытая крышка козьяго молока, на поверхности котораго плаваютъ четвероногіе прусаки; сюда-же подходитъ кошка или собака и, наловившись до-сыта, преспокойно уходитъ подъ лавку, а вотяку до этого и горя мало: то-же молоко онъ ѣстъ самъ и даетъ своимъ дѣтямъ.

Лѣтомъ вотяки въ избахъ не живутъ, а выходятъ въ свои чумы т. е. просто въ холодныя строенія, поставленныя на дворѣ прямо на землю и безъ моху. Посреди этого чума всегда есть мѣсто для огня, надъ которымъ вотяки, когда готовятъ свой обѣдъ или

ужинъ, вѣшаютъ котель. Для дыма сдѣлано отверстіе въ крышѣ. Прочая обстановка въ чумѣ та же, что и въ избѣ: столъ, лавки и полки; недостаетъ только печки да палатей. Чумъ развѣ еще немного поменьше избы. Спать вотяки лѣтомъ тоже въ особыхъ строеніяхъ: въ клѣткахъ или амбарахъ.

Крайняя неопрятность вотяковъ служитъ причиною развитія между ними многихъ болѣзней, въ особенности глазныхъ. Если эта неопрятность не влечетъ за собою всѣхъ гибельныхъ послѣдствій для вотяковъ, то развѣ потому лишь, что вотяки питаютъ особенную страсть къ банямъ. Какъ въ зимнее, такъ и въ лѣтнее время они парятся въ баняхъ по крайней-мѣрѣ по два раза въ недѣлю, что дѣлаютъ, разумѣется, далеко не изъ желанія подражать нѣмецкой чистоплотности, а просто изъ любви къ тому пріятному физическому ощущенію, какое доставляетъ имъ процессъ паренья. Но, не смотря на такое частое посѣщеніе бани вотяками, они при этомъ никогда не мѣняютъ бѣлья. Женщины, изъ любви къ своимъ дѣтямъ, стараются, конечно, доставить и имъ это удовольствіе; онѣ имѣютъ привычку парить даже своихъ грудныхъ дѣтей, въ особенности свѣжими вѣниками. Вѣники поэтому имѣютъ въ быту вотяковъ довольно важное значеніе; они заготавливаютъ ихъ помногу, и до тѣхъ поръ, пока не кончатъ вязать, не выѣзжаютъ даже носить. Окончивъ вязку вѣниковъ, вотяки, обыкновенно, день или два пируютъ.

Любовь вотяковъ къ удовольствіямъ выражается въ особенности въ какой-то непонятной привязанности ихъ къ «кумышкѣ». Кумышка—это та же водка, только очень слабая, и притомъ собственнаго вотяцкаго издѣлія, съ сильнымъ запахомъ дыма и сивушнаго масла и вдобавокъ прескверная на вкусъ. Курятъ кумышку чрезъ мѣдныя трубы, по неопрятности вотяковъ, сплошь да рядомъ открытыя зеленью и грязью, отчего знаменитая кумышка, помимо своего отвратительнаго вкуса, становится еще вредною для здоровья.

Но не это мѣшаетъ вотякамъ пить кумышку съ наслажденіемъ. Пьютъ ее не только мужчины, но и женщины вотяцкія и даже дѣти. Родители охотно даютъ кумышку даже груднымъ своимъ дѣтямъ.

Вообще кумышка играла не маловажную роль, какъ въ частномъ быту вотяковъ, такъ и въ судьбѣ всего ихъ племени. Курятъ ее, по обычаю, въ каждомъ вотяцкомъ семействѣ, и исключительно однѣ лишь женщины и дѣвушки, такъ какъ для самаго вотяка занятіе это слишкомъ хлопотливое. Куреніе кумышки и по закону разрѣшалось вотякамъ, но лишь до известной степени крѣпости, до 60°, въ видѣ легкаго пива. Но, желая часто приготовить кумышку покрѣпче, въ особенности къ какому нибудь большому празднику, вотяки обыкновенно удалялись для того въ глухія мѣста вятскихъ лѣсовъ, чтобы скрыть недозволенное куреніе отъ преслѣдованія корчемныхъ сыщиковъ. И тутъ-то для вотяковъ начинается цѣлая эпопея приключеній изъ-за кумышки. Обыкновенно, робкій и до скупости бережливый, вотякъ становился тутъ отчаянно храбрымъ, неповорнымъ и вдобавокъ расточительнымъ до безразсудства. Изъ за кумышки онъ ополчался всею деревнею, чтобы отнять у корчемныхъ сыщиковъ найденную у него завѣтную флягу; готовъ открыто напасть на своего заклятаго врага — корчемнаго сыщика и до смерти избить его; готовъ свою голову положить въ этой борьбѣ. Изъ за нея же онъ разорялся, платя штрафы за противузаконную выкурку. Подвергается наказанію, попадаетъ въ тюрьму, лишается потомъ навсегда права курить кумышку; но все-таки выкуриваетъ ее снова и снова разоряется...

И все это претерпѣвается изъ за кумышки, о которой сами же вотяки говорятъ: «чортъ ево знаетъ, уваритца што-ли она такой—и немного пьешь ево, а се бидто сердца давить»!...

И дѣйствительно, послѣ праздниковъ вотяки часто приглашаютъ священниковъ на исповѣдь къ больнымъ отъ похмѣлья.

Но, не смотря ни на что, вотякъ такъ привязанъ къ своей род-

ной кумышкѣ, что готовъ пить ее постоянно, и, кажется, будто она ему дороже всего въ жизни. Недаромъ вотяцкое племя, вообще весьма бѣдное преданіями, относительно кумышки имѣетъ ихъ все-таки нѣсколько. Такъ одно преданіе гласитъ, что у нѣкоей царицы корабль потонулъ и повелѣла она всѣмъ народамъ молиться о спасенія его; стали и вотяки молиться по своимъ обрядамъ и, къ счастью, тутъ же догадались плеснуть на огонь чудодѣйственную кумышку,—и вотъ, по мѣрѣ того, какъ паръ отъ нея поднимался къ верху, началъ подниматься и корабль изъ воды.... Тогда-то царица и издала указъ о дозволеніи вотякамъ курить кумышку.

Особенное уваженіе ихъ къ кумышкѣ проглядываетъ также и въ тѣхъ многочисленныхъ обрядахъ, которые свято соблюдаются вотяками при угощеніи кумышкою своихъ гостей. Вотьякъ или вотячка наливаетъ всѣмъ гостямъ по маленькой чашечкѣ кумышки, и, униженно кланаясь передъ каждымъ гостемъ, подноситъ ему эту чашечку,—и какъ только разъ прихлебнетъ изъ нея гость, прихлебнетъ разъ изъ той же чашечки и хозяинъ, постоянно при этомъ приговаривая: «ю-ю-ю!» между тѣмъ, какъ гость, отдавая обратно чашечку послѣ каждаго глотка, говоритъ: «ме-ме-ме»!... Эта церемонія повторяется предъ каждымъ гостемъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ выпита вся кумышка, послѣ чего идутъ въ сосѣднюю избу, для продолженія того же. Сколько такимъ образомъ подчиваніе кумышкой займетъ времени у вотяка,—можно сообразить уже по тому, что въ большой праздникъ въ избѣ у него въ одинъ день перебываетъ до 200 человекъ...

Иногда церемонія угощенія усложняется еще, такъ сказать, побочными обрядами: угощая кадаго нибудь гостя кумышкою и желая при этомъ выказать передъ нимъ свое особенное расположеніе, хозяинъ дома объявляетъ, что его жена и сноха хотятъ, по ихъ вотяцкому обыкновенію, сдѣлать ему подарки. Послѣ этого сажаютъ гостя за столъ, и каждая изъ женщинъ, по старшинству ихъ въ

семьѣ, подходитъ къ нему поочереди, подноситъ кумышку и, прихлебнувъ немного изъ чашечки отвратительнаго напитка, говоритъ: «слабось» (т. е. на здоровье, пей до дна)! Гость пьетъ и возвращаетъ чашечку женщинѣ, а та вѣшаетъ ему на шею своей работы полотенце, обыкновенно вышитое по концамъ красною бумагою и желтымъ шелкомъ.

Обряды и религіозныя вѣрованія.

Случаевъ попить кумышки и вообще разныхъ праздниковъ у вотяковъ очень много. Кромѣ всѣхъ христіанскихъ праздниковъ, они справляютъ еще русскія національныя гульбища и вдобавокъ отдають должную дань и своимъ собственнымъ вотяцкимъ праздникамъ, сохранившимся еще отъ временъ ихъ идолопоклонства. Такъ послѣ масляницы, когда кончатъ пировать мужчины, наступаетъ день вотяцкаго бабьяго праздника. Въ этотъ день бабы ходятъ изъ дома въ домъ съ пѣснями, и въ каждомъ домѣ пьютъ кумышку. При этомъ, ради забавы, выбираютъ изъ мужчинъ бабьяго голову, который обязанъ смотрѣть за цѣлостью рядовъ пирующихъ женщинъ, въ противномъ случаѣ отвѣчаетъ своею спиною, подставляемой подъ удары лутошками.—Послѣ Пасхи, вотяки празднуютъ день выгона шайтана. Мужчины съ утра садятся верхами на лошадей и съ дубинами въ рукахъ выгоняютъ шайтана, съ громкими криками, изъ своей деревни, послѣ чего празднуютъ свою побѣду распиваніемъ кумышки.—Почти вслѣдъ за выгономъ шайтана, наступаетъ «праздникъ вотяцкихъ оваяшевъ». Обыкновенно, день этотъ опредѣляется на сходѣ, съ общаго согласія, и долженъ предшествовать посѣву яроваго. Въ этотъ день всѣ мужчины выѣзжаютъ въ поле съ сохами, проходятъ съ ними по пашнѣ раза два или три, и тотчасъ же возвращаются домой и угощаются неизбѣжною кумышкою.

У вотяковъ вообще много такихъ праздниковъ и торжествъ, которые носятъ на себѣ явные слѣды язычества. Но понять смыслъ и значеніе ихъ теперь трудно, такъ какъ вотяки чрезвычайно скрытны въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, а, можетъ быть, и для нихъ самихъ давно уже утратился первоначальный смыслъ вотяцкихъ обрядовъ, такъ что хотя многіе вотяки продолжаютъ и въ настоящее время придерживаться своей языческой религіи, но узнать отъ нихъ болѣе или менѣе существенныя подробности объ ихъ религіи — до сихъ поръ еще никому не удавалось. Вотякъ ни молитвы своей не скажетъ никому, ни обряда не объяснитъ. Извѣстно только, что они признаютъ «Инмара» — бога неба, олицетворяющаго доброе начало, и «Кереметь» — брата Инмара, исконнаго врага людей, олицетворяющаго зло, и наконецъ признаютъ «Шайтана» — злаго духа, живущаго въ водѣ.

Инмару вотяки совершаютъ моленія и приносятъ жертвы, обыкновенно у себя дома, въ лѣтнихъ чумахъ («куало»), которые держатъ поэтому въ болѣе опрятномъ видѣ чѣмъ жилища избы, и даже неохотно пускаютъ туда постороннихъ лицъ.

Доброе начало у вотяковъ называется Инмаръ, которое живетъ на солнцѣ, вмѣстѣ съ своею матерью Мумукольциною. Злое начало Шайтанъ, или Вуморть (водяной человѣкъ) живетъ на днѣ воды. Первый человѣкъ, по понятіямъ вотяковъ, сотворенъ изъ красной глины и потому у нихъ повѣріе, что покойника непременно слѣдуетъ хоронить въ красной глинѣ, а за неимѣніемъ ея они считаютъ обязанностію ее отыскать и привести хотя бы малое количество. Кереметь у нихъ — также младшій братъ Инмара, который не столько причиняетъ зло, сколько мучитъ человѣка. По ихъ понятіямъ, Уромъ, первый человѣкъ, другъ бога, по сотвореніи былъ очень скученъ, не смотря на то, что постоянно пилъ кумышку, о чемъ ежедневно доносилъ Кереметь Инмару. Послѣдній не повѣрилъ и разсердился на Кереметь, и съ этихъ поръ началась ихъ вражда, которая обна-

руживается въ Кереметѣ всегда тѣмъ, что онъ постоянно сбѣтается надъ Инмаромъ. Такимъ образомъ, когда Инмаръ узналъ причину грусти Урома, что нѣтъ у него жены, то тотчасъ же сотворилъ ее, но Кереметь испортилъ женщину, сдѣлавъ ее любопытною и прозорливою. Это послѣднее свойство женщины поставило ее въ глазахъ семьи очень высоко, и ни одно важное дѣло не рѣшается безъ ея приговора.

Изгнаніе изъ рая и самую смерть вотяки приписываютъ также Кереметю слѣдующимъ образомъ: Инмаръ не приказалъ Урому и его женѣ открывать нарочно поставленную чашку съ кумышкой, но они не послушали его и выпили кумышку, которая была осквернена Кереметемъ. Съ тѣхъ поръ Урома изгнали изъ рая, и люди начали умирать.

Охраненіе людей, сотворенныхъ во второй разъ, было довѣрено черному псу, что похоже на черемисское повѣрье. Съ этихъ поръ собака составляетъ непремѣнную принадлежность вотяцкаго двора, для его охраненія и спокойствія. Также они полагаютъ, что послѣ этого у нихъ уже нѣтъ грѣховъ, а если и бываютъ, то Инмаръ по добротѣ своей не обращаетъ на это вниманіе. Впрочемъ среди такой неприхотливой жизни, вѣчныхъ трудовъ и занятій, и черезъ чуръ ограниченныхъ желаній, вотяки на столько же грѣшны, какъ каждая безсознательно дѣйствующая тварь, и это подходитъ къ ихъ понятіямъ о безгрѣшности.

Но главные заботы вотяковъ обращены преимущественно на умиловленіе злаго «Кереметь», почитаемаго ими виновникомъ всякихъ бѣдствій, какія только могутъ постигнуть вотяка, или все вотяцкое племя. Моленія Кереметю бываютъ у нихъ общественныя и частныя, и состоятъ главнымъ образомъ изъ приношенія въ жертву разныхъ животныхъ. Время этого моленія и самый родъ жертвы, обыкновенно, произвольно опредѣляетъ вотяцкій знахарь или предсказатель — «Туно».

Мѣстомъ же моленія Кереметю у вотяковъ бываютъ преимущественно рощи, въ особенности дубовыя, такъ какъ, по убѣжденію ихъ, Кереметь любитъ повѣшиться подъ сѣнью вѣтвистаго дуба. Съ этою цѣлью вотяки часто оставляютъ на своихъ поляхъ небольшія группы деревьевъ, которыя и слывуть подъ именемъ — «кереметей».

Жертвы Кереметю иногда бываютъ разорительны для вотяковъ, такъ какъ вотяцкіе «туно» не всегда умѣренно пользуются своимъ правомъ объявлять о гнѣвѣ Керемета и о необходимости умиловленія его. Къ счастью вотяковъ, у нихъ считается позволительнымъ неперемониться особенно съ коварнымъ Кереметемъ и, по возможности, обманывать его. Такъ, иной разъ «туно» назначить вотяку принести въ жертву барана, а вотякъ тащитъ поросенка, и чтобы Кереметь, по визгу этого крикливаго животнаго, не догадался о совершаемомъ обманѣ, вотякъ еще дома прирѣзываетъ визгуна.

Въ загробную жизнь вотяки вѣрятъ также по своему. По ихъ понятіямъ, человекъ по смерти продолжаетъ не только жить, но и ѣсть и работать. Поэтому они считаютъ своею священной обязанностью почаще класть на могилу своихъ родственниковъ разныхъ яствъ и напитковъ, какъ-то: хлѣба, конины, рябчиковъ, векши, сукьясы, трубку съ табакомъ, а въ особенности — кумышку. Кладутъ на могилу и тѣ инструменты, которыми покойникъ работалъ при жизни: кочедыкъ для плетенія лаптей, топоръ, каковой нибудь силокъ для ловли еуропатокъ, и т. п. Помины совершаются исключительно вслѣдствіе сновидѣнныя. Для поминовъ готовятъ кумышку и блины. Послѣ молитвы, въ которой просятъ объ успокоеніи умершаго, старшій въ семействѣ беретъ блины, обмакиваетъ въ кумышку и подаетъ собагѣ. Если она ихъ съѣстъ, то значитъ покойнику хорошо; въ противномъ случаѣ жизнь его на томъ свѣтѣ тяжела.

Къ особенностямъ ихъ обычаевъ слѣдуетъ отнести тотъ, который установился при прощаніяхъ. Увѣжающій или уходящій въ сол-

даты, простившись со всѣми, вколачиваетъ въ знакъ памяти, по четыремъ угламъ стола, четыре мѣдныя монеты, въ воспоминаніе о себѣ, во время трапезы домашнихъ. Присяги совершались еще очень недавно особымъ способомъ. Нарѣзывали кусочки хлѣба, посыпали солью и подавали ихъ остриемъ ножа черезъ лукошко присягавшему, который въ это время стоялъ на колѣняхъ. Показанія подъ такою присягою всегда были вѣрны и обстоятельны. При переправѣ вотяка черезъ рѣку, онъ непременно бросаетъ горсть травы шайтану, приговаривая: «не держи меня».

У вотяковъ, какъ и у другихъ подобныхъ имъ народовъ, есть свои жрецы, которые играютъ весьма важную роль. За нѣсколько дней до моленія собирается сходка, чтобы рѣшить — какое животное принести въ жертву. Вопросъ этотъ разрѣшается всегда жрецомъ, который уходитъ въ лѣсъ узнать желаніе Иймара или Керемета. Возвратившись оттуда, сходка узнаетъ волю своего бога отъ жреца. Назначенное для жертвоприношенія животное, извѣстной шерсти, возможно купить исключительно у жреца, который такимъ образомъ, кромѣ подаенія и платы за службу, получаетъ еще большое вознагражденіе за покупаемое у него животное безъ всякаго торга и уступки.

Весьма интересны ихъ молитвы, при разныхъ случаяхъ, такъ напр. *предъ посьвомъ хмѣба*: «Господи, благослови и утверди корень, чтобы отъ одного зерна было семьдесятъ семь колосьевъ; чтобы на семь составовъ они дѣлились; чтобы солома была толста, какъ кумышь. Дай Господи, чтобы зерно уродилось столько же велико, какъ куриное яйцо».

При выходѣ на стѣнокъ: «Дай Господи, чтобы трава, когда я три раза ударю косою, собиралась пластами; чтобы между копнами были копны и между зародами стояли бы зароды». Вотяки начинаютъ эту работу очень поздно и потому ихъ трава, какъ у чувашей, жестка и не вкусна.

ЭТЫ ИЛИ ЭТОНЦЫ.

При выходѣ на жатву: «Дай Господи, чтобы между снопами стояли снопы; между суслонами стояли суслоны».

Предъ кладкою хлеба: «Дай Господи, чтобы кладуха была также велика, какъ велико небо».

Когда приносятъ въ жертву быка: «Господи, отпущенный въ поле скотъ, да будетъ въ большой прибыли, мы отдаемъ его тебѣ въ жертву съ золотою шерстью».

На случай зѣроловства: «Когда нападетъ снѣгъ, дай, Господи, хорошей погоды. Помоги въ лѣсъ зайти и обратно выйти. Чтобы звѣрь показался лицомъ и шерстью. Ежели пойдѣмъ на рѣку, то пусть въ рѣкѣ будетъ рыба. Пусть попадаются бобры и ловятся выдры. Когда случится идти мимо берлоги, то увидѣть бы медвѣдя, а при первомъ выстрѣлѣ изъ ружья, тепла бы изъ него кровь и былъ бы шерсти хорошъ. По возвращеніи домой, дай Господи похвалиться удачею; съ покупателями также дай счастья быть знакомымъ и торговаться. Великому Государю, пособи Господи, подать заплатить».

Крещеные вотяки очень оригинальны по исполненію церковныхъ обрядовъ. Такъ, они постоянно переставляютъ свѣчи отъ одного образа къ другому и не дозволяютъ вынимать огарки, а уносятъ ихъ съ собою для другаго раза.

Во время праздниковъ, вотяки, возвращаясь изъ церкви или съ моленья, ѣдятъ семейю и потомъ отправляются въ гости, отъ одного сосѣда къ другому, въ полупьяномъ видѣ, вовсе забывая свой домъ, который остается безъ присмотра иногда цѣлую недѣлю.

При семейной ѣдѣ, въ праздникъ соблюдаются также нѣкоторые обряды. На столѣ стоитъ каравай хлѣба, пиво и кумышка. Хозяинъ садится на завѣтный стулъ, единственный въ домѣ, изготовленный имъ для себя до бракосочетанія. Затѣмъ онъ отрѣзываетъ верхушку каравая себѣ, а всѣмъ остальнымъ изъ семьи по тоненькому кружечку. Также отливаетъ въ каждую деревянную чашку кумышку. По-

слѣ того хозяинъ беретъ любимаго члена семейства подъ руку и съ хлѣбомъ и съ чашкою выходитъ изъ избы помолиться Инмару. По возвращеніи его назадъ, онъ снова садится, и тогда всѣ имѣютъ право ѣсть и пить. Угощая друзей, послѣдніе пьютъ не раньше какъ послѣ того, какъ хозяинъ нѣсколько отопьетъ. Тоже затѣмъ дѣлаетъ гость, и такъ помаленьку, какъ бы пробуя вкусъ, допивается чашка съ той и съ другой стороны до конца и снова наполняется. Тоже повторяетъ хозяинъ со всякимъ гостемъ, и потому подъ конецъ угощенія не слѣдуетъ удивляться его безобразію и безпамятству.

Не смотря, однакоже на всю простоту и неразвитость религіи вотяковъ, нравы ихъ все-таки отличались всегда большою строгостію. Честность и трудолюбіе, на примѣръ, всегда были присущими имъ качествами.

Нельзя только сказать того же развѣ о нравахъ вотяцкихъ дѣвушекъ, которымъ до замужства ихъ предоставлена полная свобода, и которыя большую часть своего времени проводятъ въ играхъ и забавахъ съ вотяцкой молодежью. Такъ, время бѣленія холстовъ, для вотяцкихъ парней и дѣвушекъ есть время забавъ и игрищъ, потому-то бѣленіемъ холстовъ и занимаются преимущественно незамужнія вотячки. Онѣ выбираютъ для этого болѣе обширный лужокъ, около рѣчки или ручья, и сходятся сюда со всей почти деревни. Днемъ на лужкѣ бываетъ тихо: тогда можно увидеть тутъ 5 или 6 дѣвушекъ, лѣниво намачивающихъ или разстилающихъ по травѣ холсты, между тѣмъ какъ прочія дѣвушки спятъ, потому что вся ночь прошла у нихъ въ играхъ и забавахъ. Съ закатомъ солнца лужокъ начинаетъ оживляться: сюда приходятъ парни, дѣвушки начинаютъ пѣть пѣсни и играть въ хороводы, а иногда и въ горѣлки. Здѣсь можно увидѣть ту свободу нравовъ, какой нельзя встрѣтить нигдѣ. Только предъ восходомъ солнца парни расходятся по домамъ, а дѣвушки ложатся спать. И такъ, пока бѣлятся у нихъ холсты, онѣ постоянно ночуютъ на лужкѣ. Осенью, по окончаніи

уже всѣхъ полевыхъ работъ, вотяцкія дѣвушки принимаются прясть и сходятся для этого въ бани. Въ каждую баню набивается по столбу парней и дѣвушекъ, сколько ихъ можетъ помѣститься безъ тѣсноты. Сходбища эти бываютъ вечеромъ. Сначала дѣвушки прядутъ и поютъ пѣсни, а парни или играютъ на гармоніи, или валяются на полѣхъ. Когда же наступаетъ пора расходиться, одинъ изъ парней неожиданно гаситъ горящую лучину между рукавицами и вся компанія расходится по парно.

Замужнія же вотячки, напротивъ, отличаются большою строгостью нравовъ. На нихъ и у мужчинъ вотяковъ совсѣмъ иной взглядъ, чѣмъ на незамужнихъ. — Вотякъ самъ охотѣе женить сына на той дѣвушкѣ, у которой уже есть дѣти, въ особенности мальчики, и всякій мужъ любитъ этихъ дѣтей, какъ своихъ собственныхъ. Вотяки философствуютъ объ этомъ по своему: «что, говорятъ они, жонитца на такой дѣвкѣ, у куторова ребято нѣтъ; мы беремъ жону не для забавки, а семья штобы больше была. Безъ семья худо бываетъ житья».

Вотяки часто принимаютъ къ себѣ въ дѣти даже совсѣмъ постороннихъ мальчиковъ, чьихъ нибудь сиротъ и заботятся о нихъ не меньше, чѣмъ о своихъ кровныхъ. «Ево опшо больше надо жалѣть», говоритъ вотякъ о приемшѣ, — матери нѣтъ, «такъ кто ево пожалѣеть?»

Въ жевы себѣ вотяки рѣдко берутъ изъ одной съ собою деревни, а по большой части верстъ за 10 и даже болѣе. Почему у нихъ такъ дѣлается, они и сами не знаютъ, а говорятъ только, что старики ихъ такъ дѣлали.

Невѣсту сватаетъ, обыкновенно, кто нибудь изъ родныхъ жениха — отецъ или дядя. Случается, что женихъ до самой свадьбы не знаетъ, какая будетъ у него жена.

Какъ свадьба, такъ и самый бракъ вотяковъ, имѣютъ свой особый отгѣнокъ и достойны полнѣйшаго вниманія по характеристич-

ности взгляда вотяковъ на этотъ предметъ. Выдавая за мужъ дочь, либо вводя въ домъ невѣстку, та и другая причиняютъ вотяку и горе, и радость. На приданое дочери и на угощеніе нужны расходы, въ наименьшемъ размѣрѣ до 20 р. с. Если сынъ женится, то это стоитъ еще дороже, такъ какъ калымъ доходитъ до 60 р. с. Тутъ однако же та выгода, что въ семью вступаетъ лишняя работница, чему нельзя не радоваться вотяку; но скудные средства не всегда позволяютъ копить столько, сколько потребно для совершенія брака. Кромѣ того, вотяки слишкомъ дорожатъ исключительно такими женщинами, которыя способны къ дѣторожденію, мало уважая бездѣтныхъ. Такъ какъ они такую способность почитаютъ за главную въ женѣ, то не рѣдко живутъ съ дѣвками до брака и женятся лишь тогда, когда она дѣлается беременною. Разумѣется, что этому препятствуютъ какъ духовныя, такъ и полицейскія власти, но вотяки того убѣжденія, что гораздо было бы выгоднѣе лучше и проще, украсть жеву безъ калыма и жить съ нею безъ всякаго брака. Способная къ дѣторожденію женщина почитается у вотяковъ одинаково какъ у чувашъ. Она имѣетъ голосъ, помогаетъ мужу во всѣхъ работахъ, смотритъ за скотиною и воспитываетъ дѣтей. На послѣднее обстоятельство мужа обращаютъ особенное вниманіе, обвиняя во всемъ мать, если дѣти къ работѣ лѣнны. Уже съ пяти лѣтъ ихъ заставляютъ помогать отцу. Бывали случаи, что вотяки бросали своихъ женъ изъ за лѣности дѣтей. Такое практическое направленіе вотяка ясно обрисовываетъ все, къ чему онъ стремится, чего онъ желаетъ, что думаетъ и какъ смотритъ вообще на человѣка и свое семейство.

Свадьба совершается похищеніемъ или сговоромъ. Въ первомъ случаѣ женихъ, сговорившись заранѣе съ невѣстою, назначаетъ день-часъ и мѣсто. Въ этотъ день, угостивъ всю свою родню до пьяна кумышкою, онъ въ сопровожденіи всѣхъ наличныхъ мужчинъ отправляется верхомъ за невѣстою. Пріѣхавъ, сажаетъ ее, какъ у чувашъ,

верхомъ и ведетъ подъ поводья къ себѣ домой. Невѣста во время дороги весела и спокойна, но, подъѣзжая къ дому своего будущаго мужа, начинаетъ плакать, выть, просить отпустить ее, обращаясь то къ жениху, то къ поѣзжанамъ. Войдя въ избу, повторяется то же самое: она кидается во все стороны, умоляетъ защитить ее, пока, утомившись нѣсколько и угостившись кумышкой, ее не запрутъ въ амбаръ или чумъ. Родители ея, узнавъ о похищеніи, верхами приѣзжаютъ въ деревню, вламываются съ шумомъ и съ полѣйшимъ неудовольствіемъ въ избу, причемъ начинается общій переполохъ, кончающійся тѣмъ, что родня невѣсты узнаетъ, гдѣ она сидитъ. Тогда отецъ ея подходитъ къ двери чума и спрашиваетъ, желаетъ ли она остаться тутъ и хорошо ли ей жить. Невѣста отвѣчаетъ, хотя и не совсемъ хорошо, но для милаго она готова остаться. Тогда начинается мировая, угощеніе кумышкой, сговоръ о калымѣ и приданомъ.

Если сватовство дѣлается не насильственно, то свать ѣдетъ къ отцу невѣсты и уже возвращается не раньше, какъ сосватавъ невѣсту. Когда все уговоры кончены, то невѣста подаетъ кумышку и двѣ чашки, которыя выпиваются отцомъ и сватомъ до половины. Потомъ обѣ оставшіяся половины кумышки въ чашкахъ сливаются въ одну и все подносится невѣстѣ, которая въ знакъ согласія выпиваетъ ее залпомъ. Сосватавъ, женихъ ѣздитъ каждый день къ невѣстѣ и привозитъ ей подарки въ родѣ полотенца, рубашки, краснаго платка.

Свадьбы бываютъ въ свободное отъ занятій время, большею частью за недѣлю до масляницы, одна за другою. Въ этотъ день собираются все поѣзжане въ домъ жениха, разукрасивъ своихъ лошадей лентами, привѣсивъ бубенчики и шаркуну. Чтобы лошади во время свадьбы не дремали, что почитается за дурной знакъ, ихъ въ этотъ день не кормятъ. Верхами, въ кибиткахъ и въ другихъ повозкахъ, отправляются все къ невѣстѣ. Но при этомъ вся послѣдующая церемонія только въ такомъ случаѣ бываетъ при жени-

хѣ, если невѣста не украдена, иначе ее привозятъ къ жениху, въ сопровожденіи свахи и дружки. Подъѣзжая ко двору невѣсты, дружка спрашиваетъ дома ли она, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, отвѣзжаетъ со всеми обратно. Не доѣзжая до деревни жениха, поворачиваютъ назадъ въ предположеніи, что невѣста гдѣ нибудь спряталась. Въѣхавъ на дворъ невѣсты, все начинаютъ ее искать и наконецъ выводятъ посреди двора, гдѣ начинается нескончаемый плачь и вой. Тогда подходитъ къ ней женихъ, даритъ чѣмъ нибудь, либо общаетъ купить на передникъ, головной уборъ и т. п. Но невѣста не успокоивается и на все доводы отвѣчаетъ однимъ плачемъ. Потомъ она начинаетъ прощаться со всякою вещью, со всякимъ предметомъ, который увидитъ или вспомнитъ, благодаритъ отповскихъ лошадей за хорошую ѣзду, корову за молоко и т. д. Если это прощанье и завыванье продолжается слишкомъ долго, то женихъ вмѣстѣ съ дружкой кладутъ невѣсту лицомъ къ землѣ покрываютъ ее подушкою и стягаютъ по ней возжами, что и укрощаетъ эту печально-смѣшную сцену. Послѣ того она входитъ въ избу, женихъ наливаетъ въ чашку кумышку и подаетъ ей, вмѣстѣ съ подарками, которые принимаетъ невѣста на колѣняхъ. За тѣмъ запрягается тройка, и женихъ съ невѣстою въ сопровожденіи поѣзжанъ, объѣзжаютъ всю деревню. На другой день, а большею частью вечеромъ, бываетъ свадьба. Передъ отправленіемъ въ церковь, либо въ деревню жениха, у дѣвиць вотячекъ обыкновеніе дарить невѣсту разными предметами. Иногда послѣ этого слѣдуетъ вколачиваніе монетъ по четыремъ угламъ стола. У крещенныхъ благословеніе родителей сопровождается иконою, а у некрещенныхъ мать кладетъ руки на голову и воетъ надъ дочерью нестерпимо долго. Потомъ дочь садится на лавку, поплачетъ, поклонится всемъ, выходя изъ избы садится на порогъ, также плачетъ, тоже повторяется на крыльцѣ, послѣ чего, снова переѣловавъ всехъ и простившись со всеми, усаживается на повозку и ѣдетъ къ жениху.

По приѣздѣ въ домъ жениха начинается пиръ, состоящій въ угощеніи: главнымъ образомъ пивомъ и кумышью и въ сопровожденіи доморо. енной музыки: гармоніи, балалайки и пузыря. Въ это время поютъ разныя несладныя пѣсни въ родѣ слѣдующей:

Мы взяли красную манишку,
А сами оставили черную.
Мы отдали со шляпу,
А взяли въ цѣлый сундукъ.
Мы отдали съ сундукъ,
А взяли съ цѣлый амбаръ.
Мы приѣхали по рябчиковой дудочкѣ,
Мы прибыли по тропинкѣ векшей.
Мы прибыли сюда по такованью глухаря,
Мы внизъ спустились на маленькой лодкѣ,
А къ верху поднялись на большой.
Войной пришли и взяли!
Цѣлыхъ десять недѣль ѣздили;
Ѣздили да свое взяли!
Весь городъ тамъ былъ,
Весь базаръ тамъ стоялъ,
А мы только семеро, пришли и взяли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ танцуютъ по своему, кружась, прищельивая и шума до буйства и драки.

На третій день молодые ѣздятъ къ родителямъ невесты, приносятъ имъ подарки въ видѣ холста или лаптей, если бѣдны, причемъ установлено обычаемъ, чтобы молодая была какъ можно развязнѣе и бойчѣе.

Послѣ замужества вотячки нѣсколько измѣняютъ и свой костюмъ.

Нынѣ вотяками перенято уже многое изъ русской культуры, и всего больше, кажется, изъ русской пѣсни. Національныхъ пѣсенъ они почти совсѣмъ не имѣютъ, а поютъ постоянно русскія, хотя, конечно, въ сильно исковерканномъ видѣ. Собственная же вотяцкая пѣсня состоитъ обыкновенно изъ однихъ только заунывныхъ и крайне однообразныхъ припѣвовъ, въ родѣ слѣдующаго: «ай—дай», «до—шу», «ай—ай» и т. п.

Такимъ образомъ, не смотря на то, что общественный и частный бытъ вотяковъ носитъ еще на себѣ слѣды самобытности, и какъ ни упорно держатся въ самомъ характерѣ ихъ нѣкоторыя своеобразныя черты,—но и на нихъ успѣло уже сильно отразиться вліяніе русской образованности, и отъ какихъ бы причинъ ни зависѣла нѣкоторая неподатливость вотяковъ къ сближенію съ господствующею народностью, во всякомъ случаѣ надалеко то время, когда и вотяцкое племя окончательно сольется съ великою русскою семьею.

ХІІІ. З Ы Р Я Н Е.

Природа страны, характеръ народа и его бытъ.

Обширный сѣверовосточный край Русской земли изстари населенъ былъ инородцами, извѣстными у русскихъ подъ именемъ — «Зырянъ», «Пермяковъ» и «Вотяковъ», — которыхъ ученые велячаютъ въ составъ многочисленныхъ финскихъ племенъ.

Въ семьѣ финскихъ народовъ зыряне вмѣстѣ съ вотяками и пермяками (последніе почти уже исчезнувшее теперь племя) составляютъ особую группу, извѣстную между учеными подъ названіемъ «Біармской» или «Пермской». Наши предки — славяне давали всѣмъ этимъ тремъ племенамъ также общее названіе «Пермь» или «Чудь заблудящая». Последній эпитетъ объясняется бродячимъ образомъ жизни, какой вели эти инородцы, скитаясь по лѣсамъ и занимаясь звѣроловнымъ и рыболовнымъ промыслами; сами же зыряне, вотяки и пермяки до сихъ поръ называютъ себя общимъ именемъ «коми».

Изъ всѣхъ трехъ пермскихъ народовъ, особенно выдающимся племенемъ всегда были зыряне, населяющіе сѣверовосточную часть Вологодской губерніи и смежныя съ нею части Архангельской и Вятской

губерній. Правда, племя это не многочисленно всего около — 90,000 душъ, но оно занимаетъ огромную страну, замѣчательную во всѣхъ отношеніяхъ. Край зырянскій холодеенъ и неприютенъ, но богатъ своеобразными произведеніями природы: лѣсомъ, дичью, пушнымъ звѣремъ и рыбою, и по своему географическому положенію находится на рубежѣ Европы и Азіи, между европейскими и сибирскими народами. Вслѣдствіе такого исключительнаго положенія, занятаго издавна зырянами, изъ нихъ и выработалось также во многихъ отношеніяхъ замѣчательное племя.

Слово «зыряне» русское. До сихъ поръ еще между чисто русскими обитателями Вологодской губерніи употребляется слово «зыря». Зырей тамъ называютъ человѣка, много чего нибудь выпивающаго; «все вызырилъ», говорятъ вологжане; мнѣ не оставилъ — экой зыря. Поэтому, надобно полагать, что слово «зыряне» произошло отъ укориженного прозвища, даннаго имъ русскимъ, все равно, какъ и теперь жителей Сольвычегодска сосѣди называютъ «ершедами», устюжанъ — «красноязычными», вологжанъ — «телятниками» и т. под. Очень можетъ быть даже, что названіе «зыряне» дано имъ вслѣдствіе особеннаго пристрастія ихъ къ своему любимому напитку: «суръ» (зырянское пиво).

Сами себя зыряне называютъ «коми-мортъ», когда говорятъ объ одномъ человѣкѣ, и «коми-войтыръ», когда рѣчь идетъ о цѣломъ зырянскомъ народѣ. «Коми-мортъ» значитъ по русски — «зырянинъ человѣкъ», а «коми-войтыръ» — «зырянскій народъ», населяющій сѣверную, полунощную страну.

Время появленія зырянъ на сѣверовостокѣ Россіи, равно какъ и первоначальная родина ихъ, до сихъ поръ остаются невыясненными. Извѣстно только, что назадъ тому около X вѣковъ племя это уже населяло обширныя прикамскія земли и отдаленный Печерскій край. Отважные нормандскіе мореходцы, часто посѣщавшіе берега Бѣлаго моря и сосѣднія съ нимъ страны, встрѣчались уже съ этимъ пле-

немъ, съ предками выѣшнихъ зырянъ, и даже заводили съ ними торговлю пушнымъ товаромъ. Страну, населяемую ими, норманы прозвали «Біарміей», что, по толкованію ученыхъ, значитъ по русски, «страна огненной бѣлки». Изъ слова «Біармія» образовалось впоследствии и русское слово «пермь».

За норманами появляются въ Біарміи смѣлыя новгородскіе промышленники, имѣвшіе такое огромное вліяніе на весь сѣверъ и сѣверовостокъ Россіи.

Во времена Нестора новгородцы — Улѣбъ и Гюряти Роговичъ заходили даже въ пермскую страну къ Уральскимъ горамъ, о которыхъ они рассказывали дома много разныхъ диковинокъ. Между прочимъ Гюряти Роговичъ утверждалъ, что горы эти такъ высоки, что своими каменными вершинами разрываютъ проходящія надъ ними облака, и что за этими горами живетъ странное племя «югра», которое имѣетъ «языкъ нѣмъ», и которое прорубило въ горахъ «малое оконце» и оттуда даетъ знакъ руками, прося желѣза и предлагая въ обмѣнъ пушныхъ звѣрей.

Рассказъ этотъ, записанный Несторомъ, отчасти намекаетъ уже на ту знаменательную роль, какую встарину призвано было играть на сѣверовостокѣ Россіи зырянское племя.

Изъ приведеннаго разсказа Гюряти Роговича само собою вытекаетъ, что прикамскіе и печерскіе обитатели вели дѣятельныя торговныя сношенія съ зауральскими дикарями, и что зыряне, какъ племя наиболѣе отличающееся до сихъ поръ торговою предприимчивостью, играло первенствующую роль въ этихъ сношеніяхъ съ сибиряками, и они-то вѣроятно прорубили то окно изъ Сибири въ Европу, о которомъ упоминаетъ лѣтописецъ. Значеніе этого факта намъ вполне будетъ понятно, если мы припомнимъ, что по слѣдамъ прикамскихъ обитателей новгородцы успѣли проникнуть въ Сибирь, а съ ними вмѣстѣ проникла въ эту глухую страну и русская образованность.

Занимая выгодное положеніе посредниковъ между богатою Сибирью

и предприимчивыми европейцами и поставленные среди своеобразныхъ богатствъ собственнаго края, зыряне тѣмъ самымъ и привлекли къ себѣ чуткихъ до торговыхъ интересовъ норманъ и новгородцевъ.

Разсчетъ заставилъ послѣднихъ перейти вскорѣ къ болѣе опредѣленнымъ видамъ на богатый зырянскій край. Въ продолженіи XII и XIII вѣковъ на Камѣ стали появляться одни за другими смѣлыя новгородскіе «ушгуйники», стремились уже подчинить себѣ въ политическомъ отношеніи прикамскихъ обитателей. Есть указанія на то, что зыряне въ числѣ прочихъ пермскихъ народовъ, долго оказывали упорное сопротивленіе домогательствамъ новгородцевъ; но въ концѣ концовъ должны были уступить, обязавшись передъ ними платою данни, состоявшей изъ пушнаго товара.

Съ переходомъ новгородскихъ земель къ Московскому княжеству, зырянскій край подпалъ окончательному вліянію Москвы и ея культурно-христіанскихъ стремленій. Въ 1376 году изъ Москвы прибылъ въ Печерскую страну св. Стефанъ, и началъ здѣсь проповѣдывать христіанство между зырянами, поклонявшимся въ то время каменнымъ и деревяннымъ идоламъ, между которыми главнымъ считался «Саръ-анъ» (золотая баба). Не смотря на упорное сопротивленіе зырянскихъ жрецовъ, св. Стефанъ въ продолженіе 30 лѣтъ успѣлъ навсегда утвердить между зырянами православную христіанскую вѣру и тѣмъ способствовалъ наибольшему сближенію съ русскими этого способнаго племени, полнѣе всѣхъ прочихъ пермскихъ народовъ воспринявшаго русскую образованность.

Но и до настоящаго времени бытъ и занятія зырянъ отличаются большою оригинальностью и продолжаютъ носить на себѣ еще слѣды нѣкоторой самобытности, что зависитъ, главнымъ образомъ, отъ вліянія той крайне-своеобразной природы, среди которой принуждено вращаться зырянское племя.

Обширная, равная пространству Португаліи и Даніи, площадь

зырянскаго края сплошь покрыта лѣсомъ, преимущественно хвойнымъ: по болотамъ — невысокимъ, тощимъ и рѣдкимъ, а по суходоламъ — густымъ и достигающимъ огромныхъ размѣровъ. По этому темнозеленому фону тянутся голубыя ленты неисчислимаго множества рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ, и только вое-гдѣ мелькають зырянскія деревеньки съ окружающими ихъ полями. Страшный холодъ — зимою и нестерпимый жаръ — лѣтомъ, болота и комары составляютъ главныя неудобства жизни въ этой неприютной странѣ, а въ обилии лѣсовъ, луговъ, дичи, пушныхъ звѣрей и рыбы заключаются главныя богатства зырянскаго края.

Занятія зырянъ и сосредоточены преимущественно на охотѣ и рыбной ловлѣ. Зырянинъ — охотникъ по природѣ. Въ охотѣ заключаются главныя средства къ его существованію и въ ней же его — поэзія. Даже зырянскія дѣти уже съ малыхъ лѣтъ приучаются къ употребленію ружья, и мальчикъ — зырянинъ не скажетъ отцу, когда тотъ обернется въ городъ, «купи гостинцу», а говоритъ «купи ружье». Получивъ этотъ подарокъ, онъ обѣгаетъ съ нимъ еще лѣтомъ все окрестныя лѣса. Взрослый же зырянинъ, подъ осень, беретъ съ собою винтовку, замѣчательно грубой работы, собаку крупной, некрасивой породы, «нарты», т. е. легкія длинныя санки и маленькій компасикъ «матку», становится на лыжи и надолго отправляется рысать по нескончаемымъ хвойнымъ лѣсамъ. Ходятъ зыряне на охоту, обыкновенно, небольшими партіями отъ 2 до 5 человекъ, иногда вереть за 500 отъ своей деревни... И нужно видѣть тѣ безчисленные хитро-прилаженные приборы, съ помощью которыхъ они добываютъ разныхъ бѣлокъ оленей, лисицъ, песцовъ, волковъ, медвѣдей, рябчиковъ, тетеревей, утокъ, куропатокъ, лебедей и проч., чтобы имѣть понятіе объ остроуміи и изобрѣтательности зырянъ!

Но нужно знать также о богатствѣ ихъ края пушными звѣрями, а въ особенности бѣлками и разною дичью, чтобы понять всю страсть зырянъ къ охотѣ.

Немудрено, что зыряне, съ колыбели окруженные подобною прудою, все свои заботы сосредоточиваютъ, главнымъ образомъ, на охотѣ, а также на рыбной ловлѣ. Земледѣліемъ же они мало занимаются, тѣмъ болѣе, что край ихъ далеко неблагоприятный въ этомъ отношеніи. Недаромъ у нихъ сложилась пословица: «Дышъ, да агзася» — «лѣнь, да бороню».

Ижемскіе, или печерскіе зыряне занимаются, кромѣ того, оленеводствомъ. Между ижемцами есть хозяева, которые имѣютъ стада оленей, въ 2 и 3 тысячи головъ. Но, хитрые и предприимчивые, ижемцы часто эксплуатируютъ при этомъ простодушіе печерскихъ самоѣдовъ, перекупая за безцѣнокъ ихъ безчисленныхъ оленей и закабаливая иногда ихъ самихъ въ пастухи къ собственнымъ стадамъ.

Впрочемъ, между зырянами далеко не все отличаются подобными склонностями. Отъ соприсосновенія съ русскими и ихъ культурою, многіе изъ зырянъ нѣсколько измѣнились не только по характеру, но и по наружности. Только обитатели такихъ глухихъ мѣстностей, какъ Печерскій и Удорскій край, болѣе или менѣе сохранили въ чистотѣ первоначальный зырянскій типъ. Въ наружности истаго зырянина — какагонибудь удорца или ижемца — проглядываютъ чисто-племенные черты: средній ростъ, черныя цвѣтъ жесткихъ и необыкновенно густыхъ волосъ, смуглость кожи, орлиный носъ, нѣсколько выдавшіяся скулы и узкіе черные или каріе глаза, смотрящія бойко и обличающіе смѣту и энергію въ ихъ обладателѣ. Зыряне же, живущіе вблизи большихъ людныхъ дорогъ и смѣшавшіеся съ русскими, имѣютъ волосы, большею частію, русые, глаза свѣтлые, ростъ средній, тѣло бѣлое и ровный, живой, открытый нравъ.

Но умственные способности вообще у всехъ зырянъ болѣе или менѣе одинаковы и, нужно замѣтить, весьма замѣчательныя. Они остроумны, находчивы, всегда обдуманно приступаютъ къ дѣлу и не любятъ необдуманно приводить его въ исполненіе. Зырянскіе мальчики, при поступленіи въ школу, очень скоро выучиваются чтенію и

письму, а особенно бойкому счисленію и разговорной русской рѣчи. Многие изъ зырянъ славятся также, какъ искусные рабочіе на петербургскихъ и московскихъ фабрикахъ. Но главнымъ образомъ ихъ способности и дарованія направлены, какъ мы уже упоминали выше, на охотничьи и рыболовные промыслы, въ умѣньи вести которые зырянинъ не имѣетъ себѣ соперниковъ.

Къ занятію охотою, лѣсованьемъ, чрезвычайно остроумно приспособленъ даже костюмъ зырянина. Зырянскій охотникъ одѣвается въ короткій, по колено кафтанъ изъ бѣлаго грубаго сукна, съ пришитыми къ рукавамъ рукавицами изъ оленьей кожи; на плечи надѣвается «лузанъ» — родъ кофты безъ рукавовъ — изъ полосатаго зырянскаго сукна, съ наплечниками и карманами. На широкомъ ремнѣ надѣтомъ поверхъ кафтана, виситъ длинный охотничій ножъ; къ спинѣ, къ лузану, особою скобкою прикрѣпленъ топоръ; въ рукахъ: въ одной — винтовка, въ другой — лопатка съ загнутымъ концомъ, съ помощью которой онъ обиваетъ въ лѣсу сѣтѣ съ вѣтвей и спускается съ кручей овраговъ. На головѣ носитъ четырехугольную шапку изъ бѣлаго же сукна, прикрѣпленную къ воротнику лузана, чтобы она не могла слетѣть съ головы, когда онъ помчится на лыжахъ по снѣжной равнинѣ... У него и чулки и портянки принаровлены къ этому способу передвиженія; на ноги надѣваетъ онъ легкіе башмаки «чуть-комъ», изъ невидѣланной кожи, съ заостренными носками, прикрѣпленные къ ступнѣ шнурками.

Зырянскіе же крестьяне носятъ бѣлую холщевую рубаху съ большимъ воротничкомъ, застегнутымъ иногда на мѣдную пуговицу. Рубаха опоясывается узкимъ шерстянымъ поясомъ, къ которому спереди привѣшивается маленькій кожаный кошелекъ. Въ него вкладывается суконный мѣшечекъ съ нѣсколькими отдѣленіями для храненія огнива, трута, сѣрныхъ спичекъ, иголки съ нитками. Принадлежность эта («биз авотмукъ») необходима для предусмотрительнаго зырянина. — Штаны носятъ онъ холщевые, какъ и у русскихъ; на

ногахъ — коты изъ телячьей шкуры, шерстью вверхъ, пропитываемые отъ мокроты смолою. Сверху надѣваютъ лѣтомъ холщевый же кафтанъ, подпоясываемый кожанымъ поясомъ, а зимою — овчинный полушубокъ и на немъ суконный азямъ.

Нѣкоторые изъ зырянъ носятъ зимою поверхъ всего еще «малицу» — длинную мѣшкообразную одежду, сшитую изъ оленьей шкуры шерстью внизъ, съ прикрѣпленными къ рукавамъ ея рукавицами, а къ воротнику — шапкою. Зырянина, одѣтаго въ эту «малицу», не можетъ пробрать никакой холодъ.

Женскій зырянскій костюмъ почти весь русскій: холщевая рубашка съ ситцевыми рукавами, ситцевый сарафанъ, а на головѣ повойникъ, повязанный большимъ платкомъ, концы котораго спущены ниже стана.

Живутъ зыряне также какъ и русскіе — деревнями. Селенія ихъ очень рѣдкія, но большія и иногда тянутся на нѣсколько верстъ. Дома расположены почти всегда неправильно.

Избы зырянскія («керки»), — обыкновенно большія и строятся всегда изъ сосноваго лѣсу. Къ лицевой сторонѣ «керки» пристраивается крыльцо, которое ведетъ въ сѣни, раздѣляющія «верку» на двѣ половины — черную и чистую. Черная половина по своему устройству и внутреннему убранству почти ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной русской курной избы и назначается всегда для житья семейства. Другая половина устраивается нѣсколько иначе и назначается преимущественно для приѣма гостей и для справленія праздниковъ. Въ ней нѣтъ полатей, печь часто голландская, окна большія, лавки иногда замѣняются стульями. Но нужно замѣтить, что «керки» вообще не отличаются опрятностью.

Къ «керкѣ» прилегаеть, обыкновенно, дворъ и разныя хозяйственныя пристройки.

Пища зырянъ также не особенно прихотлива. Хлѣбъ у нихъ всегда ячный, каша ячяная, щи («азлиидъ») съ ячневымъ же, но не-

много толченымъ зерномъ, со свиной, или дичью—въ скоромные дни, и съ рыбою—въ постные. Рыба любимая пища зырянъ, а также ячный пирогъ съ рыбою (*черинья*). До хлѣба же они небольшіе охотники, и въ неурожайные годы довольно равнодушно замѣняютъ его пихтовой корой, молодыми отростками ели или просто—мохомъ. Любимый же напитокъ ихъ—пиво (*суръ*), котораго они могутъ выпивать огромное количество.

Зыряне отличаются необыкновеннымъ гостепріимствомъ. Они растворяютъ настежь всѣ двери, чтобы странникъ и безъ хозяина нашелъ въ домъ и пріютъ и пищу. Зырянинъ не отпуститъ его, не накормивъ всѣмъ, что у него есть лучшаго, и никогда не возьметъ за это платы.

Вообще зыряне далеко не лишены и чувства человѣколюбія и нѣкотораго добродушія. Многіе приводятъ примѣръ, что если сгоритъ у зырянина домъ, то владѣлецъ его не будетъ отчаяваться выстроить новый, будучи вполне увѣренъ, что сосѣди помогутъ ему обзавестись новымъ. При этомъ зыряне отличаются еще честностью, по истинѣ патриархальною. Въ глухихъ мѣстахъ зырянскаго края до сихъ поръ совсѣмъ и не знаютъ что такое замки. Если хозяинъ дома почему либо не пожелаетъ, чтобы во время его отсутствія къ нему входили посторонніе, то ставитъ у дверей «пасъ», т. е. коромысло, или просто палку наискось—и это служить лучше всякаго замка.

Подобная патриархальность нравовъ можетъ быть завесить отчасти отъ религіозности зырянъ, которые весьма набожны. Во всякомъ, сколько нибудь значительномъ зырянскомъ селеніи, гдѣ нѣтъ церкви построены въ видѣ церквей, даже съ колокольнями, часовни, куда по праздникамъ и старый, и малый собираются слушать чтеніе и толкованіе священныхъ книгъ. На перекресткахъ дорогъ повсюду виднѣются деревянные кресты. Первую убитую утку зырянинъ жертвуетъ обыкновенно священнику, а послѣ удачнаго исхода звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ, извѣстная часть добычи отдается въ

церковь. Почитаніе множества чудотворныхъ иконъ и высокое благоговѣніе къ памяти своего апостола св. Стефана доказываютъ также воспріимчивость ихъ чувства вѣры. Но, разумѣется, зыряне далеко еще не освободились отъ нѣкоторой грусти въ своихъ вѣрованіяхъ и въ способахъ ихъ выраженія.

Совсѣмъ оригинальный нечистый духъ, вполне уже принадлежатій зырянскому вымыслу, это—«*Ортъ*»—духъ, обитающій въ воздухѣ. Зыряне думаютъ, что у каждою челоуѣка есть свой собственный «ортъ». Какъ только родится челоуѣкъ, сейчасъ же къ нему приставляется специальный «ортъ». Предъ смертью своего брэннаго компаньона «ортъ» самъ принимаетъ видимый образъ и является тому, кого ждетъ смерть, обыкновенно за которой нибудь изъ его работъ. Если долженъ умереть, напр., мужчина, то «ортъ» является за ружьемъ, за сѣлками съ капканомъ, или за боропою и проч.; а если ждетъ смерть женщину, то онъ беретъ за веретено, сковородникъ, за горшки и т. д. Кромѣ обязанности предсказывать смерть, онъ долженъ еще обойти всѣ мѣста, которыя при жизни посѣтилъ умершій. Поэтому зырянинъ, побывавшій вдали отъ родины, возвратясь домой, говоритъ: «Ортъ туй то тали-жо!» т. е. ну сдѣлалъ же я дорогу «Орту!»—«Ортъ» считается, впрочемъ добрымъ духомъ.

Сверхъ того, зырянамъ знакомы въ точности и такіе вымыслы русской фантазіи, какъ «порча», «оборотни», «вѣдьмы» и «волдуны». Въ особенности много въ зырянскихъ деревняхъ «волдуновъ», или, какъ говорятъ, зыряне, «еретниковъ», которыхъ они сильно побаиваются, особенно при справленіи свадебъ. Зыряне думаютъ при этомъ, что мертвые колдуны гораздо хуже живыхъ. Они постоянно, по ихъ мнѣнію, покидаютъ могилы и надѣдаютъ всѣмъ просьбами, чтобы о нихъ почаще служили панихиды, а въ Великой Четвертокъ «еретники» эти встаютъ изъ могилъ и грызутъ на колокольняхъ колокола, чтобы удачнѣе портить людей.

Предразсудковъ между зырянами ходитъ множество и они

почти всё заимствованы отъ русскихъ. Нѣкоторою оригинальностью отличается у нихъ слѣдующій предрасудокъ: чтобы хозяйственные дѣла въ теченіе года шли успѣшнѣе, зыряне стараются въ Великій Четвергъ переработать всѣ работы: жепщины бросаются то къ веретену, то къ шитью, то чешутъ ленъ и т. д., а мужчины исполняютъ всѣ мужскія работы и считаютъ деньги.

Множество русскихъ семейныхъ обрядовъ и обычаевъ также дѣлкомъ перешло къ удивительно переимчивымъ зырянамъ. Подъ осень у нихъ бывають посидѣлки — «кайтаны», на которыхъ дѣвицы прядутъ въ кругу молодежи. Святки у зырянъ сопровождаются тѣми же гаданіями и вечерами, какъ и у русскихъ.

Свадьбы свои зыряне справляютъ рѣшительно по русскимъ обычаямъ. Только на каждую свадьбу они считаютъ непремѣнною обязанностью приглашать одного или двухъ колдуновъ, чтобы предотвратить обращеніе всего свадебнаго поѣзда въ волковъ.

Похороны зырянскія проходятъ безъ всякихъ особенныхъ обрядовъ. Нужно только замѣтить, что зыряне до крайности боятся мертвыхъ и чувствуютъ къ нимъ отвращеніе. Никто изъ нихъ не рѣшится остаться въ одномъ домѣ съ покойникомъ; почему ихъ тотчасъ же послѣ смерти увозятъ въ церковь, при которой оставляютъ даже дровни, на которыхъ привезли гробъ.

Зырянинъ любить повеселиться, оттого-то можетъ быть такъ и противна ему смерть. Чтобы видѣть, какъ беззавѣтно способенъ онъ предаваться веселію, для этого нужно заглянуть въ какую нибудь зырянскую деревню въ день храмоваго праздника. Шумъ, пѣсни и драки — необходимыя принадлежности зырянскихъ праздниковъ; — такъ что даже небезопасно проѣзжать въ эти дни разгула по зырянскимъ деревнямъ. Впрочемъ, утро праздничнаго дня зыряне проводятъ чинно, за обѣдней.

Подгулявшій зырянинъ всегда бываетъ нѣсколько опасенъ вслѣдствіе вспыльчивости, подозрительности и мстительности — чертъ,

вообще свойственныхъ его характеру и составляющихъ, можетъ быть, еще неуспѣвшее изгладиться въ немъ наслѣдіе полудикой жизни пращуровъ. Впрочемъ, наслѣдіе это начинаетъ уже принимать иныя, болѣе мягкія формы, и прежняя подозрительность и мстительность проявляются теперь больше всего въ страсти зырянъ — судиться. Дѣйствительно, въ рѣдкой странѣ сутяжничество достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ зырянскомъ краѣ. Составители просьбъ здѣсь пользуются такимъ же почетомъ, какъ и колдуны. Зырянинъ, имѣющій дѣло, не смотря на то — правое оно или нѣтъ, всегда старается провести его чрезъ всѣ возможныя инстанціи, подаетъ просьбы и жалобы всякому проѣзжему чиновнику, и вообще тянетъ его до тѣхъ поръ, пока самъ не разорится.

Вышеупомянутая-же склонность зырянъ къ употребленію вина объясняется столько-же стремленіемъ ихъ къ веселію, сколько и суровостью и непріютностью той природы, среди которой они проводятъ всю свою жизнь. Большую часть времени года зырянина окружають длинныя зимы съ длинными ночами, снѣга, холодъ и морозы, страшныя вьюги и метели, среди которыхъ онъ проводитъ время часто на одиночной охотѣ, въ глуши лѣсовъ, оставаясь тутъ иногда по нѣскольку недѣль безъ теплаго угла и вдали отъ своей семьи. При такихъ условіяхъ жизни легко, конечно, поддаться вліянію какого-нибудь возбуждающаго или согрѣвающаго напитка, какъ это и случается съ зырянами. Но тутъ-то и высказывается снова умъ и смѣтливость этихъ сѣверянъ, не столько полагающихся въ упомянутыхъ случаяхъ на силу вина, всегда разрушительнаго, сколько на тавія простыя средства, какъ баня и вѣникъ.

Нужно знать, въ самомъ дѣлѣ, то значеніе, какое имѣютъ эти бани въ быту зырянъ, чтобы вполне оцѣнить умѣнье ихъ приравливаться къ суровой и грозной природѣ своего края. Баня (*пыванъ*) это насущная потребность каждаго зырянина и главное средство у него отъ всѣхъ болѣзней, въ особенности отъ «перекрѣпу», т. е. отъ

того состоянія, когда человекъ прозябнетъ отъ мороза, что называется, до костей. Бани зырянскія топятся рѣшительно каждый день, не исключая и Свѣтлаго Христова Воскресенья. Каждый вечеръ въ зырянскихъ деревняхъ раздаются призывные крики: «пывзянь! пывзянь!» Всѣ ждутъ этого призыва и отправляются въ бани, но не мыться, а только париться.

Сперва отправляются мужчины съ вѣпиками въ рукахъ, босые, хотя-бы на дворѣ стоялъ трескучій морозъ, и всегда въ однѣхъ рубахахъ, которыя снимаются у входа въ баню.

Бани, величиною отъ 1¹/₂ до 2-хъ саженой въ квадратъ, устраиваются почти такъ-же, какъ и русскія, съ тою лишь разницею, что здѣсь полость бываетъ на одной высотѣ съ лавками, четверти на три отъ полу. Горячей воды вовсе не готовится, да и холодной лишь столько — сколько нужно для поддаванья. Въ каждую баню собирается человекъ десять. Раскаленная каменка, въ которой еще пылаютъ алые угли и надъ которою стоитъ синее облако чаду, производитъ жаръ градусовъ въ 70 и болѣе. Всѣ стоятъ: кто на полу поближе къ камenkѣ, кто на полкѣ, кто на лавкахъ, и то и дѣло поддаютъ жару. Паренье продолжается минутъ 8 или 10. Стариковъ, любящихъ такое удовольствіе, выводятъ изъ бани силою. Домой отправляются также въ однѣхъ рубахахъ и босые, а иногда еще останавливаются на улицѣ потолковать со встрѣтившимися знакомыми. Послѣ мужчинъ идутъ въ баню женщины, и тоже босикомъ, за исключеніемъ родильницъ.

И не только въ то время, когда живутъ дома, но и на промыслахъ зыряне не могутъ обходиться безъ бани. У нихъ и по лѣсамъ вездѣ поставлены «охотничьи избушки», которыя на самомъ дѣлѣ есть ничто иное, какъ тѣ-же бани и называются «пывзянными»-же. Печерскіе зыряне, застигнутые ночью въ лѣсу вдали отъ «пывзянь», парятся на открытомъ воздухѣ, часто на трескучемъ морозѣ. Для этого они нагрѣваютъ воду и готовятъ деревянные круглыя

на длинныхъ рукояткахъ скребницы; раздѣваются у огня, поливаютъ на себя горячую воду и скребницею очищаютъ потъ и грязь со всего тѣла, — и затѣмъ уже ложатся спать.

Устройство подобнаго ночлега въ лѣсу, на снѣгу, подъ морознымъ небомъ, вдобавокъ послѣ горячей ванны, возможно только при изобрѣтательности зырянина же. Съ этою цѣлью устраиваетъ онъ шалапшъ изъ еловыхъ вѣтвей, открытый съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Затѣмъ вырубаетъ два дерева, которыя съ одной стороны выдалбливаетъ, въ видѣ корыта, и кладетъ одно на другое краями такъ, что между ними образуется пустое пространство. Полую внутренность наполняетъ раскаленными углями. Отъ этого внутренность полости не воспламеняется, а только тлѣетъ, и изъ открытыхъ концовъ ея вылетаетъ, какъ изъ трубы, горячій дымъ. Такимъ образомъ жаръ самъ собою поддерживается въ теченіе ночи, — и зырянинъ, раздѣвшись и обративъ ноги къ этому согрѣвательному снаряду, спокойно спитъ въ своемъ шалапшѣ на утоптанномъ и устланномъ хвоею снѣгу, между тѣмъ, какъ платье и обувь его сохнутъ, развѣшанныя надъ тлѣющими бревнами.

Вотъ къ какимъ все-таки сложнымъ средствамъ иногда приходится прибѣгать зырянину, чтобы устроить себѣ какую нибудь постель, можетъ быть, всего лишь на одну ночь. На эту борьбу съ суровою природою, хотя и искусною, но бесплодную, и уходитъ у него почти все время. Немудрено, послѣ этого, что зыряне, вообще отличающіеся по природѣ своей веселымъ нравомъ и усилѣннѣе изобрѣсти столько остроумныхъ средствъ и способовъ для борьбы съ холодомъ и непогодою, не успѣли до сихъ поръ сложить почти ни одной пѣсни, не смотря на свою любовь къ ней. За то русскія пѣсни, наряду съ русскими же обычаями и вѣрованіями, — зыряне быстро перенимаютъ, какъ бы радуясь тому, что ихъ избавляютъ отъ лишняго труда и даютъ готовое.

Почти всѣ пѣсни, какія поются зырянами, чисто русскаго про-

исхождения, хотя и значительно исковерканы. Это все-таки не мѣшает зырянину пѣть ихъ съ истиннымъ наслажденіемъ. За смысломъ пѣсенъ, онъ, кажется, и не гонится особенно. Существуетъ, напримеръ, нѣсколько пѣсень чисто зырянскаго происхожденія, но зыряне успѣли затерять смыслъ и этихъ послѣднихъ.

Поэтическое чувство у зырянъ вообще сильно развито. Это въ особенности ярко высказывается въ томъ интересѣ, съ какимъ они относятся къ русскимъ сказкамъ и загадкамъ. Зыряне слушаютъ сказку, обыкновенно стоя и всегда съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто отъ конца сказки зависитъ, по крайней мѣрѣ, ихъ судьба.

Въ дѣлѣ торговли зыряне весьма смысленный народъ; они очень хорошіе купцы, ведущіе торговлю съ мѣстами весьма далекими отъ ихъ постоянного мѣста жительства. Въ этомъ отношеніи они очень далеко ушли впередъ отъ своихъ сосѣдей того же финскаго происхожденія какъ и они сами. При этомъ они не пренебрегаютъ никакими средствами и пользуются слабостью своихъ сосѣдей, чтобы съ выгодой обдѣлывать свои собственныя дѣла. Лучше всего это испытали на себѣ самоѣды, обитающіе на сосѣдней тундрѣ и занимающіеся оленеводствомъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ эти самоѣды имѣли огромныя стада оленей и были полными хозяевами своей собственности. Нынѣ же дѣла совершенно измѣнились, и самоѣды обнищали, а зыряне, на оборотъ, обогатились на счетъ самоѣдовъ. Зыряне воспользовались тѣмъ, что самоѣды страстно любятъ водку и употребляютъ ее неумѣренно. Увидя это, зыряне начали возить на тундру крѣпкіе напитки и, пользуясь слабостью самоѣдовъ, спаввали ихъ водкою и заключали торговыя сдѣлки самыя невыгодныя для самоѣдовъ. За какойнибудь полутштофъ водки, да притомъ еще скверной, они свупали у самоѣдовъ хорошихъ лисицъ, песцовъ и оленей. Прошло такимъ образомъ нѣсколько десятковъ лѣтъ — и всѣ олени перешли къ зырянамъ, а прежній хозяинъ оленей вдругъ очутился на-

емнымъ пастухомъ у стада, когда-то ему принадлежавшаго, а нынѣ перешедшаго за водку къ хитрому зырянину.

Это впрочемъ относится до зырянъ, живущихъ въ Архангельской губерніи, у которыхъ жилища чисты, а въ деревняхъ каменные церкви.

Вообще, многое въ зырянахъ доказываетъ ихъ даровитость и способность къ воспріятію высшей культуры и образованности. Но грозная природа зырянскаго края и разрозненность ихъ племени, надолго задержали умственное развитіе зырянъ. Слабые по численности и разсѣянные по громадной площади сѣверовосточнаго края Русской земли, зыряне долго и бесплодно убивали свои разрозненныя силы въ борьбѣ съ природою, — пока, наконецъ, не появились среди ихъ русскіе, значительно увеличившіе собою населеніе тамошней страны и впесніе свѣжія силы въ ряды мужественныхъ борцовъ съ сѣвровою природою. Безъ сомнѣнія, зыряне скоро окончательно сольются съ русскимъ народомъ и воспримутъ всю его образованность — и тогда, нужно думать, возможно будетъ окончательно поборотъ и суровую природу богатой печерской страны какъ нѣкогда поборолъ русскій столю же грозную природу па всей великой и обширной русской равнинѣ.

ХІV. ЧЕРЕМИСЫ.

Бытъ и религіозныя вѣрованія.

Черемисы занимаютъ, въ настоящее время, обширную часть Казанской губерніи и нѣкоторые уѣзды губерній Нижегородской, Вятской и Пермской. Племя это довольно многочисленно и доходитъ въ общей сложности до 200,000 душъ.

Черемисы, равно какъ и сосѣди ихъ — вотяки и мордва, принадлежатъ къ финскому племени. Они говорятъ своимъ собственнымъ языкомъ, который по филологическому составу имѣетъ близкое родство съ прочими финскими языками, хотя и подвергся значительной порчѣ еще въ отдаленныя времена вслѣдствіе нѣкоторыхъ заимствованій изъ языковъ старинныхъ сосѣдей ихъ — болгаръ и татаръ.

Самое названіе — «черемисъ» — есть слово татарское и означаетъ — «негодный». Сами же себя черемисы называютъ, подобно многимъ другимъ финскимъ народамъ, словомъ мори или мари, т. е. «человѣкъ» или «люди».

По сказанію лѣтописцевъ, племя это обитало въ древнія времена

по теченію рѣки Волги, отъ устья р. Суры до р. Камы, слѣдовательно въ нынѣшней Казанской губерніи, въ сосѣдствѣ съ древними болгарями. Черемисы того времени были народъ буйный, непокорный. Они постоянно производили набѣги на своихъ сосѣдей, въ особенности на вотяковъ; но вскорѣ, впрочемъ, сами были подчинены болгарями.

Съ конца XIII столѣтія стали появляться среди сѣверо-восточныхъ финскихъ народовъ новгородскіе выходцы «ушкуйники», которымъ удалось вскорѣ овладѣть между прочимъ черемисскимъ городкомъ *Кокшаровомъ* — нынѣ г. Котельничъ Вятской губерніи. Впрочемъ, черемисы уступили «ушкуйникамъ» только послѣ сильнаго сопротивленія, вполне обнаружившаго присущее имъ чувство собственной независимости и сознанія своего народнаго бытія. Сосѣдство русскихъ послужило даже еще къ большому сплоченію черемисъ подъ властью своихъ старшинъ или князей, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли мѣстопребываніе въ г. Уржумѣ, какъ объ этомъ говоритъ черемисское преданіе. Впрочемъ, имена этихъ князей и время ихъ управленія остались неизвѣстными.

Съ покореніемъ болгаръ татарами, подчинились послѣднимъ и черемисы. Ихъ зависимость отъ хановъ татарскихъ была гораздо продолжительнѣе, чѣмъ вотяковъ, которые успѣли укрыться въ сѣверныхъ лѣсахъ и огородиться съ своей стороны валами и оврагами.

Въ семью русскаго народа черемисы вступили лишь со времени покоренія Казанскаго царства. При завоеваніи Казани, послѣдній черемисскій князь Балтупъ былъ убитъ ядромъ въ битвѣ съ войскомъ царя Іоанна Грознаго, и похороненъ на горѣ, которая съ того времени называется *Балтупшева гора*, что въ г. Малмыжѣ.

Но и послѣ того черемисы долго не усмирялись. Они принимали живѣйшее участіе въ бунтѣ казанскихъ татаръ и причиняли много вреда въ особенности торговымъ людямъ, проникнувши до пермскихъ укрѣпленій. По поводу ихъ отчаянной обороны, стойкости и неужи-

данности нападеній сложилась даже пословица: «съ одной стороны черемисъ, а съ другой—берегись».

И дѣйствительно, для укрощенія ихъ воинственныхъ порывовъ, правительство вынуждено было возвести цѣлый рядъ укрѣпленныхъ городковъ, какъ-то: Уржумъ, Козьмодемьянскъ, Яранскъ, Козьшайскъ, Царевкокшайскъ и нѣкоторые другіе. Но и это, конечно, не могло усмирить ихъ окончательно. Въ эпоху междоусарствія черемисы хотѣли завладѣть Нижнимъ-Новгородомъ, но, разбитые подъ Свйагою, бросились къ Вяткѣ и навели на всѣхъ ужасъ своимъ грабежомъ и разбойничествомъ. За тѣмъ, въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, они не разъ прекращали всякое сообщеніе между Казанью и Нижнимъ, подступая къ разнымъ городамъ и проникая до Арзамаса и Мурома. Въ бунтѣ Стеньки Разина, взволновавшаго многихъ инородцевъ, черемисы также принимали участіе. Воинственность отражается на нихъ и донинѣ въ ихъ смѣлой охотѣ, беззавѣтной, а нерѣдко и бессознательной храбрости.

Впрочемъ, въ настоящее время, не только характеръ, но и самый бытъ и даже наружность черемискаго племени замѣтно уже измѣнились подъ вліяніемъ близкаго соседства русскихъ.

Черемисы дѣлятся въ настоящее время на *горныхъ* (*курук-мари* — горные люди), т. е. живущихъ на правомъ берегу Волги, и на *луговыхъ*, населяющихъ низменности по лѣвой сторонѣ этой рѣки.

Горные черемисы, окруженные почти со всѣхъ сторонъ русскими переселенцами, обрусѣли въ сильной степени и приобрѣли наружность, не имѣющую почти ничего общаго съ національнымъ черемисскимъ типомъ. Роста они, по большей части, выше средняго; лицо индоевропейскаго очертанія, глаза каріе, волосы черные, иногда круто завивающіеся; носы тонкіе, вздернутые нѣсколько у кончика, скулы мало выдаются; зубы бѣлые, цвѣтъ лица смуглѣе, чѣмъ у русскихъ. Вообще наружность горныхъ черемисъ напоминаетъ нѣсколь-

ко цыганскій типъ. Женская фигура съ болѣе правильными очертаніями, чѣмъ у луговыхъ черемисъ. Горные черемисы разумны, воспріимчивы и работающіе и не лишены русской смѣтливости, удали и прилежанія. По одеждѣ и образу жизни они также мало чѣмъ отличаются отъ русскихъ.

Что же касается до луговыхъ черемисъ, то они во многомъ отличаются отъ горныхъ, не говоря уже о русскихъ, съ которыми они ничего общаго не имѣютъ, что происходитъ главнымъ образомъ отъ особенностей лѣсной мѣстности, населяемой ими, среди которой почти отсутствуетъ русскій элементъ. По наружности эти луговые черемисы роста средняго, съ виду сухіе, тощіе, блѣдные, цвѣтъ кожи грязно-желтоватый и вообще непривлекательный; глаза узкіе, полуоткрытые, носы то сильно вздернутые, какъ у всѣхъ финновъ, то совсѣмъ приплюснутые, какъ у киргизъ; уши длинныя, скулы у многихъ сильно выдаются, щеки осунувшіяся, безжизненныя; волосы на головѣ черные и вѣчно всклокоченные; борода небольшая и рѣдкая. Они кажутся сонными и неповоротливыми; понятія ихъ очень ограниченны и тупы. Вѣчно угрюмый нравъ, равнодушіе къ опасностямъ лѣсной и бродячей жизни, склонность къ трубежѣ и горячимъ напиткамъ, особенная привычка къ лишеніямъ въ пищѣ и теплотѣ и скудость, доходящая до отвращенія, — суть отличительныя черты характера луговаго черемиса.

Изъ всѣхъ финскихъ племенъ едва ли есть женщины болѣе непривлекательныя, чѣмъ луговныя черемиски. Цвѣтъ лица ихъ непогимъ бѣлѣе мужскаго и отчасти рыжеватый; волосы на головѣ болѣе русые, чѣмъ черные, глаза совсѣмъ подслѣповатые отъ постоянного пребыванія у огня; очертанія фигуры грубы и угловаты.

Черемисы между собою честны, а по отношенію къ русскимъ — скрытны, недовѣрчивы, а подлѣ — часъ дерзки; въ нравахъ ихъ есть что-то дикое и упорное.

Но, въ то же время, черемисы, подобно другимъ финскимъ наро-

дамъ, строго придерживаются патриархальной простоты и гостеприимства. Всякій проѣзжій, знакомый и незнакомый, можетъ идти къ нимъ прямо во дворъ, безъ всякаго спроса, и найти тамъ кормъ для лошади, ночлегъ для себя и столъ, какой только позволяетъ имѣть черемису его скупость и крайняя невзыскательность.

Занятія черемисъ вполне зависятъ отъ особенностей той природы, среди которой живутъ они: ихъ окружаетъ со всѣхъ сторонъ низменная, холмистая мѣстность, изрѣзанная рѣками и рѣчками и покрытая непроходимыми болотами и безконечными лѣсами (*ремень*), надъ которыми все лѣто носятся несмѣтные тучи мошекъ и комаровъ, и которые еще не оскудѣли ни звѣремъ, ни дичью. Немудрено поэтому, что черемисъ—безпечный, дурной и лѣнивый земледѣлецъ хозяйство содержитъ онъ грязно; пашней, сѣнокосовъ и огородовъ у него мало, едва хватаетъ на прокормленіе. За то онъ отличный и смѣлый охотникъ въ громадныхъ вѣбковыхъ лѣсахъ. Звѣроловство и охота за дичью составляютъ главное занятіе почти всѣхъ луговыхъ черемисъ. По цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ бродятъ они по лѣсамъ и болотамъ, отыскивая волковъ, зайцевъ, рябчиковъ и проч.; не имѣя возможности укрыться тамъ отъ комаровъ и мошекъ, возвращаются оттуда домой съ опухшею и до нельзя изуродованной физиономіею.

Многіе черемисы, кромѣ охоты, занимаются рубкою деревьевъ, ихъ сплавомъ, выдѣлкою дугъ, колесъ, оглобелъ и рогожъ, а также гонкою смолы, бурлачествомъ, рыболовствомъ и пчеловодствомъ; но они не имѣютъ никакого понятія о тѣхъ ремеслахъ, которыя доступны болѣе цивилизованнымъ народамъ.

Женщины черемисскія также небольшія мастерицы въ рукодѣльяхъ. Прядутъ за прядками, имѣющими видъ высокой тонкой палки, а ткнутъ такъ странно и безурядно, что трудно и понять.

Черемисы, подобно вотякамъ, любятъ уединеніе и потому селятся обыкновенно въ лѣсахъ, или въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ русскихъ

поселеній. Деревни ихъ въ прежнее время строились безъ всякаго плана и соображенія, такъ что, вошедши въ одинъ дворъ, можно было обойти другими дворами всю деревню.

Черемисскія селенія состоятъ обыкновенно изъ множества околдовъ, вытянутыхъ по оврагамъ, отчего каждый изъ нихъ носитъ названіе «ангеръ» (оврагъ), съ прибавленіемъ имени строителя или мѣстнаго предмета, въ родѣ: «Ивановки», «Сосновки», «Каменки» и проч. Нѣсколько такихъ околдовъ вмѣстѣ составляютъ уже деревню или село. Избы въ этихъ околдовкахъ расположены какъ попало, какъ кому пришло на умъ.

Деревни горныхъ черемисъ болѣе схожи съ русскими, и развѣ тѣмъ отличаются отъ послѣднихъ, что у горныхъ черемисъ каждый дворъ и огородъ обнесенъ частоколомъ и обсаженъ березами, весьма правильно и стройно, отчего деревни ихъ имѣютъ очень веселый видъ.

Избы луговыхъ черемисъ строятся съ двумя или тремя косящатыми окнами на улицу и по одному или по два во дворѣ, какъ у русскихихъ. Внутреннее устройство этихъ избъ также немногимъ отличается отъ устройства русской крестьянской избы. Печь дѣлается изъ битой глины, иногда безъ трубы, вмѣсто которой прорѣзывается въ потолокъ надъ печью небольшое отверстіе, которое и служитъ для выхода дыма; отъ этого изба коптится и сильно нагрѣвается. На шесткѣ печки устраивается очагъ, надъ которымъ вѣшается чугунный котелъ, гдѣ варится пища. Окна въ избѣ маленькія, потолокъ набранъ изъ горбылей; кругомъ избы, съ двухъ сторонъ, широкія лавки, или просто чурбаны,—а съ третьей—нары. Въ переднемъ углу на столѣ постоянно находится большая чашка съ хлѣбомъ и жбанъ съ водою, часто перемѣняемою на свѣжую и холодную; это для дароваго угощенія проѣзжихъ и прохожихъ.

Рядомъ съ избою, черезъ сѣни, устраивается другая изба, холодная, безъ печки, потолка и полу; въ ней въ зимнее время содержатся

мелкія домашнія животныя. У нѣкоторыхъ хозяевъ клѣти дѣлаются чистыя, въ родѣ горницъ, но позади нихъ или рядомъ пристроиваются скотныя сараи.

По другую сторону двора ставится чуланъ, клѣть для лѣтнаго опочиванія и чумъ (*кудо*).

«Кудо» имѣетъ видъ шалаша, построеннаго изъ бревенъ, съ отверстіемъ въ крышѣ для выхода дыма; чумъ этотъ безъ полу, ничѣмъ непроникопоначенъ, съ лавками и чурбанами по сторонамъ, между которыми въ углу, противъ двери, поставленъ столъ, на которомъ всегда можно найдти, какъ и въ избѣ, большой хлѣбъ и жбанъ съ водою, какъ угощеніе для посѣтителей. *Кудо* въ лѣтнее время замѣняетъ у черемисъ кухню. Посреди него надъ разведеннымъ огнемъ виситъ котель, привѣшанный посредствомъ длиннаго деревяннаго рычага къ крышѣ. Въ немъ готовится пища и варится пиво. Зимняя изба за все лѣтнее время остается пустою и топится только для печенія хлѣба. *Кудо* же служитъ лѣтомъ опочивальнею, не смотря на ѣдкій дымъ отъ огня, отъ котораго черемисы постоянно страдаютъ глазами болѣзнями, а нерѣдко и совсѣмъ лишаются зрѣнія.

Необходимую принадлежность каждой черемисской деревни составляетъ также баня. Она строится обыкновенно на общій счетъ, одна на всю деревню, гдѣ нибудь у ручья. Бани эти курныя, и въ нихъ черемисы не моются, а только парятся, всѣ—отъ мала до велика.

Прочія дворовыя и домашнія принадлежности, а также земледѣльческія орудія, у черемисъ однѣ и тѣ же, что и у русскихъ.

Семьи черемисскія большія; раздѣлы у нихъ очень рѣдки. Управляетъ домою, обыкновенно, старшій членъ въ семьѣ, что не мѣшаетъ однако всякому другому взрослому прибѣгать къ кулачной расправѣ надъ каждымъ изъ младшихъ.

Въ каждомъ семействѣ, глава его—отецъ, либо за смертію его старшій сынъ или мать, имѣютъ огромное вліяніе на всѣхъ остальныхъ,

и ихъ мнѣніе, желаніе или приговоръ принимается за законъ. Такихъ главъ, закоренѣлыхъ въ своихъ понятіяхъ, трудно убѣдить въ погрѣшимости жрецовъ, ворожей, знахарей или колдуновъ. Подъ вліяніемъ такихъ лицъ, старшіе въ семействѣ дѣйствуютъ на младшихъ убѣжденіями, разговорами и даже силою. Считаясь христіанами, они никогда не постыются и примѣшиваютъ семьянину христіанину втихомолку къ постному скоромное. Дѣти, въ особенности бывшія въ училищахъ, если не на работахъ, то, сидя дома, сильнѣе всего подвергаются этой передѣлочной работѣ и наконецъ для спокойствія семьи, впадаютъ въ прежнее положеніе, дѣлаются суевѣрными и за тѣмъ, какъ болѣе толковыя въ письмѣ, обращаются нерѣдко въ *карты*. Женщины имѣютъ немалое вліяніе на семейство черемиса, который самъ безпрестанно въ отлучкѣ, за то женщины всегда дома и по своей неразвитости, малой общительности и затворничеству среди такихъ же родныхъ, главныя виновницы дурнаго воспитанія и направленія дѣтей. Скупость мужа и недостаточность средствъ жены дѣлаютъ ее небрежною къ хозяйству и чрезвычайно грубою къ постороннимъ. Немытая, грязная изба, дурное и скудное пропитаніе и такое же приготовленіе кушанья вліяютъ и на здоровье дѣтей, и вотъ одна изъ причинъ, почему черемисы, сравнительно съ другими, менѣе сильны и здоровы. Рѣдкій изъ нихъ доживаетъ до 50 лѣтъ *).

Къ женщинамъ относятся мужья и нерѣдко сыновья безъ особаго уваженія. Поэтому понятно, что рекрутъ, оставляя домъ, почти открыто даетъ дозволеніе жепѣ на сожительство съ однимъ изъ родныхъ. На вопросъ напримѣръ: «Что, Марѳа, скучаешь по мужу?» можно получить въ отвѣтъ: «Развѣ у насъ мало и безъ него» **). Вообще сожительство женщины съ чужимъ не слишкомъ преслѣдуется. Точно

*) Фуксъ.

***) Фуксъ.

также женщины не имѣютъ права принимать прямого участія въ моленіяхъ, а могутъ лишь присутствовать сбоку. И это униженіе, какъ будто онѣ не достойны одинаково возносить свои молитвы, также отчасти доказываетъ ихъ положеніе въ обществѣ. Однажды мать, разсердившись на сына, отправилась на моленіе, гдѣ и встала позади всѣхъ. Въ это время пошелъ градъ столь сильный, что погасилъ жертвенникъ и произвелъ вмѣстѣ съ громомъ и молніею нѣкоторое смятеніе. Когда черемисы увидали позади себя молящуюся женщину, то все это несчастіе приписали ей и вѣроятно убили бы, еслибы не защитилъ ее сынъ. Но за то какъ онъ, такъ и мать, не обошлись безъ сильныхъ побоевъ *). Кулачная семейная расправа въ черемисскихъ семьяхъ дѣло очень обыкновенное, при чемъ она можетъ быть произведена каждымъ старшимъ надъ младшимъ. Всѣ подобныя недоразумѣнія происходятъ большею частью чрезъ женъ, взрослыхъ дѣтей, и кончаются отдѣленіемъ сына, который, за непокорность и непослушаніе главѣ семейства, отцу, лишается иногда самаго необходимаго для перваго обзаведенія.

Въ тѣхъ исключительныхъ семьяхъ, гдѣ мать по отношенію своему къ мужу имѣетъ право сказать слово, тамъ женитьба, рекрутство, заработки натурою и приданое, всегда рѣшаются съ ея мнѣнія, хотя главнымъ образомъ и тутъ, гдѣ вопросъ идетъ объ участи дѣтей, рѣшаютъ выгода, выкупъ, деньги и скудость.

Жена, остающаяся по смерти мужа съ малолѣтними дѣтьми, либо по уходѣ его на службу, сохраняетъ права, какъ старшая и домохозяйка, но только ради дѣтей; за неимѣніемъ ихъ, отправляется въ домъ своихъ родителей, чтобы только не быть работницею.

По смерти отца, почти постоянно возникаютъ ссоры и тяжбы между братьями-крестьянами и возвращающимися со службы. Первые

*) Фуксъ.

говорятъ, что они помогали и поддерживали домъ, а вторые, что они бывалые люди въ царской службѣ. Споры эти кончаются тяжбою о дѣлѣжѣ, продолжающеюся нѣсколько лѣтъ. Хозяйство въ это время приходитъ въ совершенный беспорядокъ, такъ какъ никто не желаетъ работать и поддерживать хозяйство на пользу другаго. Изба, амбары, лачуги, заборы разваливаются, растаскиваются, остается разоренное хозяйство, которое, при переходѣ къ солдату, ему не по силамъ, приходитъ еще въ худшее разорительное состояніе и наконецъ продается.

Пищу черемисы употребляютъ самую простую и грубую. Въ обыкновенные дни ѣдятъ: хлѣбъ ржаной (*кинда*) рѣшетный, недопеченный, липкій и безъ соли; щи изъ кислой капусты постныя; салму изъ овсяной муки (*ляшка*), и овсяную или гречневую кашу (*немеръ*). Вообще черемисы очень неприхотливы въ ѣдѣ, въ особенности въ лѣсахъ на охотѣ, когда они, вмѣсто хлѣба, употребляютъ перѣдво древесную кору и коренья, сосновыя и еловыя шишки, а вмѣсто мяса — бѣлокъ, сорокъ и галокъ. Вслѣдствіе дурнаго питанія черемисы вѣчно голодены, блѣдены и безсилены.

О постахъ они не имѣютъ понятія, и потому во всякое время года ѣдятъ что попало: свиное мясо, заячье, лошадиное и проч. Въ праздничные дни пекутъ гречневые блины, овсяныя лепешки и ватрушки, но все это безъ вкуса и неряшливо.

Квасъ никогда не варятъ, а пьютъ постоянно одну воду. Въ праздники варятъ пиво (*сыра*) — непроваренное, клейкое и отвратительное на вкусъ. Но больше пьютъ водку (*рака*), до которой большіе охотники. Пьянству они предаются съ какимъ-то остервенѣніемъ, и, напившись, становятся, обыкновенно, забіяками и буянами.

Одежда черемисъ — мужчинъ состоитъ изъ бѣлой холщевой рубахи и такихъ же портовъ. Рубахи, вышитыя красною и синею шерстью около шеи, по прорѣзу на груди, по окружности внизу, и на плечахъ и рукавахъ особыми черемисскими фигурками и заплетушками, ма-

стерской выдумки, оригинального вкуса. Рубаха опоясывается въ будни — ремнемъ съ мѣдными и желѣзными пряжками, а въ праздники — краснымъ шерстянымъ поясомъ, съ кистями и завѣтными ремешками, вырѣзанными изъ шкуры какого нибудь жертвеннаго животнаго.

Поверхъ рубахи, въ лѣтнее время, носятъ бѣлые холщевые кафтаны съ откиднымъ воротникомъ, съ красною кумачевою оторочкою вокругъ подола и на рукавахъ. Балахонъ этотъ подпоясывается ремненнымъ поясомъ, къ которому прикрѣпляются кожаный мѣшечекъ для табаку, огнива и трута. Лугового черемиса всегда сопровождаетъ трубка, постоянная его спутница и защитница отъ комаровъ и мошекъ. Ноги свои обертываютъ лѣтомъ бѣлыми-же холщевыми опучами, высоко-до колѣнъ, и тщательно перевязываютъ ихъ бичевою. Лапти носятъ съ узкими носками. На голову надѣваютъ войлочную шляпу, въ родѣ татарской и также бѣлаго цвѣта.

Зимю сверхъ рубахи носятъ сѣрый суконный кафтанъ, или обыкновенный овчинный полшубокъ, а на головѣ шапку. На ноги въ это время года надѣваютъ черныя суконныя опучи, также тщательно перевитыя до колѣнъ бичевками.

Женскій черемисскій костюмъ сложнѣе мужского и наиболѣе приближается къ старинному національному покрою.

Головной уборъ замужнихъ женщинъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: прежде всего взбиваютъ волосы, необыкновенно крѣпко, въ два пучка: одинъ на темени, а другой на затылкѣ. Зачесавши волосы, перевязываютъ ихъ *рашмакомъ* — тканую шелкомъ тесьмою, шириною въ вершокъ. *Рашманъ* охватываетъ голову кругомъ, повыше лба и ушей, до затылка. Затѣмъ надѣваютъ на голову *шикомаючъ*, родъ башлыка изъ холста, который широкимъ отверстиемъ надѣвается поверхъ волосъ на голову, а острымъ глухимъ концомъ спускается на спину. *Шикомаячъ* прикрѣпляется къ волосамъ жестяными пряжками и убирается въ одинъ или два ряда мѣдными бляхами, величи-

ною въ одну копѣйку мѣди; посрединѣ шикомаяча, на затылкѣ, вышиваются узоры разноцвѣтными шерстями или даже шелками. Многія черемиски, вмѣсто шикомаяча, носятъ на головѣ *сороку*, т. е. высокую кичку, въ родѣ камилавки, значительно расширяющуюся къ верху, по сзади сплюснутую. *Сорока* обтянута темно-краснымъ сукномъ и украшена спереди, по срединѣ, бѣлымъ снуркомъ, въ видѣ скобокъ, обращенныхъ загнутыми концами внизъ.

Какъ сорока, такъ и шикомаячъ накрываются сверху бѣлымъ холщевымъ платкомъ, вышитымъ по краямъ красною шерстью; концы этого платка подвязываются подъ подбородкомъ.

Въ уши вдѣваются огромныя серьги, достигающія почти до плечъ и состоящія изъ мѣдныхъ витыхъ проволокъ, къ концамъ которыхъ и привѣшиваются, одна ниже другой, мѣдныя и серебряныя монеты и бусы.

Нѣкоторыя носятъ на головѣ еще *шарпанъ*, родъ полотенца, вышитаго по концамъ разноцвѣтными шерстями и шелками. *Шарпанъ* прикрываетъ голову на половину, а концы его продѣваются съвозъ кольца, прикрѣпленные около ушей, и свѣшиваются на плечи или завязываются подъ подбородкомъ.

На тѣло черемиски надѣваютъ рубахи, длиною до колѣнъ и вышитыя на груди и рукавахъ богатымъ узоромъ, разноцвѣтными шерстями. Рубашечная прорѣха застегивается на груди двумя или тремя пряжками, овальной формы, мѣдными или жестяными. Кромѣ того, на грудь надѣваютъ трехъ или четырехугольный кожаный нагрудникъ (*шаркема*), прикрѣпленный къ мѣдному кольцу, которое, въ свою очередь, пришито къ рубахѣ. *Шаркема* весь усыпанъ пришитыми къ нему старинными серебряными монетами, а нижній край его убранъ бѣлыми раковинами и змѣиными головками.

На шею надѣваются ожерелья, состоящія изъ шерстяной тесьмы, обшитой съ лицевой стороны бѣлыми перламутровыми пуговицами и

крупнымъ разноцвѣтнымъ бисеромъ, раковинами и старинными монетами.

Рубаха женская подпоясывается низко подъ животомъ шерстянымъ поясомъ, увѣшаннымъ вокругъ множествомъ кистей и бахромы. Концы пояса висятъ сбоку, либо спереди, оканчиваясь опять кисточками и бахромкою.

Черемиски, съ малолѣтства, носятъ также порты, въ обыкновенное время бѣлые холщевые, а въ праздники надѣваютъ еще сверху суконные, черного или зеленого цвѣта. Ноги высоко, до колѣнъ, обвертываютъ какъ можно толще, въ видѣ бревень, черными суконными онучами (*штуръ*), и крѣпко перевиваютъ ихъ толстыми шерстяными веревочками. По краямъ онучъ, съ боку, въ видѣ лампаса нашивается красная или синяя тесьма, за которую привѣшиваются мѣдныя или жестяныя бляхи (*тенжи*). Лапти носятъ онѣ небольшіе, съ узкими носками, сплетенные изъ мелкаго лыка и, по тонкости работы, называемые иногда *бисерными*.

Подобно мужчинамъ, и женщины надѣваютъ поверхъ рубахи холщевые балахоны или бѣлые суконные кафтаны, обшитые вокругъ подола, ворота и рукавовъ краснымъ еумачемъ. Кафтаны подпоясываются суконнымъ поясомъ, съ мѣдными пряжками; концы такого пояса спускаются до колѣнъ и украшаются привѣсами, на манеръ дудочекъ, штукъ до десяти и болѣе.

Одежда дѣвицъ только тѣмъ отличается отъ костюма замужнихъ женщинъ, что первыя не носятъ ни сорожки, ни шикамаюча, и не взбиваютъ своихъ волосъ, а заплетаютъ ихъ въ одну косу, которую спускаютъ на спину и къ концу которой привѣшиваютъ разноцвѣтные лоскутки или металлическія бляхи. Голову повязываютъ платками разныхъ цвѣтовъ.

Не смотря на всю сложность черемисскаго костюма, онъ мало доставляетъ имъ удобствъ, а всего меньше—теплоты. Черемисъ объ этомъ и не заботится. Онъ ѣдетъ и идетъ, хотя-бы въ сильнѣйшій

холодъ, въ томъ-же лѣтнемъ балахонѣ и часто съ открытою грудью. Вообще въ одеждѣ черемисъ, какъ и во всемъ ихъ домашнемъ быту, проглядываетъ крайняя безпечность и, кромѣ того, нечистота и неопрятность. Черемисы рѣдко мѣняють бѣлье, а многіе носятъ его до тѣхъ поръ, пока оно не расплзется въ куски. Какъ сами, такъ и дѣти, всегда ходятъ въ затасканныхъ и полуизорванныхъ длинныхъ рубахахъ, поддернутыхъ на поясѣ, съ неумытыми лицами и руками.

Преданіями и пѣснями племя черемисское, не жившее историческою жизнью, весьма бѣдно. Пѣсенъ у нихъ почти совсѣмъ нѣтъ, поютъ, что придется на умъ, или что попадется на глаза. Если лѣсомъ ѣдетъ—воспѣваетъ лѣсъ, полевъ—поле, болотомъ—болото и т. д. При этомъ никогда не прибѣгаетъ къ речамъ, а самое содержаніе пѣсни, обыкновенно чрезвычайно короткое, растягиваетъ до безконечности крайне монотонными и всегда одинаковыми припѣвами въ родѣ слѣдующаго:

Ай, ой, ай, ай! ду-ду-ду! ой, дой, дой, дой!
Аяй-турэ! до-до, турэ!.. и проч.

Кромѣ кавихъ-нибудь двухъ-трехъ любовныхъ пѣсенъ, въ каждой деревнѣ имѣется еще обыкновенно пѣсня, въ которой восхваляется эта-же самая деревня, въ родѣ слѣдующей:

«Изи Малмыжъ пѣшъ моторъ юдоръ!» и проч.

т. е. «дѣвушки въ Малмыжѣ очень красивы».

Черемисинъ поетъ свою пѣсню заунывно, монотонно, подперши голову рукою. Поетъ, поетъ,—и заплачетъ, хотя иной разъ пѣсня веселаго содержанія.

Национальныхъ плясовъ у черемисъ также нѣтъ. Пляшутъ они подъ свои пѣсни на манеръ русскихъ: отдѣльно мужчины, отдѣльно женщины, при чемъ сходятся вмѣстѣ и расходятся, поднимая по-

ремѣнно руки кверху, а иногда всѣ толкутся на одномъ мѣстѣ, подѣ общее пѣніе. Замѣчательно при этомъ еще то, что, предѣ начатіемъ пляски, черемисы крестятся и раскланиваются на обѣ стороны, тогда какъ не придерживаются этого обычая ни въ какихъ другихъ случаяхъ.

Любопытны также, по своей патриархальной простотѣ, музыкальные инструменты черемисовъ: пузырь, барабанъ и гусли. *Пузырь* состоитъ прежде всего изъ липовой дудки, длиною вершковъ въ 6; въ середину этой дудки вставляются двѣ маленькихъ костяныхъ дудочки, длиною до 3-хъ вершковъ, съ 7-ю дырочками по одной сторонѣ; къ одному изъ концовъ большой дудки придѣланъ коровій рогъ, а другой конецъ ея вставленъ въ бычачій надутый пузырь, съ боку котораго прикрѣпляется еще костяная дудочка. Эту послѣднюю пузырьщикъ беретъ въ ротъ, дуетъ въ пузырь, потомъ охватываетъ его съ обѣихъ сторонъ руками и перебираетъ пальцами по дырочкамъ, что на маленькихъ двухъ дудочкахъ. — *Барабанъ* имѣетъ видъ лукошка, дѣлается изъ лубка и обтягивается съ обоихъ концовъ телячьей кожей, по которой и ударяютъ двумя небольшими палочками. — *Гусли* имѣютъ видъ трехугольнаго ящика, на который натягивается до 10 и болѣе струнъ. На гусяхъ играютъ, вкладя ихъ на колѣни и перебирая пальцами по струнамъ.

По вѣроисповѣданію почти всѣхъ черемисовъ причисляютъ къ православнымъ; но, въ дѣйствительности, только очень ограниченное число изъ нихъ — христіане. Всѣ-же остальные черемисы частью магометане, частью идолопоклонники, частью придерживаются фетишизма или шаманской вѣры. Большинство-же упорно держится собственныхъ черемисскихъ вѣрованій, общихъ у нихъ съ нѣкоторыми другими финскими племенами, какъ-то: мордвою, вотягами и пермяками.

Правда, у черемисъ нѣтъ цѣльнаго систематическаго ученія, да и быть не можетъ, такъ какъ вся ихъ религія принаровлена къ жизни

человѣка, а послѣдняя столь измѣнчива и разнообразна, что, по-неволѣ, имъ приходится многое прибавлять въ своемъ ученіи, многое отбрасывать и забывать. Но, не смотря на это, они сильно преданы своимъ вѣрованіямъ. Черемисы говорятъ: «нашу вѣру кончать, насъ кончать», и при этомъ увѣряютъ, «что отцы и дѣды ихъ съ влѣтвою завѣщали соблюдать всѣ обряды и почитать боговъ, иначе черемисы должны погибнуть». Вслѣдствіе такой преданности своимъ стариннымъ вѣрованіямъ, черемисы до сихъ поръ удерживаютъ ихъ въ большей полнотѣ и съ болѣе яснымъ сознаніемъ, чѣмъ родственные имъ по религіи мордва и вотяки.

Необыкновенная преданность ихъ своимъ языческимъ вѣрованіямъ, можетъ быть, основывается на слѣдующемъ ихъ убѣжденіи: «Богъ одинъ, но люди вѣрують ему различно. Сколько языковъ на землѣ, столько и различныхъ вѣрованій. Каждый народъ имѣетъ свою вѣру, какъ каждое дерево въ лѣсу свои листья, и каждая вѣра равно угодна Богу, поэтому измѣнять своей вѣрѣ грѣшно и нельзя безъ наказанія».

Подобно всѣмъ восточнымъ народамъ, черемисы признаютъ собственно два начала: *доброе* и *злое*. Представитель добраго начала: *Оми-Юма* — сѣдой Богъ. Юма — благое существо, сотворившее міръ и человѣка, и управляющее вселенной. О свойствахъ Юма, по представленіямъ черемисъ, можно судить по тѣмъ названіямъ, какія они придаютъ ему; Юма называется у нихъ: *большимъ, старымъ, творцомъ, святомъ, владыкою и вседержителемъ*.

Впрочемъ, понятія черемисъ о свойствахъ и качествахъ Юма близко подходятъ къ ихъ собственнымъ матеріальнымъ потребностямъ и занятіямъ. Такъ они воображаютъ, что ихъ Юма живетъ на небѣ въ прекрасной избѣ, и такой же работникъ, какъ и они сами, и имѣетъ огромныя стада лошадей, коровъ и овецъ. Когда они идутъ на пастбище изъ своихъ помѣщеній, такъ передняго конца длинной вереницы давно уже не видать, а задній еще не вытя-

нулся изъ небесныхъ хлѣбовъ. Юма съ своею семьею постоянно на работѣ, какъ хорошій мужикъ. Хозяйство его, по величинѣ своей, требуетъ неуспянаго надзора и постоянныхъ заботъ, что сильно отвлекаетъ Юма отъ земныхъ попеченій, такъ что онъ одно время совсѣмъ позабылъ о существованіи человечества, и вотъ по какому случаю снова вошелъ въ сношенія съ людьми. У Юма была прекрасная дочь, а жениховъ на небѣ не было; были только добрые духи. Юма былъ работящій, работниковъ не держалъ, работалъ все самъ, а дочь свою посылалъ пасти скотину. На небѣ травы нѣтъ, а потому скотину нужно было спускать на землю. Юма и спускалъ свою дочь вмѣстѣ съ скотиною: растворитъ небо, спуститъ войлокъ, чтобы онъ доставаладо земли, и спускаетъ по нему дочь свою на землю. Слѣзши, дочь закричитъ: «дохъ, дохъ, дохъ!»—и спускаются лошади. Лошади спустятся, она закричитъ коровамъ: «тируна, тпруна, тпруна!»—спускаются коровы. Спустятся коровы, она закричитъ овцамъ: «ста, ста, ста!»—овцы спускаются. Вечеромъ закричитъ на небо: «батюшка, спускай войлочекъ, мнѣ нужно домой, я отпала скотину!» Юма отворитъ небо, она влѣзетъ и стада идутъ назадъ. Дочь Юмы пасла-пасла скотину, спускалась, спускалась на землю а жениховъ все нѣтъ, какъ нѣтъ. Но разъ спустилась на лугъ и увидела молодца, поговорила съ нимъ и дала ему платокъ. При этомъ сказала жениху: «смотри, у меня отецъ-то Юма, онъ не отдастъ меня за тебя; ты лучше подбери товарищей и увези меня, а я возьму другой платокъ и повѣшу его гдѣ нибудь на коль. Отецъ увидитъ дтотъ платокъ и будетъ тутъ искать меня, не найдетъ и скажетъ: знать умерла! Такъ и сдѣлалось. Черезъ два года они пришли къ отцу на небо и сказали ему всю правду, помирились, а Юма задалъ большой пиръ. Приданого за дочерью далъ много. Съ этихъ поръ только Юма и сталъ знакомъ съ людьми.

Представителямъ зла черемисы признаютъ *Кереметя*. Кереметь—страшное, злое существо, но также вѣчное и безсмысленное Юмѣ,

только меньшій братъ его. По понятіямъ черемисъ, Кереметь былъ прежде такимъ же добрымъ существомъ, какъ и Юма, которому онъ долженъ былъ повиноваться; но за гордость и непослушаніе Юма свергнулъ его съ небесъ.

Впрочемъ, черемисскія вѣрованія не даютъ яснаго понятія о бogaхъ ихъ, и самое происхожденіе Кереметя и отношенія добраго начала къ злему какъ-то неясны и объясняются у нихъ различно. Такъ, по одному преданію, Кереметь появился на свѣтъ только предъ началомъ міра и Юма сотворилъ его во гнѣвѣ своемъ. Когда не было еще ни неба, ни земли, а была только одна вода, Юма плавалъ на поверхности ея, сидя на бревнѣ, и задумалъ разъ сотворить міръ и человѣка. Но ему не съ кѣмъ было посоветываться объ этомъ дѣлѣ, отчего ему стало скучно, и онъ плюнулъ съ досады въ воду. Изъ слюны его, на томъ мѣстѣ, куда она попала, образовалась высокая волна, которая сама собою подкатилась къ Юмѣ, и изъ нея вышелъ Кереметь, въ видѣ селезня, и спросилъ Юма, не хочетъ ли онъ имѣть его своимъ братомъ? Юма не согласился назвать Кереметя братомъ, а предложилъ ему быть лишь товарищемъ. Сильно желая сотворить сушу, Юма тутъ же приказалъ Кереметю-селезню нырнуть въ воду и достать изъ подъ нея земли, что тотъ и исполнилъ. Но, обидѣвшись на то, что его не хотѣли признать братомъ, Кереметь захотѣлъ самъ сдѣлать тоже, что и Юма, т. е. сотворить изъ принесенной земли сушу; но, не будучи равенъ Юмѣ силами, успѣлъ только исказить его твореніе. Нырнувши въ воду, Кереметь-селезень набралъ въ ротъ земли и отдалъ Юмѣ лишь часть ея, а остальную утаилъ у себя во рту. Когда Юма дунулъ на полученную частичку земли, то надъ водою распростерлась гладъ и сушь, а Кереметь въ это время сталъ выплевывать на сушу оставшуюся во рту землю, отчего образовались на ней горы и овраги. Послѣ этого Юма началъ творить человѣка, а Кереметь, изъ зависти къ товарищу, сталъ мѣшать ему. Однакоже Юма добился своего, и когда тѣло человѣка

было уже готово, то приставилъ къ нему для караула собаку, которая въ то время была совершенно голая, безъ шерсти; самъ же отправился на небо за душою. Тѣмъ временемъ Кереметь, желая испортить новое твореніе Юма, подошелъ къ сотворенному тѣлу и сталъ уговаривать собаку подпустить его поближе къ нему, общая ей за это шубу отъ холода и непогоды, и для большей убѣдительности своихъ увѣщаній, напустилъ на нее вѣтру и морозу. Голая собака по необходимости согласилась на предложеніе Кереметя, и получила за это шубу. Кереметь же, подойдя къ тѣлу человѣка, охаркалъ его и тѣмъ положилъ зародышъ болѣзнямъ и безобразію людей. Когда Юма вернулся назадъ съ душою, то нашелъ свое дѣло испорченнымъ и долженъ былъ выворотить сотворенное тѣло на изнанку, отчего внутренность человѣка и понинѣ остается поганкою. Послѣ этого Юма, за гордость и неповиновеніе Кереметя, свергнулъ его съ небесъ.

По другой черемисской легендѣ, причина гнѣва Юмы на Кереметя объясняется нѣсколько иначе. По понятіямъ черемисъ, кромѣ Юмы для различныхъ народовъ существуютъ и разные боги, которые часто враждуютъ между собою. Разъ Юма разсердился на задорныхъ боговъ и потребовалъ ихъ къ себѣ на судъ. Русскій богъ явился первымъ и оправдался. За нимъ пришелъ татарскій богъ, и, сваливши вину на другихъ, также вышелъ правымъ. Черемисскій же богъ — Кереметь, оставшись послѣднимъ, не хотѣлъ идти къ Юмѣ оправдываться, за что тотъ разсердился на него, прогналъ съ неба и велѣлъ жить въ лѣсахъ.

Происхожденіе же своей вѣры въ Кереметя и служеніе ему черемисы объясняютъ такъ: когда люди размножились, то Юма сталъ раздавать имъ вѣру, для чего созвалъ къ себѣ вѣхъ родоначальниковъ. Пошелъ къ нему и черемисскій старшина; но на дорогѣ попался ему Кереметь, который нарочно вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и до того оба заболтались, что черемисъ пришелъ къ Юмѣ въ шапоч-

ному разбору. Озадаченный и испуганный этимъ, онъ спросилъ Юму, кому же ему кланяться, и получилъ въ отвѣтъ: за то, что забылъ мое приказаніе и болталъ въ это время опустыяхъ, кланяйся Кереметю. Послѣдній, услыхавъ это, тотчасъ же слетѣлъ съ обреза и предложилъ черемису свои услуги.

По представленіямъ черемисъ, Кереметь самое коварное, злое и страшное существо. Они считаютъ его причиною всякаго зла, впрочемъ только физическаго, а не нравственнаго, о которомъ они не имѣютъ понятія. Заболѣлъ черемисъ, — значитъ «Кереметь схватилъ»; падеть скотина, это — Кереметь ее душилъ; случится неурожай, — опять Кереметь виноватъ, и проч. Поэтому черемисъ, при каждомъ несчастіи, всегда спрашивается, не Кереметь-ли устроилъ ему бѣду? Вообще Кереметь, по ихъ понятіямъ, есть начало разрушенія и смерти; онъ и живетъ большею частію около старыхъ деревьевъ и пней въ лѣсу.

Вредить людямъ онъ можетъ безпрепятственно и невозбранно. Въ этомъ ему никто не мѣшаетъ. Юма — представитель добраго начала — не вмѣшивается въ дѣла Кереметя и не ведетъ съ нимъ борьбы. Нестѣсняемый ничѣмъ и ничѣмъ, Кереметь можетъ причинить страшный вредъ человѣку, и потому вліяніе его на воображеніе черемисъ — весьма сильное. «Кереметь больна сердита: она корцытъ, морить су скотина и домъ копчаеъ». Страхъ предъ Кереметемъ до того вооренился въ нѣкоторыхъ, что при одномъ только представленіи его присутствія и гнѣва, съ ними дѣлаются совершенно естественные, вовсе не напускные припадки, подергиванія лица и. т. под. Черемисъ, проходя мимо роши, посвященной Кереметю, прибавляетъ шагу и потупляетъ глаза въ землю.

Подобно Юмѣ, черемисы и Кереметя представляютъ въ образѣ человѣческомъ и, согласно своимъ житейскимъ понятіямъ, воображаютъ его въ видѣ какаго нибудь провинціального начальства, въ родѣ становаго. Онъ щеголяетъ, по ихъ мнѣнію, въ зеленомъ кам-

золѣ и красной шапкѣ и развѣзаетъ по своей дистанціи въ серебряной колесницѣ, на тройкѣ воронихъ. Къ усерднымъ черемисамъ заворачиваетъ иногда въ избу, но не чрезъ ворота, а въ трубу, и тутъ проситъ его оставить на время колесницу въ домѣ. Когда Кереметь проходитъ по лѣсу, то деревья вланыются ему до земли, птицы поютъ ему пѣсни, а дикіе звѣри со страхомъ разступаются передъ нимъ.

Главный богъ имѣетъ у себя множество помощниковъ, завѣдующихъ каждый своею специальною частью въ управленіи міромъ. Старшимъ помощникомъ его считается *Сандамыкамъ-кучень-урдаша* управляющій вселенною. Второй помощникъ Юмы *Пилвоильяль-Юма*, богъ неба, управляющій ветрами и облаками. За нимъ слѣдуютъ разные другіе боги. Есть множество еще болѣе мелкихъ боговъ, какъ-то: богъ моря, богъ вѣтровъ (охотникъ выпить), богъ скота, мороза, цвѣтовъ, правосудія и даже молока, и проч.

Каждый изъ второстепенныхъ боговъ имѣетъ по два помощника: *сакча*,— докладчикъ черемисскихъ просьбъ и молитвъ, и *пурякша*,— раздавателя божеской помощи черемисамъ по ихъ молитвамъ. Нѣкоторые изъ черемисъ этимъ послѣднимъ божествамъ даютъ названія болѣе отвѣчающія житейскимъ понятіямъ: одного называютъ *поваромъ*, а другаго—*ямыкымъ*.

Богъ зла — Кереметь — также имѣетъ у себя несмѣтное число помощниковъ, которые состояли при немъ еще въ то время, когда онъ былъ добрымъ существомъ и жилъ на небѣ. Онъ былъ свергнутъ оттуда со всею своею семьей и слугами. При этомъ-то сверженіи нѣкоторые изъ семьи Керемети упали на гору; другіе въ лѣса, болота, овраги, рѣки и въ разные урочища, вслѣдствіе чего появились второстепенные Керемети, подъ названіемъ *шайтановъ* и *водышей*— злыхъ духовъ, которые поставлены въ подчиненіе главному Керемету, такъ какъ онъ хозяйничаетъ на землѣ.

Въ водышей—слугъ его—могутъ обращаться по смерти и злые люди.

Почти о каждомъ изъ боговъ у черемисъ существуетъ, обыкновенно, какая нибудь легенда, объясняющая или происхожденіе бога, или его свойства и качества, или его названіе и. т. под.

Почти всѣ черемисы, даже некрещенные, особенно почитаютъ нѣкоторыхъ изъ христіанскихъ святыхъ. Такъ святаго Николая они называютъ *Миколь-Юма*, считая его богомъ свѣта, вѣроятно потому, что видятъ около иконъ его много зажженныхъ свѣчей; а нѣкоторые молятся какой-то *Кузьмъ-деннъ* — кузинной теткѣ, покровительницѣ полевыхъ работъ, вѣроятно получившей свое названіе отъ христіанскихъ именъ—Кузьмы и Дамьяна. Государя и Государыню черемисы также обоготворяютъ, называя ихъ: *Кружанъ-Юма* и *Кугужанъ-Юманъ-авожа* и признавая также пророка ихъ — *Кугужанъ-юманъ-пильбара*.

Черемисы вѣруютъ въ будущую загробную жизнь; но о раѣ понятія не имѣютъ. Вѣрятъ только, что по смерти они должны явиться на судъ къ адскому судѣ *Кіяматъ-торе*, который заставитъ ихъ проходить по тонкихъ жердочкамъ, проложеннымъ надъ кипящею въ котлѣ смолою. Не сдѣлавшій зла на семь свѣтъ пройдетъ свободно, а злодѣй непремѣнно поскользнется, свалится въ котелъ и будетъ терпѣть страшную муку.

Жертвоприношенія богамъ у черемисъ совершаются очень часто и почти всегда изъ практическихъ расчетовъ. По понятіямъ черемисъ, доброе божество дѣлается злымъ, если ему не принести жертву. Злому-же богу и подавно нужно приносить жертву, чтобы отвлечь отъ себя его злобу. Дѣло въ томъ, что какъ злые, такъ и добрые боги имѣютъ тѣ-же потребности, какъ и люди, а удовлетворить этимъ потребностямъ на небѣ—нечѣмъ. Поэтому всѣ боги постоянно нуждаются во всякой пищѣ, въ пивѣ, винѣ, пуждаются въ одеждѣ, скотинѣ, въ лошадяхъ для ѣзды и проч. Поѣздки у боговъ

частыя и дальнія: тамъ нужно исправить, здѣсь пособить, въ другомъ мѣстѣ наказать кого-нибудь, вездѣ нужны глаза... Когда долго не бываетъ дождя, или случится что-нибудь въ этомъ родѣ,—черемисы говорятъ, что у котораго-нибудь Юмы коней не стало, всѣ изъѣздили или ноги себѣ ишарвали, что, слѣдовательно, нужно принести ему жертву изъ коней. Если-же эта жертва не будетъ принесена, то богъ непремѣнно будетъ раздраженъ и постарается причинить вредъ человѣку, все равно — злой этотъ богъ или добрый. Поэтому черемисы выбиваются изъ силъ, чтобы быть какъ можно аккуратнѣе въ отбываніи небесныхъ повинностей и не медлить долго съ жертвами.

Почти для каждаго бога опредѣлена у нихъ особая жертва. Такъ, самому Юмѣ они приносятъ жеребенка, преимущественно бѣлаго. Главному его помощнику — жеребца; остальнымъ помощникамъ — по лошади; матерямъ — по коровѣ; болѣе мелкимъ богамъ — по гусю или утѣ; нѣкоторымъ-же богамъ приносятъ плоды, лепешки, воду и т. п.

Главныя заботы устремлены, разумѣется, на умилостивленіе злыхъ боговъ и преимущественно Кереметя. Черемисъ разбираетъ каждый свой шагъ, чтобы не обидѣть это опасное божество, толкуетъ каждый свой сонъ, каждую примѣту, совѣтуется со своими знахарями, чтобы только узнать, чѣмъ можно угодить Кереметю, какую жертву принести ему. Обожаніе Кереметя и составляетъ сущность всей ихъ религіи.

Кереметь принимаетъ въ жертву все, за исключеніемъ пѣгихъ животныхъ и свиней, которыхъ почему-то не долюбиваетъ.

Жертвы ему вообще обходятся дорого. Отъ него рѣдко можно отдѣлаться пивомъ, водкою или нѣсколькими лепешками. Онъ требуетъ по большей части лошади или коровы, а овецъ по нѣскольку штукъ за разъ. Вотъ какая жертва необходима въ крайнихъ случаяхъ этому злему богу: двѣ лошади, двѣ бычачьихъ головы, два барана,

четыре селезня и двѣ утки, шесть восковыхъ свѣчей, шесть ватрушекъ, шесть орѣховъ, двѣнадцать стерлядей, полштофъ сладкой водки и полштофъ простой, непремѣнно за печатью, а то Кереметь не приметъ,—такъ что жертва Кереметю обходится иногда одному черемису (отдѣльно взятому) рублей въ 50.

Назначеніе жертвы и исполненіе самаго обряда жертвоприношенія зависятъ отъ выборныхъ старшинъ, называемыхъ — *картами*, а у горныхъ черемисъ — *мужанами*. Карты — это представители божества, играющіе роль жрецовъ или священниковъ. Они назначаютъ родъ жертвы, читаютъ молитву на общественныхъ моленіяхъ, закалываютъ жертвенныхъ животныхъ, совершаютъ у некрещенныхъ черемисовъ браки и похороны, толкуютъ сны, гадаютъ и предсказываютъ удачи и неудачи. Карты получаютъ свое званіе не по наследству, а по выбору. На ихъ должность выбираются старики лѣтъ подлѣ 60, отличающіеся опытностью и знаніемъ всѣхъ религіозныхъ вѣрованій, примѣтъ, обрядовъ, таинственныхъ дѣйствій, симпатическихъ средствъ отъ болѣзней и т. п. Строгая, степенная жизнь также должна составлять ихъ достоинство. Кромѣ того, картъ долженъ быть ловокъ, находчивъ, боекъ на языкъ, умѣть и наружностью, и поступками, и рѣчью озадачивать толпу и внушать въ себѣ безграничное довѣріе.

Выбранный картъ и по одеждѣ отличается отъ прочихъ черемисъ. Онъ надѣваетъ бѣлый длинный балахонъ, безъ сборовъ, съ красною нашивкою на груди изъ кумача, а назадъ — съ черною изъ сукна, вершка въ три шириною и четверти въ полторы длиною. На голову надѣваетъ высокую молитвенную шапку изъ бересты, въ рукахъ держитъ рябиновый посохъ, составляющій необходимую его принадлежность.

Онъ входитъ въ близкія сношенія съ божествомъ и потому имѣетъ возможность въ точности знать его волю и желанія, а слѣдовательно можетъ также безошибочно опредѣлить, какой оно требуетъ себѣ

МОРДВА, ЧУВАШИ, ЧЕРЕМИСЫ.

ЗЫРЯНЕ.

жертвы. Свои откровения отъ боговъ получаетъ большею частью посредствомъ вѣщихъ сновъ, вѣра въ которые очень сильно развита между черемисами. Иногда-же онъ прибѣгаетъ для узнанія воли божества къ гаданію. Беретъ 40 или больше камушковъ, ставитъ ихъ кучками или дѣлаетъ изъ нихъ дорожки, и по этимъ кучкамъ и дорожкамъ объясняетъ пришедшему пути къ тому или другому божеству, распредѣляя въ удобность ему разныя жертвы, или опускаетъ въ чашку, наполненную водою, мѣдныя или серебряныя монеты, и объясняетъ черемису, безмолвно слушающему, какая жертва угодна извѣстному богу. Особенно проницательныя карты гадаютъ, въ этомъ случаѣ, на полушкѣ, стертой съ обѣихъ сторонъ и, по ихъ увѣренію, ниспосланной съ неба. Полушку эту кладутъ на столъ и начинаютъ читать какъ по писанному. Въ новолуніе эти гадатели бѣснуются и входятъ уже въ непосредственныя сношенія съ богами.

Черемисы цѣнуютъ безусловную вѣру во всемогущую силу своего карта. Если карта обидѣтъ, то онъ можетъ испортить всякаго. Онъ возьметъ у человѣка, на котораго сердитъ, какую-нибудь вещь, лоскутъ отъ одежды, онучу, лапотъ, что попадется ему подъ руку, и снесетъ въ лѣсъ; тамъ заткнетъ эту вещь въ дупло дерева, гдѣ живетъ Кереметь, или закопаетъ въ землю, и человѣкъ начнетъ хворать, мучиться и чахнуть, такъ и изведется, если не умолитъ карта помочь ему или снять съ него порчу. На основаніи этой увѣренности въ чародѣйной силѣ картовъ, черемисы оказываютъ имъ безграничное уваженіе и исполняютъ безпрекословно, хотя и не съ особенною точностью, всѣ ихъ произвольныя назначенія жертвъ.

Мѣстомъ для жертвоприношеній служатъ небольшія липовыя, дубовыя или березовыя рощи, называемыя *кюстами*, которыхъ почти при каждомъ черемисскомъ селеніи имѣется обыкновенно до четырехъ. Роши эти посвящаются разнымъ богамъ и на разные случаи жизни, и всѣ содержатся съ особенною заботливостью и постоянно

въ исправности, и въ чистотѣ, и почитаются священнымъ и неприкосновеннымъ мѣстомъ. Никто не смѣетъ срубить тамъ даже сучья съ дерева. Если кто-нибудь изъ шалости срубить въ кюсотѣ липу или березку, то черемисы сосѣдней деревни тотчасъ-же собираются въ этой рошѣ, приносятъ съ собою живаго гуся или утку, вырѣзываютъ у ней задъ и замучиваютъ ее до смерти. Ошпиавши перья, кладутъ ее въ котель, поварятъ немного, потомъ вынутъ и вмѣстѣ съ прѣсными лепешками бросятъ въ огонь. Сами-же встанутъ на колѣна и произносятъ проклятіе на того, кто испортилъ рошу, говоря: «кто срубилъ то дерево, того найди и предай смерти, какъ эту утку или гуся»,—и затѣмъ расходятся по домамъ. Иноплеменники могутъ посѣщать кюсоты только съ нѣкоторыми предосторожностями. Если случится по какой-нибудь надобности быть въ подобной рошѣ русскому, то онъ долженъ одѣться въ черемисское платье, чтобы Кереметь не могъ узнать его и отличить отъ черемиса, иначе всѣ присутствующіе закричатъ пришедшему: «Не ходи сюда, бачка, мришь; эта нашъ вѣра». Разговоръ на русскомъ языкѣ также считается великимъ грѣхомъ; поэтому черемисъ, подходя къ кюсоту, старается еще издали заговорить по-черемисски, чтобы Кереметь зналъ уже, что идетъ свой человѣкъ.

Жертвоприношенія бываютъ общественныя и частныя. Общественныя — имѣютъ своимъ предметомъ: урожай, народное здравіе, охраненіе деревень отъ пожаровъ, отъ скотскаго падежа и т. п. случаи, касающіеся цѣлаго общества или даже всего черемисскаго народа. На эти моленія сходятся въ одинъ кюсотъ жители всей деревни или же обитатели нѣсколькихъ селеній, даже уѣздовъ, хотя-бы разныхъ губерній, какъ напримѣръ — изъ смежныхъ уѣздовъ Вятской и Казанской губерній. Въ послѣднемъ случаѣ въ одинъ кюсотъ набирается отъ двухъ до пяти тысячъ человѣкъ. Но такія многочисленныя собранія черемисовъ бываютъ, обыкновенно, не болѣе одного раза въ годъ, а иногда даже чрезъ два, три или четыре года. Боль-

шею-же частью на общественныхъ моленіяхъ присутствуютъ только жители двухъ или трехъ сосѣднихъ деревень.

Обряды и обычаи при общественныхъ жертвоприношеніяхъ заключаются въ слѣдующемъ: за недѣлю или за двѣ до моленія сходятся всѣ старики изъ нѣсколькихъ селеній въ одно, гдѣ уговариваются между собою объ общемъ жертвоприношеніи. Выбираютъ изъ среды себя картовъ и назначаютъ время и рошу, куда долженъ собраться народъ для моленія. Выбравшимъ картамъ даются деревянные значки или *бирки*, на которыхъ посредствомъ зарубокъ обозначается потребное количество съ каждаго селенія рогатаго скота, лошадей и проч. для принесенія въ жертву. Эти бирки передаются изъ одного селенія въ другое такъ скрытно, чтобы русскіе не узнали. Тамъ бирки переходятъ къ особымъ сборщикамъ, которые собираютъ по нимъ деньги, каждый съ своего селенія, на покупку скота для жертвы.

Въ назначенный день, и непременно въ пятницу, какъ день праздничный у черемисъ, они снова сходятся изъ разныхъ селеній въ избранное мѣсто и приводятъ съ собою на продажу скотъ и птицъ. При покупке дѣлается испытаніе скотинъ: льютъ на спину ей холодную воду, и если при этомъ животное вздрогнетъ, то его тотчасъ покупаютъ; если-же нѣтъ, то оставляютъ въ сторонѣ, какъ неприятное богомъ.

Когда животныя уже накуплены въ потребномъ числѣ, тогда начинають приготсвляться къ самому обряду жертвоприношенія. Въ назначенный для моленія день, съ утра, каждый черемисъ надѣваетъ чистое бѣлье, лучшій кафтанъ и новыя лапти, берестовый колпакъ, беретъ съ собою палку, восковую свѣчу и сумку съ тремя овсяными лепешками, съ чашкою и ложкою, и отправляется на моленіе въ кюсотъ. Туда-же идутъ и карты и приводятъ съ собою жертвенныхъ животныхъ. На послѣднихъ надѣваютъ личные уздечки и привязываютъ каждое къ завѣтному дереву — дубу или березѣ. Во время

самыхъ многочисленныхъ собраній, случающихся черезъ годъ или рѣже, въ кюсотъ на всеобщее моленіе приводится огромное количество жертвеннаго скота: головъ 80 однѣхъ лошадей, 50 — коровъ, 100 — быковъ и телятъ, 150 — барановъ, 300 утокъ и проч. На обыкновенное-же общественное моленіе, самыхъ крупныхъ животныхъ приводятъ только по одной головѣ, болѣе мелкихъ — по парѣ, самыхъ-же мелкихъ — по двѣ пары и больше.

Размѣстивъ животныхъ подъ завѣтными деревьями, карты разстилаютъ посреди кюсота бѣлую кошму, на которую ставятъ буракъ пива, каравай хлѣба, нѣсколько кучекъ овсяныхъ лепешекъ и другіе съѣстные припасы, и предъ каждымъ изъ этихъ предметовъ зажигаютъ восковыя свѣчи.

Публика становится предъ кошмою, лицомъ къ востоку. Женщины обыкновенно не принимаютъ прямого участія въ моленіи, а могутъ присутствовать лишь сбоку, въ качествѣ благоговѣйныхъ свидѣтельницахъ высокой набожности своихъ мужей.

Когда все готово, карты надѣваетъ шапку и произноситъ слѣдующую молитву во всеуслышаніе: «Большой хлѣбъ, мірское пиво приготовлены; золотая свѣча зажжена; подъ деревомъ предъ тобою стоитъ лошадь жемчужной шерсти, на шелковую узду пойманная, съ которой стороны тебѣ поставили ее, съ той съ удовольствіемъ потрепи ее и невозвратно прими».

По прочтеніи этой молитвы, карты, а за нимъ и всѣ присутствующіе — обливаютъ каждое животное, начиная отъ головы до хвоста, холодною водою, приговаривая: «встрепли скотину». Если животное при этомъ вздрагиваетъ, то его, какъ угодное Юму, тотчасъ же кладутъ на землю, закалываютъ ножомъ, кровь выпускаютъ въ чашку изъ которой карты кропятъ завѣтное дерево, трижды говоря: «на, возьми золотую кровь!»

Затѣмъ, разводять нѣсколько костровъ, изъ которыхъ каждый посвящается особому богу; надъ кострами вѣшаютъ котлы, въ ко-

торыхъ варятъ жертвенныхъ животныхъ. Въ это время всѣ присутствующіе произносятъ молитву, призывая Юму по разному, смотря по тому, какъ кому укажетъ картъ. Одинъ бормочетъ: «Сотня-когб-Юма, сотня-ханъ-кого Юма, сотня-пудерша!» А другой: «Тэмень-кого - Юма, тэмень - ханъ - кого - Юма, тэмень - пудерша!» и т. д. «Дай намъ богатство, славу, честь, здоровье, намъ и скоту, обиліе во всемъ, веселье и радость, чтобы намъ жить въ довольствѣ, играть и смѣяться».

Сваривши мясо, часть его брасаютъ въ огонь, говоря: «Прими любезно!» послѣ чего картъ три раза обходитъ вокругъ огня, постукивая при этомъ обухомъ ножа объ обухъ топора. Всѣ присутствующіе становятся на колѣни. Тогда главный картъ кладетъ ножъ и топоръ, и произноситъ слѣдующую молитву: «Кто богу принесъ жертву, тому спасеніе дай. Родившимся дѣтямъ—въ хлѣбѣ, пчелахъ, скотѣ и въ деньгахъ — счастье дай. Чтобы пчелы въ новый годъ рой пускали, а когда рой пустятъ, то и въ меду спорыше дай. Птицъ и звѣрей ловить—счастье дай. Дай богъ счастье взять тройную цѣну за товаръ. Всѣ совровища, какія есть на землѣ и во всемъ свѣтѣ, получить счастье дай. Помоги, боже, государственныя подати заплатить. Когда придетъ весенняя пора, трехъ сортовъ скотину въ три дороги выпустить помоги; отъ глубокой грязи, медвѣдей, волковъ и отъ воровъ ее помилуй. Какъ хмѣль пухлявъ и полонъ, такъ насъ жить сподоби и здравіемъ награди. Какъ воскъ ровно садится, такъ намъ постоянно жить счастье даруй».

Въ молитву эту часто вставляется слово «аминь». Кромѣ того, въ ней поименовывается иногда подробно, чего и сколько именно просить у бога: столько-то ржи, столько-то овса, ячменя, лошадокъ, коровъ, овецъ и проч.

По окончаніи молитвы всѣ присутствующіе пьютъ и ѣдятъ до отвала, а остатки дѣлятъ между собою поровну и уносятъ домой.

Частныя жертвоприношенія совершаются въ особыхъ кюсотахъ,

отдѣльными семьями или частнымъ лицомъ по случаю какого-нибудь семейнаго несчастья, болѣзни и т. п. Обряды при этомъ соблюдаются тѣ же, что и при общественныхъ жертвоприношеніяхъ, съ тою лишь разницею, что здѣсь молятся одному какому-нибудь богу и въ жертву приносится одно какое-нибудь животное, или совсѣмъ мелкіе предметы, какъ напримѣръ: мука, кости, яйца, перья и проч.

Особенно часто приносятся жертвы по причинѣ болѣзни, и не только въ кюсотахъ, но и на дому. Въ случаѣ болѣзни, черемисъ посылаетъ кого-нибудь изъ домашнихъ къ карту — узнать, кто его мучитъ: *Чумбулатъ* или *Кереметь*? Картъ, послѣ исполненія различныхъ фокусовъ и хитростей, говоритъ посланному, что больнаго мучитъ такой-то злой богъ. Посланный возвращается къ больному, затапливаетъ печку, приноситъ въ ковшѣ ржаной муки и бросаетъ въ огонь три щепотки ея; потомъ обращается къ помощнику злаго бога и говоритъ ему: «*Тулбодымъ-толмазе*, у тебя ноги долги, самъ ты тоненькій, языкъ у тебя бойкій, поди скорѣе къ Кереметю и скажи ему, что я обѣщалъ ему принести въ жертву лошадь, шамбару-корову, ширту-барана, а тебѣ — теленка». Затѣмъ, оставшюся въ ковшѣ муку ставитъ въ кѣтъ — въ такое мѣсто, гдѣ бы никто ее не шевелилъ; это въ знакъ того, что данное Кереметю обѣщаніе непременно будетъ исполнено. Если больной вскорѣ послѣ того выздоровѣетъ, то дѣйствительно приноситъ Кереметю обѣщанную жертву; если же невыздоровѣетъ, то родственники больнаго выводятъ лошадь на середину двора, и какъ бы поддразнивая ея Кереметя, подтверждаетъ свое обѣщаніе принести ее ему въ жертву, если только онъ постарается прекратить болѣзнь, и затѣмъ уводятъ лошадь обратно въ конюшню. Но когда болѣзнь и послѣ этой уловки долго не проходитъ, то варятъ пиво, сзываютъ сосѣдей, берутъ съ собою лошадь, и отправляются всѣ вмѣстѣ въ кюсотъ, гдѣ совершаютъ вышеописанный обрядъ жертвоприношенія.

Случается, что родственники больнаго, не смотря на все свое же-

ланіе поскорѣ помочь ему, по бѣдности, долго не могутъ пріобрѣсти обѣщанное Кереметю животное. Тогда они кладутъ въ кюсотѣ въ залогъ свои сошники, косы, топоры, серпы и тому подобныя необходимыя въ хозяйствѣ предметы, чтобы Кереметь былъ совершенно спокоенъ насчетъ исполненія даннаго ему обѣщанія. Другія дѣлаютъ иначе: разводятъ въ печкѣ огонь, накалываютъ топоръ и потомъ втыкаютъ его въ верхній уголь избы, а больному кладутъ въ руку серебряную монету, цѣлковый или полтинникъ, и, обращаясь къ злomu богу, приговариваютъ: «На тебѣ—жди пожалуйста». Послѣ этого, бѣдный черемисъ озабачивается скорѣйшимъ пріисканіемъ лошадки, хотя бы подешевле; случается, что и украдетъ, или купитъ за безцѣноу хвораго жеребенка. Кереметь не слишкомъ разборчивъ въ этомъ случаѣ, лишь бы жертва хотя немного походила на лошадь. Если же черемисъ не можетъ пріобрѣсти и такой скотины, то приноситъ въ жертву Кереметю живаго зайца, говоря: «Вотъ тебѣ моя маленькая лошадка!» Еще чаще случается, что бѣдняки, во избѣжаніе лишннихъ расходовъ, приносятъ ему въ жертву вмѣсто настоящихъ лошадей—сахарныхъ коньковъ, рассчитывая въ этомъ случаѣ на разсѣянность Кереметя. Производствомъ подобныхъ пріаниковъ, изображающихъ различныхъ животныхъ и называемыхъ *аргамаками*, черемисы занимаются съ упомянутою цѣлью весьма усердно.

Въ случаѣ появленія на дѣтяхъ оспы совершается особый обрядъ жертвоприношенія. Черемисъ покупаетъ три небольшія рыбки, печетъ три небольшія ржанна лепешки, несетъ въ куду, гдѣ варитъ все это въ котлѣ, и, вынувъ изъ него, кладетъ по рыбкѣ на каждую лепешку, обѣщая одну *оспенному старику*, другую — *оспенной старушкѣ*, а третью—*оспенному писарю*. Изъ рыбъ вынимаетъ внутренности и перья, и бросаетъ послѣднія въ огонь. Затѣмъ хозяинъ дома говоритъ: «Оспенный старикъ, оспенная старушка и оспенный писарь! вы пришли въ мои ребята, дѣлайте свое дѣло,

только не сдѣлайте имъ вреда. Я никогда васъ не забуду!» Затѣмъ рыбу съ лепешками съѣдаетъ все семейство.

Вообще жертвоприношенія у черемисъ весьма часты и совершаются по поводу почти всякаго мелкаго случая. Они куска не съѣдятъ безъ того, чтобы не принести какой нибудь жертвы тому или другому богу. Гдѣ бы черемисъ ни находился, въ дорогѣ ли, дома ли, въ лѣсу ли, на гумнѣ ли, онъ на всякомъ мѣстѣ, предъ вкушеніемъ пищи, непременно отломитъ часть ея и броситъ на землю, и, отливъ туда-же немного пива, скажетъ: «смля!»—затѣмъ уже начнетъ ѣсть самъ. Слово «смля» означаетъ приблизительно тоже, что и русское «господи, благослови». «Смля» произносится почти предъ каждымъ глоткомъ и сопровождается бросаньемъ кусочка пищи, или отливаніемъ пива—въ честь какого нибудь бога.

Праздники и обряды.

Жертвоприношенія, какъ общественныя, такъ и частныя, совершаются главнымъ образомъ по случаю праздниковъ, которыхъ у черемисъ насчитывается очень много. Наибольше популярнымъ недѣльнымъ праздникомъ считается у нихъ, какъ и у всѣхъ восточныхъ народовъ, пятница—*кагарня*. День этотъ, кромѣ исполненія обыкновеннаго обряда жертвоприношенія, ознаменовывается еще пирушками и попойками. Работать же въ пятницу черемисы считаютъ за большой грѣхъ. Даже сѣно лошадямъ и прочему скоту не даютъ руками, а стелгаютъ ногами; женщины также не топятъ печей и подаютъ всякое кушанье холоднымъ.

Годовые черемискіе праздники справляются также по пятницамъ, хотя бы они по настоящему-то приходились немного позже или раньше этого дня. Одинъ изъ такихъ праздниковъ происходитъ весною, предъ посѣвомъ хлѣбовъ и называется *Ага-Паремъ*. Онъ

собственно продолжается три дня, но такъ, чтобы главный средній день приходился все-таки на пятницу. Празднованіе начинается такимъ образомъ съ четверга. Наваривъ предварительно пива и приготовивъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ, черемисы идутъ въ этотъ день сперва въ баню, гдѣ моются и надѣваютъ чистое бѣлье, затѣмъ все черемисское населеніе выходитъ на яровое поле, обставляетъ его восковыми свѣчами, раскладываетъ по немъ съѣстные припасы и разводитъ тутъ же нѣсколько костровъ. Послѣ этого совершаютъ обрядъ общественнаго моленія, по окончаніи котораго всѣ присутствующіе принимаются угощать другъ друга и веселиться, забавляясь разными играми. Между прочимъ, черемисы любятъ разыгрывать при этомъ импровизированныя комедіи, въ которыхъ представляютъ исправника, судью, становаго и прочихъ извѣстныхъ имъ провинціальныхъ властей, а также воровъ, пьяницъ и тому подобныхъ личностей, которыхъ упомянутыя власти тащатъ въ судъ и судятъ, затѣмъ приводятъ въ исполненіе свой приговоръ и, шутя, наказываютъ виновнаго. Другіе черемисы, не участвующіе въ представленіи, смотрятъ и радуются отъ души, изъявляя свое удовольствіе громкимъ задушевымъ хохотомъ. Наигравшись, напившись и наѣвшись вдоволь, расходятся по домамъ, унося съ собою остатки съѣстныхъ припасовъ. На другой день всѣ собираются пировать въ карту, а на третій день картъ самъ ходитъ пировать по всѣмъ домамъ. Этимъ праздникъ заканчивается.

Самый большой черемисскій праздникъ, извѣстный подъ названіемъ — *сюремъ*, празднуется около Петрова дня. Начинается онъ изгнаніемъ шайтана изъ всѣхъ черемисскихъ селеній. Обычай этотъ исполняется собственно наканунѣ праздника, въ четвергъ. Въ этотъ день, съ утра, всѣ идутъ въ баню, потомъ надѣваютъ чистое бѣлье и новое платье; затѣмъ всѣ черемисы, живущіе близъ назначеннаго для всеобщаго моленія кюсота, собираются верхами на лошадяхъ въ одно какое нибудь селеніе, заходятъ съ конца его, и съ шумомъ,

въ страшномъ изступленіи, какъ бы опоенные опиумомъ, начинаютъ бить рябиновыми палками по стѣнамъ крайней избы, и при этомъ кричатъ что есть силы, надѣясь заставить шайтана очистить осажденный ими дворъ. По окончаніи этой продѣлки, заходятъ въ избу, отдыхаютъ, съѣдаютъ и вышиваютъ заранѣе приготовленное имъ угощеніе, и отправляются къ слѣдующей избѣ, гдѣ повторяютъ все вышесказанное, затѣмъ идутъ къ третьей и т. д., пока не обойдутъ всей деревни. Изъ нея уѣзжаютъ въ сосѣднее селеніе и тамъ, соединившись съ его жителями, продѣлываютъ то же самое. Выпроводивъ, такимъ образомъ, шайтана изъ своихъ деревень, черемисы раскладываютъ гдѣ нибудь въ полѣ костеръ, молятся ему и потомъ перепрыгиваютъ черезъ него, отряхая одежду, чтобы выжить изъ нея нечистую силу. Послѣ этого берутъ изъ костра горящую головню и втыкаютъ ее въ землю, воображая, что пронзаютъ ею сердце шайтана. Затѣмъ бросаютъ на деревья яица, думая этимъ удовлетворить надолго злаго *сюрема*, т. е. шайтана, такъ чтобы ему уже не зачѣмъ было возвращаться въ деревню. Если при этомъ лицо ударится въ вершину дерева, то полагаютъ, что жертва дѣйствительно принята. По окончаніи всѣхъ подобныхъ продѣлокъ, расходятся по домамъ, и пируютъ на радостяхъ, что всѣ шайтаны прогнаны.

На другое утро идутъ въ кюсотъ на всеобщее моленіе, въ которомъ, какъ уже было сказано, участвуютъ одновременно жители нѣсколькихъ деревень и даже нѣсколькихъ уѣздовъ. По окончаніи моленія начинаютъ угощать другъ друга, что также было упомянуто, жертвеннымъ мясомъ и другими съѣстными припасами, а также пивомъ и водкою. Ѣдятъ въ этомъ случаѣ чрезвычайно скоро, будучи увѣрены, что тотъ, кто скорѣе поѣсть, скорѣе всѣхъ управится и съ сѣнокосомъ. Попировавъ въ кюсотѣ вдоволь, расходятся подъ вечеръ по домамъ.

На слѣдующій день запрягаютъ лошадей въ кибитки и телѣги, берутъ съ собою напитоковъ и съѣстныхъ припасовъ, и ѣдутъ въ по-

ле, на дугъ. Совершивши тамъ обычный обрядъ моленія, начинаютъ справлять праздникъ *сабантуй*, состоящій главнымъ образомъ въ свачкѣ на лошадяхъ. Отличившіеся при этомъ особеннымъ удалствомъ, получаютъ въ награду отъ молодыхъ женщинъ носовые платки. Праздникъ этотъ продолжается еще дня два или три.

До окончанія полевыхъ работъ справляютъ праздникъ — *У-ну-гумуиз* — «новая каша». Приготовивъ, по обыкновенію, пива и вина и сваривъ побольше овсяной каши, сзываютъ сосѣдей. Хозяинъ дома, разставивъ все приготовленное на столѣ, надѣваетъ шапку и произноситъ молитву. Затѣмъ начинается угощеніе. Пока гости пьютъ и ѣдятъ, хозяинъ выходитъ на крыльцо и трубитъ въ деревянный рогъ, обвитый берестю. Этимъ онъ какъ бы даетъ знать кому-то, что уже отвѣдалъ новой каши, и съ этого времени до Михайлова дня каждый изъ черемисъ и утромъ, и вечеромъ трубитъ въ рогъ.

Въ Михайловъ день (8 ноября) справляютъ *кишлямъ-паремъ* — «праздникъ киселя». Въ этотъ день сосѣди сходятся въ одну избу, приносятъ съ собою каждый свои припасы и совершаютъ обрядъ поминовенія умершихъ, который будетъ описанъ ниже. По совершеніи этого обряда, принимаются за угощеніе, причемъ наблюдается слѣдующій порядокъ: сначала угощаетъ старшій всѣхъ и каждого по очереди, потомъ другой, третій и т. д. до послѣдняго, принесшаго свои припасы. Подъ вечеръ молодежь ходитъ изъ дома въ домъ съ съ пѣснями и плясками.

Наканунъ Нового года у черемисъ бываетъ праздникъ *шарокъ-юль* — «сочья нога». Въ этотъ день, по совершеніи домашняго моленія, молодежь опять ходитъ толпами изъ двора во дворъ. Войдя въ избу, парни и дѣвушки разбрасываютъ по полу орѣхи и кричатъ хозяину, чтобы у него было столько же овецъ и ягнятъ, сколько орѣховъ. Затѣмъ идутъ въ хлѣвъ и хватаютъ за заднія ноги овецъ, какія попадутся въ темнотѣ, произнося «Юма, дай годовалыхъ ягнятъ». Послѣ этого хозяинъ угощаетъ пришедшую молодежь. На пиръ схо-

дятся иногда и друзья хозяина, и дарятъ его кушакомъ или возжами, которыми, по ихъ понятію, они могутъ вытащить его изъ ада. Въ ночь того же дня дѣвицы и парни ходятъ на гумно, дѣлаютъ изъ сѣна бугорки и смотрятъ на слѣдующее утро, чей бугорокъ разнесло вѣтромъ: тому значить недолго жить, или та выйдетъ въ этотъ годъ замужъ.

Во время святокъ справляется собственно дѣвичій праздникъ — *Васли-кугузя*. Парни и дѣвицы сходятся въ одну избу и играютъ въ разные игры, а пожилые пьютъ и ѣдятъ и любятъ на забавы молодежи. Подъ вечеръ кто-нибудь наряжается *старикомъ Васи-лемъ* (Васли-кугузя) и *старухой* (гузя), и, войдя въ избу, гдѣ пируетъ молодежь, предугадываютъ каждому спрашивающему судьбу его.

Отпраздновавъ русскую масляницу — *эрню*, черемисы принимаются справлять свою на первой недѣли поста. Въ это время въ молитвахъ своихъ они просятъ, чтобы богъ далъ черемисамъ ленъ и конопель долгій, а русскимъ — покороче.

Черемисы почитаютъ и нѣкоторые изъ христіанскихъ праздниковъ, но съ соблюденіемъ своихъ обрядовъ. Такъ, въ первый день Пасхи, рано утромъ, мужчины идутъ въ баню мыться, а женщины тѣмъ временемъ принимаются за стирку и разставляютъ все приготовленное на столѣ. Возвратясь изъ бани, хозяинъ дома читаетъ молитву: «Юма, дай здоровья, дай ѣсть и пить хорошенько, дай много хлѣба». Затѣмъ бросаетъ на полъ кусочекъ хлѣба и отлиываетъ туда-же часть пива, послѣ чего всѣ присутствующіе, сказавъ «смля», принимаются ѣсть и пить. Все это происходитъ такъ быстро, что пока православные стоятъ еще за обѣдней, а черемисы ужъ пируютъ, покуривая да попивая и покачиваясь изъ стороны въ сторону. На другой день Пасхи они всѣ уже работаютъ.

Рождество Христово празднуютъ шумно и весело, и непременно въ пятницу. Если при этомъ Рождество Христово случится дня за

два или за три до пятницы, то такой годъ считается у нихъ неблагопріятнымъ, потому-что русакъ прежде ихъ празднуетъ; если-же оно приходится на другой или на третій день послѣ пятницы, тогда они считаютъ себя счастливые.

Всѣ праздники у черемисовъ сопровождаются сильнымъ разгуломъ. Пиво и вино во всѣхъ домахъ льются рѣкою, не смотря на то, что многимъ поѣсть нечего. Подгулявшіе старики и старухи, молодне мужчины и женщины, и даже дѣвушки и дѣти заканчиваютъ празднествъ, обыкновенно, пѣніемъ и пляскою.

Семейныя торжества у черемисовъ также не обходятся безъ кутежа и пирушки и сопровождаются множествомъ обрядовъ, часто нелѣпныхъ и давно уже утратившихъ свой смыслъ. Такъ, при рожденіи младенца, черемисы приглашаютъ нѣсколько бабъ-повитухъ; одна изъ нихъ, если родится мальчикъ, беретъ топоръ, кладетъ пуповину на полѣно и рубитъ ее, приговаривая: «Будь трудолюбивъ, будь трудолюбивъ!» и тутъ-же даетъ имя младенцу. Если-же родилась дѣвочка, то пуповина отрѣзывается на прялкѣ, со словами: «Будь прилежна до пряжи». Чтобы младенецъ былъ всегда здоровъ, отецъ его беретъ непочатый каравай хлѣба, отрѣзываетъ отъ него небольшой ломоть и кладетъ въ люльку, говоря: «Будь здоровъ, какъ этотъ хлѣбъ». Если послѣ этого младенецъ все-таки плачетъ постоянно, то отецъ беретъ его на руки и качаетъ, перебирая при этомъ разныя имена, до тѣхъ поръ, пока тотъ не замолынетъ, и тогда даетъ новорожденному то имя, на которомъ онъ остановился плакать, предполагая, что настоящее-то имя и должно быть это, а не прежде, отъ назначенія котораго онъ будто-бы и плакалъ. Если же и это не помогаетъ, то приглашаютъ для нареченія новаго имени младенцу самаго варта, который принимается высѣкать огонь изъ кремня, произнося при этомъ также разныя имена и, наконецъ, даетъ младенцу то имя, въ моментъ произнесенія котораго высѣ-

чется первая искра. Послѣ этого, по ихъ понятію, младенецъ уже непременно почувствуетъ себя прекрасно.

Затѣмъ, жизнь черемиса, до наступленія совершеннолѣтія, проходитъ почти безъ перемѣнъ и ни разу не сопровождается какими-нибудь особенными обрядами. Но какъ только стукнетъ черемисну лѣтъ 16 или 17, отецъ или близкій родственникъ его немедленно отправляется въ тотъ домъ, гдѣ ему понравилась дѣвица, сватаетъ ее за сына и условливается съ ея родителями о днѣ рукобитія.

Въ назначенный срокъ отецъ жениха съ сыномъ и другими родственниками отправляется въ домъ невесты и сговаривается съ родителями ея о калымѣ и приданомъ. Послѣ этого выводятъ къ посѣтителямъ невесту, наряженную въ праздничную одежду, и спрашиваютъ ея согласія. Затѣмъ, сватья, ударивъ по рукамъ, садятся за столъ, а нареченную чету ставятъ передъ собою. Отецъ жениха отрѣзываетъ отъ караваа ломоть хлѣба, кладетъ на него ватрушку, и, откусивъ отъ нихъ по кусочку, подаетъ родителямъ невесты, которые также откусываютъ по кусочку, въ знакъ начавшагося родства, и передаютъ обратно. Послѣ этого, отецъ жениха наливаетъ два деревянные ковша водки и подаетъ ихъ снова родителямъ невесты, которые, принявъ ковши, поздравляютъ свата съ началомъ дѣла и выпиваютъ предложенную имъ водку. Затѣмъ пьетъ и отецъ жениха со своими товарищами. Наконецъ передаютъ ломоть хлѣба съ ватрушкою жениху, который, откусивъ кусочекъ, отдаетъ своей невестѣ. По окончаніи этого обряда, нареченная чета подноситъ по ковшу водки всѣмъ присутствующимъ, послѣ чего невеста отправляется на рѣку за свѣжею водою, варитъ въ котлѣ *ляшку* (овсяную салму) и ставитъ ее на столъ. Исполнивши все это, она поручаетъ своей подругѣ налить водки въ ковшъ, на черенокъ котораго навѣшиваетъ полотенце, ея самую сотканное, и подаетъ будущему свекру. Тотъ выпиваетъ водку, а полотенце прячетъ себѣ за пазуху. Потомъ невеста угощаетъ водкою жениха. Затѣмъ, приѣзжие го-

сти, покушавъ *ляшки* и поблагодаривъ новую родню за угощеніе, уѣзжаютъ домой.

Спустя недѣли двѣ, послѣ нѣсколькихъ новыхъ пирушекъ, братъ жениха, или самъ отецъ собираетъ наконецъ всю свою родню и выбираетъ изъ среды ея «тысяцкаго», «большаго карта», «меньшаго карта», «старшаго боярина», «средняго боярина», «младшаго боярина», дружку, свахъ, чelовѣкъ 10 или 30 поѣзжанъ и въ заключеніе музыкантовъ: пuzырщикoвъ, гуслeрь и барабанщикoвъ. Угостивъ всѣхъ ихъ *ляшкою*, пивомъ и водкою, онъ отправляется съ ними въ путь, съ музыкою, пѣніемъ и пляскою,—за невѣстою.

Но по дорогѣ заѣзжаютъ сначала въ одному какому-нибудь родственнику жениха, у котораго нѣсколько времени пируютъ; потомъ—къ другому, у котораго тоже происходитъ пирушка; затѣмъ — къ третьему, четвертому и такъ объѣзжаютъ всю деревню; иногда заворачиваютъ еще въ сосѣднія селенія, гдѣ продолжаютъ пировать безъ конца. Переѣздъ изъ деревни въ деревню совершается верхами на лошадяхъ, при чемъ каждый притворяется напившимся до нельзя, качаются во всѣ стороны, поютъ, орутъ во все горло подъ нестройные звуки барабановъ, гуслей и пuzырeй. Обѣхавши такъ нѣсколько селеній, добираются, наконецъ, и до невѣсты.

Приблизившись къ дому ея, весь поѣздъ останавливается на улицѣ предъ воротами, а дружка идетъ извѣщать хозяина о прибытіи свадебнаго кортежа. Вслѣдъ за этимъ всѣ поѣзжане устремляются во дворъ, сходятъ съ лошадей и съ шумомъ, пѣніемъ и пляскою подходятъ къ крыльцу. На встрѣчу имъ выходитъ отецъ невѣсты съ двумя кожаными сумками, въ которыя положены: курица, каравай хлѣба, двѣ лепешки и ватрушка, и отдаетъ сумки свату. Последний выкладываетъ изъ нихъ все на столъ и передаетъ «большому карту» водку, для угощенія пріѣзжихъ. Пока «большой картъ» обноситъ всѣхъ водкою и пивомъ, «меньшой картъ» въ это время отрѣзываетъ отъ каравая ломоть хлѣба, кладетъ на него ватрушку

и подносить дружкѣ. Этотъ отрѣзываетъ отъ нихъ по кусочку и передаетъ каждому изъ поѣзжанъ, которые повторяютъ то же самое.

Наконецъ всѣ усаживаются за столъ, ѣдятъ приготовленные кушанья и затѣмъ идетъ пиръ съ музыкою и пляскою до тѣхъ поръ, пока отецъ невѣсты не скажетъ отцу жениха: «Ну свать! я велѣлъ веселиться; теперь вели невѣстѣ сварить салму и отправляйтесь!» Вслѣдъ затѣмъ отецъ благословляетъ невѣсту *палкою*, которую она должна впоследствии воткнуть въ землю въ чумѣ или шалашѣ и хранить ее какъ святыню; палка эта будетъ разыгрывать роль шалашеваго Кереметя. По благословеніи невѣсты, свать беретъ ее за руку и усаживаетъ за столъ, и подчуетъ водкою и масломъ. Затѣмъ снова беретъ ее за руку и отдаетъ сыну, говоря: «Возьми дѣвицу въ свое семейство!» Послѣ этого женихъ уводитъ ее изъ избы, а за нимъ выходятъ и всѣ поѣзжане съ шумомъ и криками.

На дворѣ женихъ усаживаетъ невѣсту въ телѣгу, при чемъ она подаетъ ему полотенце, придерживая одинъ конецъ его пальцами. Вырвавъ полотенце, женихъ затыкаетъ его за поясъ и, прежде чѣмъ сѣсть на козлы, слегка стегаетъ свою нареченную три раза нагайкою, приговаривая: «Не зови съ собою Кереметя!» Въ заключеніе весь поѣздъ отправляется въ домъ жениха. Впереди ѣдетъ дружка, за нимъ тысяцкій, далѣе карты, бояре и въ концѣ уже невѣста съ поѣзжанами. Женихъ сидитъ на козлахъ, обѣшанный, какъ и всѣ поѣзжане, разными подарками отъ невѣсты, преимущественно полотенцами.

Подѣхавъ къ воротамъ избы съ прежнимъ шумомъ и крикомъ, поѣздъ останавливается, а дружка беретъ у невѣсты иголку, три раза проводитъ ею предъ воротами и, наконецъ, втыкаетъ ее въ верхушку воротнаго столба. Затѣмъ, по взѣздѣ всѣхъ во дворъ, дружка вбѣгаетъ въ избу, и, найдя тамъ женихова отца, хватаетъ его за ухо и говоритъ: «Я привезъ съ собою жемчугъ, который безъ

выкупу не отдается; что даришь?» Сначала отецъ общаетъ ягненка, потомъ—теленка и т. д., о чемъ дружка каждый разъ докладываетъ невѣстѣ, которая не выходитъ изъ тѣлги до тѣхъ поръ, пока не услышитъ, что ей дарятъ хорошаго жеребенка. Затѣмъ всѣ поѣзжане входятъ въ избу, съ пѣснями и пляскою. Здѣсь, по предложенію отца жениха, всѣ до послѣдняго откусываютъ по кусочку отъ хлѣба и ватрушки. Молодыхъ усаживаютъ за столъ, при чемъ женихъ садится на полу невѣстиной одежды, а если онъ не сполна внесъ выкупъ тестю за невѣсту, то долженъ еще сидѣть при этомъ непременно въ шапкѣ. Дружка угощаетъ молодыхъ водкою, пивомъ и блинами.

Послѣ этого свать уводитъ невѣсту въ клѣть, гдѣ ей взбиваютъ волосы по бабьи, въ два пука, поверхъ которыхъ надѣваютъ «шивомаючь».

Наконецъ, ведутъ невѣсту, въ сопровожденіи всѣхъ поѣзжанъ на дворъ или на гумно; тамъ становится она на колѣни, а всѣ присутствующіе обходятъ вокругъ нея три раза, при чемъ вартъ бросаетъ вверхъ—на клѣть или на овинъ—кусочки съѣстныхъ припасовъ, произнося слѣдующую молитву: «Юма, сохрани и благополучіе подай, дай избытокъ и богатство, дай семь сыновей и семь дочерей; сколько нитокъ въ полотнецѣ, сколько листьевъ въ лѣсу, столько лѣтъ дай жить, играть и смѣяться». Затѣмъ всѣ пьютъ пиво и возвращаются въ избу.

Войдя въ комнату, молодые подносятъ отцу и матери по ковшу пива, поклонившись имъ въ ноги, послѣ чего женихъ угощаетъ всѣхъ мужчинъ, а невѣста—всѣхъ женщинъ. Потомъ, невѣста идетъ опять на рѣку, за свѣжею водою, снова варитъ салму и подучуетъ ея всѣхъ, начиная отъ свекра и свекрови.

Наконецъ всѣ усаживаются за столъ. Въ это время тысящій подноситъ самимъ молодымъ ковшъ пива, которое они выпиваютъ исподоволь, передавая другъ другу послѣ каждаго глотка. Послѣ

этого женихъ опять встаетъ изъ-за стола и идетъ трепать по плечу всѣхъ сидящихъ, начиная съ отца, приговаривая: «до смерти буду звать тебя отцомъ», а подходя къ брату: «до смерти буду звать тебя братомъ». То-же самое повторяетъ по его примѣру и невѣста. Затѣмъ молодые падаютъ въ ноги и лежатъ до тѣхъ поръ, пока всѣ родственники не выпьютъ по ковшу пива. Вставши, одаряютъ всѣхъ, кого рубахою, кого полотенцемъ, кого кафтаномъ или холстомъ, при чемъ не забываютъ и музыкантовъ—пузырщиковъ, гусларя и барабанщиковъ. Послѣ этого начинается уже настоящій свадебный пиръ.

Въ брачномъ пиршествѣ обыкновенно принимаетъ участіе все населеніе деревни, безъ исключенія, отъ мала до велика. Всѣ идутъ сюда съ ранняго утра, и каждый несетъ съ собою свой буракъ съ пивомъ и свой каравай хлѣба. И тѣмъ и другимъ они подчуютъ другъ друга, сверхъ свадебнаго угощенія отъ самихъ хозяевъ, которые варятъ къ этому дню 6 или 7 печей пива, по 12 ведеръ съ печки, и покупаютъ 2 или 3 ведра водки, и все это количество напитковъ уберется до-чиста въ однѣ сутки.

Задолго еще до конца брачнаго пира всякій порядокъ исчезаетъ. Тутъ, по пословицѣ, «все идетъ по черемиски»: кто виновникъ торжества, кто почетнѣе изъ гостей, кто хозяинъ, кто молодые—разобрать трудно. Всѣ ходятъ, бурлятъ, шумятъ, стучать.

Кромѣ гостей, сидящихъ вокругъ стола, стоятъ еще между столомъ и печкою плотною кучею бабы и дѣвушки, въ ожиданіи очереднаго стакана пива и куска ѣды. Остальное пространство избы биткомъ набито зваными и незваными посѣтителями разнаго пола и возраста. Многіе стоятъ еще по лавкамъ и, въ виду невообразимой толкотни, для большей устойчивости, держатся за шесты, привѣшанные къ потолку. Палаты и печь также полны гостей, безцеремонно лежащихъ чуть не другъ на другѣ; между ними преобладаютъ по численности мальчишки. Однимъ словомъ, въ избѣ, грязной до-

нелзя и улитой пивомъ, пошевельнуться негдѣ, жара и духота невыносимы! Но вотъ раздаются нестройные звуки музыки и среди всеобщей толкотни и давки начинается пляска, сопровождаемая общимъ хлопаньемъ въ ладоши. При этомъ каждый затыгиваетъ, кто во что гораздъ, пѣсню, начинающуюся съ звуковъ: «ой, ай, ой» и оканчивающуюся тѣми-же самыми звуками. Что тутъ происходитъ, трудно вообразить! Иному охмѣлевшему черемису вдругъ придетъ въ голову, среди самаго разгара пиршества, мысль о гнѣвѣ Керемета, и онъ, въ умилованіе его, тотчасъ-же плеснетъ изъ стакана пивомъ въ потолокъ, откуда летятъ струи и брызги на головы всей компаніи, за нимъ повторяетъ то-же самое другой и третій, но раскураженной публикѣ совершенно нѣтъ до этого дѣла, и она своимъ чередомъ продолжаетъ пѣть, пить, ѣсть, смѣяться и плясать.

Бражничество продолжается цѣлый день и всю ночь до тѣхъ поръ, пока не покажутъ всей компаніи *воздя отъ бочки*—это значитъ, что пиво уже все выпито. Тогда черемисы говорятъ торжественно: «Сита-пита-ренъ!», т. е. «довольно, все кончено!» — и затѣмъ расходятся по домамъ.

На другой день, молодая несетъ въ избу новый буракъ пива, моетъ столъ, мететъ полы, вездѣ все прибираетъ, и затѣмъ снова собираются гости и пируютъ «до гвоздя».

У крещеныхъ черемисовъ свадьбы справляются по той-же программѣ, съ тѣмъ лишь отступленіемъ отъ нея, что изъ дома невесты поѣздъ отправляется не прямо къ жениху, а забѣзжаетъ предварительно въ церковь, гдѣ и совершается обрядъ вѣнчанія. Все-же остальное изъ вышеописаннаго выполняется всеми и повсюду съ нѣкоторыми лишь измѣненіями или пропусками.

Браки у черемисовъ не всегда бываютъ прочны. Разводъ несогласныхъ между собою супруговъ совершается даже съ особенною торжественностью. Объ этомъ заявляютъ прежде всего мѣстному начальству, при шести свидѣтеляхъ или, какъ говорятъ черемисы,

«при шести глазахъ». Потомъ супруговъ связываютъ спинами вмѣстѣ посредствомъ опояски. Спустя нѣсколько времени, поясъ разрывается, и супруги разбѣгаются въ противоположныя стороны, при чемъ перѣдко одинъ изъ нихъ наравитъ толкнуть ногою другаго, приговаривая: «Если-де я тебѣ нехорошъ, такъ поде, нищи себѣ другаго!»

Особенно любопытны обряды, сопровождающіе смерть черемиса. Похоронные обряды ихъ основаны на томъ предположеніи, что мертвецъ имѣетъ тѣ-же потребности, какъ и живые люди, и что онъ и тѣломъ живъ, «только-де-невидно его». А такъ какъ смерть, по понятіямъ черемисовъ, является дѣломъ Керемета, вслѣдствіе чего человекъ умершій вступаетъ во власть злаго начала и самъ дѣлается страшнымъ и опаснымъ для живыхъ, то послѣдніе всячески стараются удовлетворить покойника всеми средствами. Задобривая его изъ всеѣхъ силъ, они чувствуютъ передъ нимъ такой-же страхъ, какъ предъ самимъ Кереметемъ. На черемиса находитъ ужасъ, когда ему приснится во-снѣ покойникъ: послѣ этого онъ начинаетъ приносить богамъ жертвы, идетъ къ колдуну, чтобы какъ-нибудь оградить себя отъ мертвеца заклинаніями и волшебствомъ. По причинѣ этой боязни покойниковъ, черемисы стараются какъ можно скорѣе хоронить ихъ.

Еще при жизни больного, какъ скоро онъ почувствуетъ приближеніе смерти, сынъ его или родственникъ тотчасъ-же приноситъ ведро свѣжей воды, набираетъ ея немного въ ротъ и вспрыскиваетъ ею умирающаго, приговаривая: «Вода! выкупи больного и возьми себѣ на руки».

Лишь только больной испуститъ послѣдній вздохъ, сейчасъ-же кто-нибудь изъ его семьи идетъ уже съзывать сосѣдей для снаряженія его въ путь, но не входитъ къ нимъ въ домъ, а кличетъ подъ окнами. Тѣ собираются, плетутъ ивовые лапти, сколачиваютъ «домовище» (гробъ), и выносятъ покойника на дворъ на дубѣ; тамъ обмы-

ваютъ его водою, обрѣзываютъ ногти у рукъ и ногъ, надѣваютъ на него рубаху, порты и балахонъ, обуваютъ въ бѣлыя олучи и въ новые лапти, опоясываютъ ремнемъ, къ которому съ правой стороны придѣлана желѣзная скоба для вкладки топора, а съ лѣвой—ножны для охотничьяго ножа; на руки надѣваютъ рукавицы или вареги, а на голову — шапку или шляпу, смотря по времени года. Затѣмъ опять вносятъ покойника на томъ-же лубкѣ въ избу, гдѣ кладутъ его въ передній уголъ на лавку и накрываютъ новиною.

Пока одни одѣваютъ покойника, другіе между тѣмъ пекутъ блины, и кончивъ это занятіе, ставятъ ихъ на лавку, поближе къ лицу покойника.

Когда всѣ будутъ въ сборѣ, старшій членъ семейства приноситъ нѣсколько восковыхъ свѣчъ, налѣпляетъ ихъ вокругъ полѣна и ставитъ его на лавку. Окончивши это, зажигаетъ свѣчи, надѣваетъ шапку, становится у стола на колѣни и читаетъ молитву, прося Чембулата (повелителя ада) умилостивиться надъ умершимъ и помѣститъ его въ свѣтлое мѣсто, а не въ темное. По совершеніи молитвы, наскоро ѣдятъ блины и затѣмъ выносятъ умершаго, все на томъ же лубкѣ, во дворъ, гдѣ опускаютъ его въ поставленный уже въ сани или телѣгу гробъ, на посланный въ немъ войлокъ и подушку. Послѣ этого въ пазуху покойнику кладутъ *азрекинды*—«смертныя лепешки» изъ сдобнаго тѣста, а въ карманъ—кошелекъ съ деньгами, говоря: «Откупи кровь свою отъ смерти». Сбоку — умершему кладутъ въ гробъ: мужчинѣ — трубку, ножъ, лыко, кофедыкъ, все это для работы, а жещинѣ — иголку, нитки и скроенную рубашку, чтобы и ей было чѣмъ заниматься на томъ свѣтѣ; съ другаго боку помѣщаютъ пару бѣлыя на перемѣну, и розги, чтобы отгонять нечистыхъ духовъ. Кромѣ того, дѣлаютъ въ гробу, подлѣ головы покойника, маленькую дырочку, чтобы онъ могъ видѣть наружу. Наконецъ, одѣваютъ умершаго сверхъ всего кафтаномъ и закрываютъ гробъ крышечкою. При этомъ никто не плачетъ и не прощается съ покойникомъ.

Прежде чѣмъ выѣхать со двора, сынъ или родственникъ скончавшагося беретъ за задокъ саней или телѣги и дергаетъ ихъ три раза, приговаривая: «Оставь свое счастье мнѣ и нашему дому!» Затѣмъ ѣдутъ на кладбище, причемъ никто не оглядывается, чтобы не вызвать новаго покойника. Прибывши на могилу, тотъ же родственникъ умершаго бросаетъ въ нее монету и говоритъ: «На, купи на эти деньги земли!» а каждый изъ провожающихъ кладетъ на гробъ блинъ, говоря: «Это тебѣ пригодится».

Предъ опущеніемъ гроба въ могилу, еще разъ вскрываютъ крышку его, открываютъ лицо покойнику и говорятъ: «Погляди еще на бѣлый свѣтъ» — и затѣмъ совсѣмъ уже заколачичаютъ крышку, спускаютъ гробъ въ могилу и зарываютъ. Послѣ этого зажигаютъ на ней три свѣчи, въ честь какихъ-то трехъ святыхъ братьевъ, а картъ читаетъ молитву, прося боговъ, чтобы они успокоили умершаго, чтобы онъ не шатался по свѣту и не мѣшалъ живымъ. Наконецъ, всѣ возвращаются въ деревню, и, вымывшись въ банѣ, расходятся по домамъ.

Оставшееся послѣ покойника платье, щепы отъ гроба, лубокъ и проч., какъ нечистое, выносятъ въ поле, бросаютъ тамъ или сожигаютъ.

Поминовеніе умершихъ совершается у черемисъ на седьмой и сороковой день по смерти, въ *Шолоховъ день*—на Страстной недѣлѣ, въ Радолицу, на Семикъ и дома во всякое время.

Наканунѣ седьмаго дня, въ домѣ покойнаго варятъ пиво и заготавливаютъ водку, а въ самый день поминовенія приготавливаютъ разные съѣстные припасы.

Къ вечеру седьмаго дня собираются родственники и знакомые, каждый съ своими припасами и съ своею восковою свѣчкою. Всѣ припасы ставятъ у двери на лавку, надъ которою придѣлываютъ полку. На послѣднюю налѣпляютъ восковыя свѣчи, каждый смотря по количеству умершихъ въ его домѣ. Всѣ свѣчи зажигаются, и

по яркости ихъ пламени узнаютъ, каково родителямъ на томъ свѣтѣ. Если свѣчи обтекаютъ, это знакъ того, что покойникамъ плохо и они плачутъ.

Когда все готово, сынъ умершаго или родственникъ его беретъ штофъ водки, буракъ пива и ватрушку; закладываетъ лошадь въ телѣгу или сани, разстилаетъ въ нихъ войлокъ и подушку, и отправляется на кладбище приглашать покойника. Подъѣхавъ къ могилѣ, зоветъ усопшаго домой въ гости говоря: *Нелештунъ-кинемъ!* т. е. «вставай, поминки тебѣ!» Затѣмъ льетъ на могилу часть пива и водки, а остатки самъ выпиваетъ; ватрушку кладетъ также на могилу, приговаривая: *кочъ, кочъ, кочъ!* т. е. «ѣшь, ѣшь, ѣшь!» Послѣ этого произноситъ слѣдующую молитву: «При свѣтѣ ходи, ой батько! На чужую сторону ушелъ! Будь у тебя хлѣба и соли вдоволь, съ пріятелями дружно живи. Мы остались сирь и млады! рукъ отъ работы не отнимай; скотину не мучь, семейства не разстрои. Вотъ тебѣ свѣчка! всегда при свѣтѣ ходи. Для тебя напекля ватрушекъ, яичницъ и блиновъ. Прими мое угощеніе: ѣшь, пей, да пѣсенки распѣвай!» По прочтеніи молитвы, возвращается домой, сидя на козлахъ и воображая, что позади его въ телѣгѣ или саняхъ сидитъ самъ покойникъ.

Всѣ домашніе и гости выходятъ встрѣчать умершаго, воображая также, что онъ входитъ съ ними въ избу. Сынъ умершаго или распорядитель поминокъ становится на колѣна, передъ полкою съ зажженными свѣчами, и читаетъ молитву, прося Чембулата предоста-вить покойному свѣтлое мѣсто и избавить его отъ всякихъ мученій. Послѣ этого каждый изъ присутствующихъ откладываетъ часть свѣстныхъ припасовъ въ особую чашку, говоря: «Шожо» т. е. пусть дойдетъ по назначенію». «Вамъ темно въ землѣ — пусть свѣтло будетъ! пусть лежащая надъ вами земля будетъ легкою! живите въ обиліи и сытости, не пивши, не ѣвши не ходите; сытно наѣвшись — гуляйте съ пѣснями и плясками, чтобы было шумно и весело вамъ!»

Затѣмъ, всѣ оставшіеся припасы съѣдаютъ сами, а чашку съ положенными въ нее кусками выносятъ на дворъ или на улицу и разбрасываютъ собакамъ, которыя собираются на поминки по чутью огромными стаями. Если при этомъ собаки будутъ ѣсть тихо и мирно, то замѣчаютъ, что покойнику «скучна жить»; а если собаки раздражены и станутъ сильно грызться одна съ другою, то съ восторгомъ говорятъ, что «ему тамъ весело жить».

Возвратившись въ избу, всѣ начинаютъ пить и пировать, при чемъ сынъ или родственникъ умершаго надѣваетъ оставшуюся послѣ покойнаго одежду: рубаху, балахонъ, рукавицы и шапку и садится въ передній уголъ, изображая самаго усопшаго. Домашніе начинаютъ звать наряженнаго именемъ умершаго, отцомъ или братомъ, съ колѣнопреклоненіемъ подносятъ ему ватрушку и стараются угостить его какъ можно лучше. Будучи на-веселѣ, мнимо-умершій начинаетъ разсказывать окружающимъ разную небылицу о томъ, какъ онъ по смерти живетъ хорошо, видится со всѣми до него умершими, о себѣ же не велитъ тужить, а почаще поминать. Наконецъ, загробный гость напивается до того, что пускается въ пляску, во всей одеждѣ покойнаго, подъ игру пузырьщика и стукъ барабана, при чемъ всѣ гости прихлопываютъ ему въ ладоши. Пиръ продолжается далеко за полночь. Каждый пируетъ до тѣхъ поръ, пока не догоритъ принесенная имъ свѣчка; по если и послѣ этого идти домой все таки не хочется, то приносятъ новую свѣчку, — и такимъ образомъ продолжаютъ пировать «до гвоздя».

Упившись до нельзя, гости расходятся по домамъ, мнимо-умершій раздѣвается, а остатки отъ пиршества выбрасываютъ на лѣстницу, для непоминаемыхъ някъмъ покойниковъ, со словами: «Это голодному, зблбому, бродячому».

На другой день мнимо-умершій, ту одежду, которую надѣвалъ наканунѣ, изображая отца или брата, тщательно стряхиваетъ, и, взявъ съ собою пива и свѣстныхъ припасовъ, отправляется прово-

жать покойника на кладбище; но, не доѣзжая до половины дороги, выпиваетъ все пиво, припасы разбрасываетъ и возвращается домой,

Любопытно также общее поминовение умершихъ въ «Щелокоть» день.—Во вторникъ, на Страстной недѣлѣ, который называется у черемисъ *нем-конъ-кече*, «канунъ щелокотва дня», они раскладываютъ на огородахъ огни, чтобы умершіе родственники руки погрѣли. Затѣмъ пекутъ блины, готовятъ изъ золы щелокъ, и все это ставятъ въ баню, воображая, что покойники въ эту ночь придутъ сюда мыться. На другой день, въ среду, черемисы сами пьютъ тамъ пиво, а блины еще не трогаютъ, въ томъ предположеніи, что можетъ быть, кто нибудь изъ покойниковъ вздумаетъ во второй разъ помыться.

Настоящее поминовение начинается собственно въ Великій четвергъ, который называется у нихъ *варъ-конъ-кече*—«злой Щелокоть день». Въ этотъ день опять пекутъ блины, готовятъ лепешки, ватрушки, дѣлаютъ яичницу и налѣпляютъ восковыя свѣчи вокругъ поляна, которое, вмѣстѣ съ свѣстными припасами, кладутъ на лавку. На столѣ разстилаютъ рубаху, оставшуюся послѣ покойнаго, и ставятъ подлѣ нея, для угощенія умершаго, одинъ стаканъ съ пивомъ, другой съ водкой и ватрушку, приговаривая: *кочъ. кочъ кочъ*, т. е. «ѣшь, ѣшь, ѣшь».

Помянувъ каждый своихъ покойниковъ домашнимъ образомъ, всѣ собираются потомъ въ одну чью либо избу, въ которой выбранный картъ зажигаетъ множество восковыхъ свѣчей и, ставши на колѣна, приглашаетъ мысленно всѣхъ покойниковъ принять участіе въ званомъ пиру, и затѣмъ громко произноситъ молитву, подобно той, какая читается при поминовеніи въ седьмой день. Послѣ этого всѣ принимаютъ ѣсть и пить, а оставшееся выбрасываютъ собакамъ, говоря «и вы собаки, помяните родителей». За тѣмъ идутъ всѣ поминать въ другой домъ, оттуда—въ третій и т. д., пока не обойдутъ всей деревни.

Вообще черемисы охотники повеселится, попить, поѣсть, а вѣрованія ихъ представляютъ въ этому множество случаевъ.

Признавая особыхъ боговъ почти для каждаго мелкаго предмета въ природѣ и жизни, они чрезъ это имѣютъ возможность обращать въ праздники такія обыденныя явленія въ хозяйствахъ, какъ случай отеленія коровы. Такъ, по поводу этого событія, хозяйка пять дней собираетъ молоко для угощенія, а на шестой день самъ хозяинъ беретъ ковшъ воды и плещетъ изъ него въ печку, прося коровьяго бога—*Вигонъ-шачахтша*, чтобы теленокъ выросъ съ печь, чтобы корова была суха и давала побольше молока; послѣ этого приносить въ жертву кашу съ масломъ и проситъ, чтобы у него было столько скота, сколько у коровы шерсти и чтобы одинъ конецъ стада былъ «въ оврагѣ, а другой—въ сараѣ».

Осенью, ежегодно, черемисы варятъ въ честь домоваго кашу изъ пива и крупы, пекутъ блины, и ставятъ все это въ подполье, прося дѣдушку сдѣлать домъ ихъ счастливымъ, а дворъ—на удивленіе прочимъ.

Вѣра въ нечистую злую силу между черемисами сильно развита. Они не только производятъ отъ Керемета безчисленное множество злыхъ духовъ и обращаютъ въ подчиненіе имъ всѣхъ умершихъ людей, но переносятъ злую силу и на нѣкоторыхъ изъ живыхъ людей, называемыхъ *локтызями*, т. е. колдунами. Черемисы увѣряютъ, что колдунъ можетъ въ одну ночь, не смотря на ея краткость, пройти до 50 верстъ. Локтызь можетъ пустить порчу по вѣтру; попадетъ она въ человека—онъ заболѣетъ, въ скотину—падетъ, въ дугу—она сломается. Есть только одно хорошее средство противъ колдовства—рябина. Къ локтызю обращаются даже вмѣсто карта за совѣтомъ относительно жертвы какому нибудь богу, и по случаю всякихъ болѣзней, отъ которыхъ онъ лечитъ больныхъ разными травами.

Ворожбою занимаются и женщины. Онѣ гадаютъ по разному;

нѣкоторыя шупаютъ пульсъ, другія смотрять въ глаза, третьи смотрять въ воду, болтая при этомъ разный вздоръ. Между прочимъ гадаютъ и на иглахъ. Для этого берутъ четырехугольную продолговатую дощечку; на одномъ концѣ ея владуть камешекъ, а на другомъ—кусочекъ угля. Потомъ привѣшиваютъ на нить иголку, и, держа ее за нитку надъ дощечкою, начинаютъ слегка раскачивать, между камешкомъ и углемъ. При этомъ предсказываютъ удачу или неудачу, смотря по тому, обо что ударится игла—о камешекъ или объ уголь.

По понятіямъ черемисъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, злою силою можетъ обладать каждый изъ нихъ, безъ исключенія. Такъ, если черемисъ имѣетъ на кого нибудь злобу, то онъ старается *испортить* врага; но это дѣлаетъ не самъ, а проситъ Кереметя, обѣщая ему принести за это въ жертву лошадь или другое животное. При этомъ самъ печетъ три лепешки, коптитъ надъ огнемъ мѣдный грошъ, который и подбрасываетъ въ дому того, на кого имѣетъ злобу, говоря: «у меня нѣтъ скотины, у него много, отними ее!»—Чтобы нанести ущербъ сосѣду, черемисня прибѣгаетъ еще къ слѣдующей продѣлкѣ: весною надѣваетъ рубаху, порты и балахонъ на изнанку лапти обуваетъ пятками впередъ, и такъ приходитъ въ полѣ къ своей пашнѣ, выкапываетъ съ корнемъ часть озимаго, и проситъ

ширта, обѣщая ему что нибудь, чтобы растеніе въ его поляхъ было лучше, а у прочихъ хуже.

Злая сила призывается также *чрезъ присягу*, къ которой приводитъ черемисъ ихъ собственный картъ. Онъ кладетъ на полъ старую высохшую лутошку, отрѣзываетъ кусочекъ хлѣба и посыпаетъ его солью; потомъ ставитъ присягающаго на колѣна предъ лутошкою и говоритъ: «Юму и Кугужу боишься-ли? жену, дѣтей, скотъ имѣть желаешь-ли? жить на свѣтѣ хочешь-ли? Послѣ утвердительныхъ отвѣтовъ со стороны присягающаго на все эти вопросы, картъ говоритъ ему: «о чемъ будутъ спрашивать, долженъ показать правду!» и даетъ присягающему кусочекъ хлѣба съ ножа такъ, чтобы онъ съѣлъ не касаясь. Затѣмъ картъ переводитъ его черезъ лутошку, послѣ чего ломаетъ ее чрезъ колѣно, приговаривая: «если покажешь неправду, сердце каменное у тебя будетъ, худо тебѣ будетъ, изсохнешь, какъ эта лутошка!»—Споры объ имуществѣ, скотѣ и проч. рѣшаются слѣдующимъ образомъ: спорящіе уходятъ на могилу; тамъ истецъ смѣриваетъ ростъ отвѣтчика и длину могилы, и становится на колѣна, послѣ чего слѣдуетъ повтореніе всѣхъ вышеприведенныхъ вопросовъ съ одной стороны и отвѣтовъ съ другой. Солгавшій при этомъ, по ихъ мнѣнію, непременно умретъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

П Е Р М Я К И.

Пермяки, когда-то весьма многочисленное племя, нынѣ считается въ числѣ не болѣе 60,000 душъ, живущихъ въ Пермской и частью въ Вятской губерніяхъ.

Новгородцы были первыми изъ русскихъ, познакомившихся съ Пермскою страной или Біармією, богатою солью, металлами и пушнымъ звѣремъ. Въ XII вѣкѣ новгородцы обложили пермяковъ данью и построили въ ихъ землѣ городъ Вятку. До конца XV вѣка пермская земля оставалась полусвободною и продолжала торговать съ Русью. Іоаннъ III смѣстилъ послѣдняго пермскаго царя и послалъ для управленія своего намѣстника. Въ христіанство они были обращены въ XIV вѣкѣ св. Стефаномъ перскимъ.

Живя отдѣльными группами и составляя совершенно отдѣльныя общины, они тѣмъ не менѣе уже совершенно обрусѣли и русской элементъ въ нихъ совершенно преобладаетъ надъ первобытнымъ. Небольшіе остатки и признаки самобытности племени исчезаютъ весьма замѣтно, и уже очень недалеко то время, когда долженъ исчезнуть и послѣдній слѣдъ. Когда-то рослое и сильное племя, нынѣ пермяки едва достигаютъ средняго роста и обладаютъ почти ничтожною

физическою силою. Пауль, въ своемъ сочиненіи «Les peuples de la Russie» приводитъ одинъ весьма замѣчательный примѣръ силы и долговѣчности одного семейства пермяковъ, которое сохранило свою кровь въ чистотѣ безъ всякой примѣси. Одинъ изъ членовъ этого семейства поднималъ телѣгу съ тяжестью 25 пудовъ муки и ставилъ ее на другую; онъ дожилъ до 115 лѣтъ, а отецъ его умеръ 112 лѣтъ.

Широкія плечи, короткая и тонкая шея, плоская грудь, короткія ноги, толстыя руки и широкая ступня придаютъ пермяку довольно безобразный видъ. Голова обыкновенно бываетъ маленькая и угловатая, а лобъ плоскій и крѣпкій. Замѣчательный контрастъ составляютъ жесткія руки, которыя по большей части тонки и съ хорошими пальцами.

Между пермяками довольно рѣзко различаются два типа. Одинъ съ свѣтлорусыми волосами съ рыжимъ оттѣнкомъ, широкое желтоватое лицо, сѣрые глаза, широкій приплюснутый носъ, толстыя губы и круглый подбородокъ. Другой типъ имѣетъ каштановые съ чернымъ оттѣнкомъ волосы, продолговатое смуглаго цвѣта лице, каріе или черные глаза, прямой тонкій носъ, тонкія губы и острый подбородокъ.

Вообще, какъ мужскіе, такъ и женскіе типы не красивы; полуоткрытые глаза лишены всякаго выраженія, и только страсть или вообще какое нибудь внѣшнее впечатлѣніе придаетъ имъ на минуту жизнь. Прочія черты лица въ совокупности выражаютъ умственную ограниченность, чувственность и упрямство.

Въ молодыхъ лѣтахъ глаза пермяковъ имѣютъ болѣе живое выраженіе, но женщины почти лишены бровей и имѣютъ слабо развитую грудь. Головной уборъ у женщинъ тотъ же, что и у русскихъ; замужнія носятъ два гребня; незамужнія же одинъ.

Праздничная рубаха пермяковъ дѣлается изъ бѣлаго холста и

бумажного или шерстяного воротника, вышитого красными узорами; штаны из той же материи со складками на бедрах и чаще всего голубого цвѣта. Въ холодное время носится обыкновенный бѣлый армякъ. Женщины по большей части носятъ русскій костюмъ, а въ торжественные дни надѣваютъ сарафаны и повойники. Одежда содержится дурно и не отличается чистотою. Вообще пермаки живутъ очень бѣдно и грязно.

Относительно здоровья слѣдуетъ замѣтить, что они довольно здоровы и легко переносятъ какъ суровый климатъ, такъ и тяжелыя работы, которыми занимаются. Господствующая болѣзнь у нихъ—скорбуть происходящая отъ дурнаго питанія, а также разныя другія болѣзни, происходящія отъ дымныхъ и грязныхъ жилищъ, въ которыхъ живутъ пермаки.

Нравственность какъ мужчинъ, такъ женщинъ и дѣвушекъ стоитъ на самой низкой степени.

Ограниченный въ своихъ умственныхъ способностяхъ, пермякъ отличается сварливостью, злостью и мстительностью между своими земляками, и въ то же время робостью съ посторонними.

Упрямство, настойчивость, скрытность и недовѣрчивость, при чрезвычайной тупости, составляютъ не маловажные недостатки пермяковъ. Люди съ свѣтлымъ здравымъ умомъ между ними рѣдки, но на разныя плутни есть много способности. Грамотности между ними почти не существуетъ вовсе. Въ пермскихъ имѣнιάхъ гр. Строгонова едва 4 мужчины на 1000 человекъ и 2 женщины на 2000 человекъ грамотныя.

Говорить пермякъ вообще мало, очень суевѣренъ, предается чувственности, пьянству и вообще всякой невоздержности, что замѣчается одинаково какъ между мужчинами, такъ и женщинами.

Повѣрья и предрасудки и другіе обряды у пермяковъ главнымъ образомъ почти тѣ же, что и у русскихъ. Мы немного остановимся

на тѣхъ, которыя встрѣчаются исключительно только у однихъ пермяковъ. Такъ лѣшій, по мнѣнію пермяковъ, очень любитъ русскій листовою табакъ; чтобы задобрить его, стоитъ только снести, пачку табаку въ ближайшій лѣсъ и положить гдѣнибудь на пень.

Когда ктонибудь въ домѣ умретъ, то его кладутъ не на столъ что считается большимъ грѣхомъ, а на лавку. Гробъ дѣлаютъ не иначе, какъ на улицѣ, и всѣ щепки и остатки дерева сжигаются. Когда покойникъ уже положенъ въ гробъ, ему кладутъ въ руки нѣсколько мѣдныхъ монетъ, а сверху на гробъ кладутъ красныя поясочки, мочало и хлѣбъ или рыбный пирогъ. Провожающіе покойника садятся на его гробъ и поютъ разныя пѣсни, особеннымъ печальнымъ тономъ. Поясочки и другія вещи, лежащія на гробѣ, раздають встрѣчнымъ на дорогѣ. Милостыню подаютъ не иначе какъ черезъ гробъ, а покойника какъ лѣтомъ, такъ и зимою отвозятъ на могилу не иначе какъ въ саняхъ, которыя бросаются на могилѣ; брать ихъ домой—значитъ будетъ еще покойникъ.

Поминки совершаются на могилахъ также, какъ и у русскихъ, съ тою только разницею, что обыкновенно на томъ мѣстѣ, гдѣ приходится голова покойника, вырываютъ ямку, наливаютъ въ нее брагу, приговаривая: «пей, пей, какъ ты прежде пивалъ».

Знахари играютъ ту же роль, что и у великоруссовъ; но у здѣшнихъ знахарей существуетъ особый родъ знахарства «черъ эшванъ» (вѣшать топоръ).

Заболѣвшій пермякъ, отправляясь къ знахарѣ, беретъ съ собою въ узелокъ воскъ, мѣдныя деньги и шишку хмѣля. Колдунъ или колдунья свѣчу ставитъ къ образамъ, вынимаетъ нѣсколько каленыхъ угольковъ изъ печи, растираетъ хмѣль въ порошокъ, снимаетъ съ себя крестъ, беретъ топоръ, и вѣшаетъ его подобно безмѣну на суорокъ. Приведя его въ равновѣсіе, знахарка начинаетъ перебирать имена святыхъ, въ честь которыхъ находятся въ околдѣ

церкви, и наблюдает при имени какого святаго топоръ выйдетъ изъ равновѣсія. Положивъ топоръ на мѣсто и посмотрѣвъ на хмѣль и воскъ, знахарка объявляетъ посѣтителю какимъ средствомъ онъ можетъ получить желаемое, т. е. совѣтуетъ ему сходить въ церковь и поставить святому свѣчу величиною въ руку, въ цѣлнй ростъ, смотря по тому, весь-ли человекъ болѣнъ, болятъ-ли у него руки или ноги, или велитъ отслужить по комъ нибудь панихиду.

Черъ-эшваннныя свѣчи, приготовляемныя кругами въ видѣ веревочки, можно видѣть передъ образами во всѣхъ почти церквахъ, находящихся въ пермяцкихъ селеніяхъ.

Вообще въ религіозномъ отношеніи пермяки представляютъ уродливое подражаніе христіанамъ. Въ церковь они ходятъ очень рѣдко отговариваясь недосугомъ; многіе бывали въ церкви въ продолженіе всей своей жизни только два раза: одинъ при крещеніи, другой во время свадьбы. Говѣютъ и исповѣдываются весьма немногіе, а приобщаются еще менѣе. Посты же, напротивъ, соблюдаютъ весьма строго, особенно старикъ и старухи. Молитвы знаютъ только самыя краткія, да и то читаютъ ихъ неправильно, искажая чуть ли не каждое

слово. Вообще понятія ихъ о вѣрѣ самыя шаткія и темныя, почему не удивительно, что между ними не встрѣчается раскольниковъ.

Но если пермяки отстали отъ русскаго взгляда въ религіозномъ отношеніи, то далеко превзошли его своимъ суевѣріемъ, Нигдѣ въ Великоросіи волдунъ, знахаръ и разныя другіе шарлатаны не пользуются такимъ довѣріемъ какъ между пермяками.

Сами себя пермяки называютъ, также какъ и зыряне, коми; названіе же пермяковъ дано имъ русскими. Языкъ есть одна изъ отраслей чудскаго или фінскаго и вообще бѣденъ; одно и то же выраженіе нерѣдко имѣетъ множество значеній; а многія русскія слова, вошедшія въ языкъ пермяковъ, приняли форму туземнаго языка. Такъ напримѣръ русское слово думать измѣнилось въ *думайтны*; баять, т. е. говорить—въ *баятны* и проч. По неизбѣнью родовъ и по недостатку многихъ глаголовъ, пермяки вмѣсто мужскаго рода употребляютъ женскій и наоборотъ: *Мой баба пропавъ*, говоритъ напримѣръ пермякъ съ случаѣ смерти своей жены. Вообще же всѣ они понимаютъ русскій языкъ и почти всѣ говорятъ на немъ.

ХVI. ВОГУЛЫ.

Вогулы принадлежатъ къ той отрасли финскаго племени, которая называется *урскою*, заключающею въ себѣ и остяковъ, и родственною съ мадырами или венграми. Они живутъ главнымъ образомъ въ Сибири, въ Тобольской губерніи, но часть ихъ есть и по сую сторону Уральскаго хребта въ Пермской губерніи.

Когда-то дикіе и безпокойные вогулы нынѣ отличаются мирнымъ и спокойнымъ характеромъ, хотя не лишеннымъ многихъ недостатковъ, какъ-то: жестокости и упрямства. Наиболѣе цивилизованные изъ вогуловъ отличаются ото всѣхъ прочихъ финскихъ племенъ веселостью и живостью характера. Они впрочемъ постепенно утрачиваютъ свой видовой типъ и смѣшиваются съ другими племенами.

Не ища никакого труда или работы, вогуль въ то же время и не боится ихъ. По природѣ своей онъ охотникъ, и зимнее время, время охоты—для него настоящій праздникъ. Онъ преслѣдуетъ звѣря по цѣлымъ днямъ и, убивъ его, удовлетворяетъ имъ только свою потребность, а остальное прячетъ и продолжаетъ охоту, возвращаясь къ спрятанной добычѣ только по окончаніи. Лѣтомъ вогуль предпочитаетъ ничего не дѣлать, и только крайняя необходимость существ-

вованія заставляеть его переходить къ берегамъ рѣкъ для рыбной ловли и охоты на птицъ.

У вогуловъ нѣтъ ни пашень, ни огородовъ, и только немногіе изъ нихъ занимаются скотоводствомъ. Звѣриною же ловлею они занимаются со страстью, употребляя для охоты ружья, луки, стрѣлы и рогатины.

Вогулы, живущіе по р. Кондѣ въ Сибири ведутъ совершенно осѣдлую жизнь и до того обрусѣли, что ихъ пельзя отличить отъ русскихъ крестьянъ: тѣ же дома, та же одежда и рѣчь, и вся разница замѣчается только въ томъ, что, умѣя говорить по русски, эти вогулы не забыли и свой родной языкъ.

Въ Пермской губерніи тоже приучаютъ вогуловъ къ осѣдлой жизни и земледѣлію, но не имѣютъ успѣха: дремучіе лѣса и охота привлекаютъ вогула гораздо болѣе чѣмъ хлѣбопашество.

Вогуль молчаливъ, и на лицѣ его рѣдко можно подмѣтить знаки удовольствія; даже во время танцевъ и возбужденія табакомъ и водкою его физіономія сохраняетъ свое обычное спокойствіе и угрюмость. Въ то же время вогуль, въ противоположность остяку и самоѣду, почти никогда не жалуется ни на что; его сжатые губы, глубокой и мрачный взглядъ рѣзко выражаютъ непреклонный характеръ.

Наиболѣе сохранили свой наружный типъ вогулы, живущіе въ Верхотурскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ Пермской губерніи. Эти вогулы роста болѣе средняго, цвѣтомъ лица походятъ на сибирскихъ инородцевъ; волосы имѣютъ черные, часто кудрявые, узкіе глаза, небольшой, нѣсколько приплюснутый носъ, и значительно выдающіяся скулы. Нѣкоторые не имѣютъ ни бороды, ни усовъ, у другихъ небольшіе усы, но борода такъ мала, что едва прикрываетъ подбородокъ или состоитъ изъ нѣсколькихъ волосковъ.

Одежда вогуловъ почти не отличается отъ платья русскаго крестьянина, а пища крайне не взыскательна; нѣкоторые изъ вогуловъ и нынѣ еще ѣдятъ конину. Приготавливается же пища чрезвычайно

неопрятно. Рыбу наприжърь варятъ они вмѣстѣ съ внутренностями и чешуей въ котлахъ, которые никогда не моютъ. Сначала ѣдятъ наваръ, а потомъ грязными руками и рыбу.

Жилища ихъ также крайне неопрятны. Оригинальна бываетъ дѣтская колыбель, устраиваемая слѣдующимъ образомъ: берутъ большую бересту длиною около аршина, а шириною около двухъ четвертей, закругляютъ края, перегибаютъ по серединѣ почти подъ прямымъ угломъ и подвѣшиваютъ къ потолку. Посадивъ въ эту корзину ребенка, привязываютъ его къ ней по рукамъ и ногамъ, и ребенокъ спитъ въ сидячемъ положеніи.

Въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ вогулы стоятъ очень низко. Живя въ отдаленіи отъ большихъ селеній, гдѣ есть церкви, и занимаясь рыбною ловлею и звѣриною охотою, они не имѣютъ возможности посѣщать церкви и исполнять христіанскія обязанности. Многіе донинѣ предаются шаманству и до сихъ поръ сохранили обряды этой религіи и между прочимъ принесеніе въ жертву богамъ лошадей.

Лѣность вогуловъ составляетъ главную причину ихъ бѣдности, а равнодушіе къ своему положенію поразительно. Часто случается, что къ семействѣ нечего ѣсть, а вогуль курятъ себѣ трубку и играютъ въ карты.

При всѣхъ недостаткахъ у вогула есть и нѣкоторыя хорошія черты, между которыми выдаются состраданіе и гостепріимство. Передъ начальствомъ вогулы боязливы, между собою тихи, а съ промышленниками, пріѣзжающими къ нимъ за мѣхами и рыбою, даже хитры. Такъ, вогуль съ разу не покажетъ промышленнику всего своего товара, а дѣлаетъ это постепенно, чтобы подзадорить покупателя. Но за то какъ только отвѣдаетъ онъ воды, то вся хитрость его тотчасъ же исчезаетъ, твердость пропадаетъ, онъ дѣлается мягкимъ и сговорчивымъ. Тутъ онъ выкладываетъ передъ покупате-

лемъ все свое богатство и изъ за лишняго боченка водки продаетъ за безцѣнокъ дорогіе товары.

Въ жизни ихъ нѣтъ ничего выдающагося; свадебные обряды они совершаютъ безъ всякихъ церемоній, просто платя за жену отъ 10 до 30 рублей, а умершихъ погребаютъ въ лѣсахъ, кладя вмѣстѣ съ покойникомъ ножъ, огниво, табакъ, его лукъ и стрѣлы. Музыкальный инструментъ ихъ явчто въ родѣ балалайки съ шестью металлическими струнами. Подъ звукъ этого инструмента вогулы распѣваютъ свои пѣсни, въ которыхъ воспѣваютъ медвѣдя. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ изъ ихъ пѣсенъ сохранились героическія преданія, въ которыхъ воспоминается о бывшемъ могуществѣ вогуловъ и ихъ прошедшемъ величіи.

И дѣйствительно, вогулы были нѣкогда сильнымъ племенемъ, которое вело войны съ соседями и упорнѣе другихъ инородцевъ сопротивлялась русской власти. Они жгли русскіе города и села, уводили въ плѣнъ жителей, а перваго проповѣдника христіанства епископа Патерима, замучили до смерти. Только съ устройствомъ Пелымскаго острога въ 1593 году, обращеннаго въ 1693 году въ городъ, вогулы усмирились.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что вогулы, которые быстро идутъ къ полному исчезновенію, не были первобытными жителями занимаемой ими нынѣ земли. По всей вѣроятности, другой народъ, болѣе образованный, жилъ здѣсь въ городахъ, и что вогулы и остатки пришли сюда уже позже, и весьма можетъ быть, что они явились сюда изъ мѣстъ, занятыхъ нынѣ башкирами.

Общее число вогуловъ доходмтъ въ 3,000 душъ.

Въ заключеніе сюда же, къ финскому племени принадлежатъ еще лопари и самоѣды но о лопаряхъ будетъ говорено далѣе, когда мы будемъ описывать жителей тундръ.

СЕМИТИЧЕСКОЕ ПЛЕМЯ.

ХVII. ЕВРЕИ.

Историческія черты; характеръ и домашній бытъ.

Евреи расселены по всему пространству Россіи какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи; наиболѣе же всего они сосредоточены въ Привислянскомъ краѣ, сѣверо-и югозападныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Общее число ихъ доходитъ до 2.330,000 душъ обоего пола. Евреи одинъ изъ самыхъ любопытныхъ народовъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ они служатъ представителями самаго древнѣйшаго типа. Они постоянно чуждались смѣшенія съ другими народами, а потому главнѣйшія, типическія черты сохранились между ними во всей цѣлости. Но цѣлость типа не спасла его отъ измельчанія. Евреи пережили много тяжелыхъ столѣтій, гнетъ которыхъ положилъ свой роковой отпечатокъ на все ихъ существо, какъ физическое, такъ и духовное. Въ эпоху земной жизни Спасителя, Иудея находилась подъ властью римскихъ императоровъ, которые управляли ею посредствомъ своихъ прокураторовъ или намѣстниковъ. Положеніе

евреевъ было очень бѣдственное. Корыстолюбивые и деспотическіе прокураторы угнетали народъ до такой степени, что иногда содержали даже шайки убійцъ и разбойниковъ, которые дѣлили съ ними добычу. Нерѣдко вспыхивали народныя возстанія, но они были подавляемы, и евреи переселялись толпами въ отдаленныя земли. Последній римскій намѣстникъ, Гессій Флоръ, превзошелъ въ жестокости всѣхъ своихъ предшественниковъ и, доведенные до отчаянія евреи въ Палестинѣ, взялись за оружіе. Императоръ Неронъ послалъ для усмиренія возставшихъ войско подъ предводительствомъ Веспасіана, знаменитаго полководца того времени; но Веспасіанъ вскорѣ возвратился въ Римъ для того, чтобы принять самому императорскую корону, и поручилъ начальство надъ войскомъ сыну своему Титу. Титъ началъ осаду Іерусалима въ 70 году, во время праздника Пасхи, когда въ столицу Іудеи собралась со всѣхъ сторонъ громадная масса евреевъ. Осада эта сопровождалась всѣми ужасами голода. Кровли домовъ были покрыты умиравшими отъ голода женщинами и дѣтьми, а на улицахъ находили каждое утро до 500 чело-вѣкъ, умершихъ голодною смертію. Только въ одни городскія ворота вынесли въ продолженіе шести недѣль 115,088 мертвыхъ, не считая тѣхъ, которые были похоронены своими родственниками.

Евреи, защищавшіеся со всѣмъ мужествомъ отчаянія, рѣшились спасти храмъ Соломоновъ или погибнуть вмѣстѣ съ нимъ. Тысячи ихъ пали при защитѣ своей святыни. Римляне, приведенные въ ярость упорною защитою евреевъ, зажгли ворота, которыя вели во внутрь храма и, не смотря на желаніе Тита спасти великолѣпное зданіе, оно обратилось въ груды пепла и развалинъ. Множество евреевъ сами бросались на мечъ побѣдителей, не желая пережить паденія своего святилища и гибели народа. Въ продолженіе этой кровопролитной войны погибло болѣе милліона евреевъ отъ меча, голода и пламени; 67,000 оставшихся въ живыхъ были взяты въ плѣнъ. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ избрали для триумфальной процес-

сія Тита, другихъ заковали въ цѣпи и послали въ Египеть для работы въ рудникахъ. Многихъ также разослали въ разныя римскія провинціи для боевыхъ игръ съ дикими звѣрьми. Послѣ паденія Іерусалима, евреи разбѣялись по всей землѣ, какъ въ христіанскихъ, такъ въ мусульманскихъ земляхъ, и начались ихъ непрерывныя, вѣковыя страданья. Нѣсколько разъ еще пытались они завоевать свою гражданскую независимость; но такъ какъ всѣ ихъ усилія ни къ чему не привели, то они старались уже только духовными средствами соединить всѣхъ разбѣянныхъ членовъ въ одно религіозное общество. Они раздѣлились на западныхъ и восточныхъ.

Западные — избрали себѣ духовнымъ главою патріарха, подѣ названіемъ Наси; глава же восточныхъ евреевъ носилъ названіе Решъ-Гелута. Евреи твердо вѣрятъ еще и донинѣ, что Богъ возвратитъ ихъ когда нибудь въ отечество и что ихъ потомки возстановятъ храмъ Соломона.

Отсюда проистекаетъ ихъ приверженность къ правамъ, привычкамъ, часто даже къ мѣстнымъ обычаямъ ихъ отечества, которыя они принимаютъ за религіозные законы. Опасеніе, чтобы не позабылось что нибудь изъ еврейскихъ религіозныхъ постановленій, побудило раввиновъ составить Талмудъ, который оконченъ около 425 года. По мѣрѣ того, какъ христіанство распространялось между народами, евреи терпѣли все большія преслѣдованія. Особенно времена крестовыхъ походовъ были самою грустною эпохою въ ихъ исторіи. Такъ, на примѣръ, въ Германіи, гдѣ ихъ преслѣдовали сильнѣе чѣмъ въ другихъ странахъ, евреи въ праздничные дни не должны были открывать своихъ лавокъ. Во время Страстной недѣли не смѣли показываться на улицахъ, чтобы не встрѣчать христіанъ. Похороны, свадьбы и другія публичныя церемоніи евреи должны были отправлять такъ, чтобы этого не замѣчали христіане; въ христіанскіе посты они не должны были покупать говядины; даже гражданскій законъ запрещалъ христіанамъ ѣсть, пить, вкупаться и пр. вмѣстѣ съ

евреями, подѣ опасеніемъ отлученія отъ церкви. Они должны были носить одежду только изъ грубаго сукна, а изъ мѣховъ могли употреблять только телячью шкуру. Они не должны были играть въ кости и давать пирушки больше чѣмъ на двѣнадцать человѣкъ. Имъ запрещалось носить оружіе, и не только обиду, причиненную еврею, но даже убійство его можно было искупить небольшою суммою денегъ.

Богатство ихъ, наживаемое торговлею, возбуждало зависть, и многіе сильные пользовались ихъ положеніемъ для удовлетворенія своего корыстолюбія.

Въ Германіи, Конрадъ IV велѣлъ арестовать многихъ богатыхъ евреевъ; Венцеславъ простилъ всѣ долги христіанъ евреямъ, если должники, смотря по состоянію, внесутъ ему отъ 15 до 30 процентовъ. Во Франціи, въ 1182 году, отняли у евреевъ все имущество и совершенно изгнали ихъ изъ страны. Филиппъ - Августъ, имѣя надобность въ деньгахъ для крестовыхъ походовъ, опять призвалъ ихъ во Францію, а при Людовикѣ IX ихъ, какъ товаръ, перепродавали изъ рукъ въ руки.

Въ Англіи положеніе ихъ было также не менѣе тяжелое. Они были обложены тамъ огромными налогами, для храненія которыхъ было даже устроено особое присутственное мѣсто, подѣ названіемъ сокровищницы евреевъ. Эдуардъ I захватилъ въ свои руки всѣ имущества евреевъ и велѣлъ имъ вслѣдъ затѣмъ оставить страну. 16,000 евреевъ покинули Англію, чтобы искать пріюта въ другихъ государствахъ, гдѣ подверглись новымъ преслѣдованіямъ.

Не менѣе страдали евреи изъ за своихъ религіозныхъ убѣжденій. Религіозный фанатизмъ особенно преслѣдовалъ ихъ въ Испаніи. Въ 1391 году, въ Севильѣ толпа черни, возбужденная проповѣдями архіепископа Небла, умертвила около 7,000 еврейскихъ семействъ, принудивъ другихъ отречься отъ своей религіи. То же самое повторалось и въ другихъ испанскихъ городахъ. 200,000 евреевъ пере-

шли дѣйствительно въ христіанство, но только наружно. Фердинандъ, учредивъ страшный инквизиціонный судъ, придавъ видъ законности конечному истребленію всѣхъ не-христіанъ, особенно евреевъ, такъ какъ богатства осужденныхъ инквизиціею конфисковали въ пользу казны, — и для евреевъ настала самая мрачная эпоха, которую можно назвать эпохою еврейскаго мученичества. Она окончилась катастрофою, единственною въ своемъ родѣ: въ 1492 году, Фердинандъ и Изабелла издали повелѣніе, чтобъ всѣ испанскіе евреи, въ числѣ 500,000 человекъ, оставили страну.

Въ восточной Европѣ евреи появились во время крестовыхъ походовъ и преимущественно въ Литвѣ и Польшѣ. Нѣкоторые изъ литовскихъ князей давали евреямъ даже многія льготы. Цвѣтущее время для нихъ было царствованіе Сигизмунда-Августа, который испрашивалъ для евреевъ льготы даже у сосѣднихъ государей. Такъ въ 1549 году онъ просилъ царя Ивана Васильевича о дозволеніи литовскимъ евреямъ свободно торговать въ Россіи, на что царь отвѣчалъ, что онъ и слышать не хочетъ о народѣ, который привозилъ въ Россію отраву для души и тѣла, продавалъ смертельный порошокъ, злословилъ противъ христіанъ и проч.:

Впослѣдствіи, съ присоединеніемъ къ Россіи Литвы и Польши, въ составъ различныхъ національностей Россіи вошли значительною массою и евреи.

Были, впрочемъ, монархи, которые относились къ евреямъ человѣколюбивѣе и, подъ ихъ правленіемъ, евреи отдыхали отъ своихъ страданій. Но это было только временнымъ облегченіемъ. Гораздо чаще евреи владели самымъ жалкимъ существованіемъ.

Съ реформаціею положеніе евреевъ нѣсколько облегчилось: такъ какъ Лютеръ, не смотря на свое нерасположеніе къ евреямъ, проповѣдовалъ въ отношеніи ихъ терпимость. Впрочемъ положеніе евреевъ улучшалось очень медленно и не во всѣхъ странахъ.

Въ XVIII вѣкѣ, евреевъ хотя не истребляли уже огнемъ и ме-

чемъ, но положеніе ихъ все-таки было плачевно. Въ нѣкоторыхъ городахъ и селеніяхъ имъ даже запрещалось оставаться на ночь; было множество общинъ, въ которыхъ имъ не позволяли селиться, и множество недоступныхъ еще для нихъ занятій и ремеслъ. Кромѣ того, еврей публично и безнаказанно подвергался всякаго рода насмѣшкамъ и оскорбленіямъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока цивилизація между христіанами развилась на столько, что нашла нужнымъ взять этотъ несчастный народъ подъ свою могучую защиту. Лессингъ, Кругъ, фонъ - Ульменштейнъ и другіе писатели были первыми проповѣдниками человѣческихъ и гражданскихъ правъ евреевъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія объ эмансипаціи евреевъ появилось до 500 сочиненій, обратившихъ общее вниманіе на этотъ вопросъ. Парижскій университетъ предложилъ премію за лучшее сочиненіе объ улучшеніи положенія евреевъ, и три сочиненія удостоились этой преміи.

Поощренныя заступничествомъ христіанъ, евреи подавали просьбу въ Національное Собраніе, во время засѣданія 4-го августа 1780 года, объ уравненіи ихъ правъ съ другими гражданами. Виконтъ Шоайль и герцогъ Монмаронси побудили Національное Собраніе принять эту просьбу, и съ тѣхъ поръ всѣ ограниченія и стѣсненія евреевъ исчезли во Франціи.

Наполеонъ I, 30 мая 1806 года, созвалъ собраніе еврейскихъ депутатовъ, для того чтобы лучше ознакомить массу французскаго народа съ религіозными началами евреевъ. Отвѣты депутатовъ чрезвычайно расположили императора и народъ въ пользу евреевъ, — и съ тѣхъ поръ евреи, поддерживаемые правительствомъ, занимаются тамъ земледѣліемъ, ремеслами, промышленностью, искусствами и военнымъ дѣломъ. Вмѣстѣ съ войнами и побѣдами Наполеона распространились и въ другихъ странахъ начала терпимости и свободы евреевъ.

Съ другой стороны, распространение образованія между евреями не мало способствовало также къ уничтоженію вѣковыхъ преградъ между ними и другими народами.

Въ этомъ отношеніи оказалъ громадную заслугу своимъ соплеменникамъ еврейскій ученый, Моисей Мельдельсонъ, р. въ Дессау въ 1729 году и ум. въ Берлинѣ въ 1786. Онъ имѣлъ громадное вліяніе на своихъ единовѣрцевъ, освободилъ духъ ихъ отъ обветшалыхъ вѣрованій, пробудилъ въ нихъ любовь къ научнымъ интересамъ и указалъ путь къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Чтобы содѣйствовать болѣе разумному пониманію религиозныхъ источниковъ, онъ старался сдѣлать священное писаніе общедоступнымъ. Такъ онъ перевелъ съ древне-еврейскаго на нѣмецкій языкъ Пятикнижіе Моисея, Псалмы и Пѣснь-пѣсней.

Переводъ этотъ произвелъ сильное дѣйствіе на евреевъ не только въ Германіи, но и въ Бельгіи, Голландіи, Франціи, Испаніи и даже Польшѣ. Старые раввины предали Мендельсона анаемѣ, но это не помѣшало успѣху его переводовъ. Евреи прозвали Мендельсона третьимъ Моисеемъ, за то, что онъ освободилъ ихъ отъ гнета отсталыхъ понятій, внушилъ христіанамъ лучшее мнѣніе о нихъ и пролежалъ путь къ ихъ сближенію съ другими народами.

Одинъ изъ послѣдователей Мендельсоновой школы, еврей Якобсонъ, преобразовалъ еврейское богослуженіе, введя въ него нѣмецкую проповѣдь, молитвы и хоральное пѣніе.

Онъ много заботился объ училищномъ преподаваніи и, въ 1809 году устроилъ въ Касселѣ нѣмецкую школу для дѣтей и еврейскую педагогическую семинарію. Также пожертвовалъ онъ 100,000 талеровъ на учрежденіе училища, куда принимали питомцевъ безъ различія вѣроисповѣданій.

Такимъ образомъ, наступилъ періодъ образованныхъ раввиновъ и вмѣстѣ съ тѣмъ началась война между ними и представителями

старога раввинизма. Борьба эта еще не окончена, но уже принесла свои плоды. Многія несовременныя, обрядовыя формы потеряли всякое значеніе у германскихъ евреевъ и они все болѣе и болѣе проникаются сознательнѣе, что конечная цѣль и единственное стремленіе ихъ религіи должны быть—преданность Богу и дѣятельная любовь къ человѣчеству. Вѣковая тьма, тяготѣвшая надъ еврейскимъ народомъ, разсѣялась, и можно надѣяться, что съ дальнѣйшимъ распространеніемъ образованія между евреями, исчезнутъ окончательно всѣ предрассудки относительно этого народа и презрѣніе къ нему, которое такъ унижительно для человѣческаго достоинства.

Продолжительное жалкое существованіе еврейскаго народа не могло не принести своихъ роковыхъ плодовъ и въ современномъ намъ еврейѣ,—щедушномъ, одаренномъ скуднымъ запасомъ тѣлесныхъ силъ и подверженномъ разнымъ наследственнымъ болѣзнямъ, трудно представить себѣ потомка современниковъ Авраама и другихъ патриарховъ, которые вели здоровую, патриархальную жизнь, среди благословенной природы ихъ родины.

Физиономія евреевъ вообще красива. Черные волосы, умные черные глаза, скорѣе съ мягкимъ чѣмъ съ блестящимъ взглядомъ, носъ орлиный или иногда правильный,—чрезвычайно бѣлые зубы и смуглый, матовоблѣдный цвѣтъ лица: вотъ отличительные признаки ихъ наружности. Но еврей узнается съ разу, изъ цѣлой толпы иноплеменниковъ, не по этимъ признакамъ, а по какому-то исключительному, ему свойственному, неуловимому, типическому отпечатку, которымъ пронизано все его существо. Этотъ отпечатокъ встрѣчается какъ между образованными, такъ и между необразованными евреями, между богатыми и между бѣдными и во всѣхъ странахъ. Выраженіе лица еврея, осанка, каждая черта въ немъ дышетъ чѣмъ-

то робкимъ, мягкимъ, часто заискивающимъ и униженнымъ. Связь эту мягкость пробивается его врожденная страстность, обнаруживающаяся въ подвижности фізіономіи, въ сильной жестикуляціи въ рѣзкихъ перемѣнахъ интонацій голоса и во взглядѣ, который, не смотря на его бархатистые переливы, способенъ иногда метать молніи.

Относительно наружности евреевъ слѣдуетъ, впрочемъ замѣтить что щедушность ихъ и слабость тѣлесныхъ силъ происходитъ не отъ одного историческаго вліянія, но также и отъ разныхъ, уже отъ нихъ самихъ зависящихъ, условій ихъ быта. Къ главнѣйшимъ изъ нихъ принадлежитъ то обстоятельство, что евреи женятся рано и почти всегда бывають обременены многочисленною семьею. Грудныхъ дѣтей выкармливають сами матери, что рано истощаетъ ихъ силы и отзывается неблагопріятно на меньшихъ дѣтяхъ. Кромѣ того еврейскихъ мальчиковъ рано начинаютъ учить грамотѣ и всей еврейской книжной премудрости. Чуть только ребенокъ достигнетъ того возраста, когда станетъ способнымъ въ ученю, ему начинаютъ вбивать въ голову Талмудъ *), и онъ просиживаетъ въ школѣ надъ уче-

*) Талмудомъ называется богословская книга евреевъ, составленная учеными раввинами. Послѣ разрушенія Іерусалимскаго храма, раввинъ Іегуда, опасаясь чтобы при увеличивающемся разсѣяніи евреевъ устный законъ, переданный имъ предками, не исказился и не пришелъ въ забвеніе, списалъ законы, существующіе по преданію. Онъ назвалъ грудь своей Мисна. Но краткость Мисны сдѣлала ее вскорѣ недостаточною и текстъ ея допускалъ различныя толкованія. Ученые раввины прибавили къ ней свои поясненія, изданныя, подъ названіемъ Гемара (заключеніе). Мисна и Гемара составляютъ Талмудъ. Гемара заключаетъ въ себѣ толкованіе текста Мисны, разсужденія объ отдѣльныхъ постановленіяхъ, аллегорическіе разсказы и изреченія, замѣчанія о философіи, медицинѣ, естественныхъ наукахъ и географіи, анекдоты и характеристическіе очерки. вмѣстѣ съ тѣмъ, Гемара составляетъ какъ бы протоколы того, что раввины говорили и дѣлали въ кругу своихъ знакомыхъ и друзей, и того чему учили въ школахъ. Встрѣчаемые въ Талмудѣ мнѣнія ученыхъ, не относящіяся до законовъ, называются Гагада (сказаніе); собственно же законодательная часть известна подъ названіемъ Галаха.

нѣмъ по цѣлымъ днямъ, такъ что наконецъ корпѣнье надъ книгами превращается у него въ привычку. Отъ этого развиваются разные болѣзни, какъ напримѣръ: геморрой, золотуха, чахотка и глазныя, которыя передаются евреями по наслѣдству ихъ дальнѣйшимъ потомкамъ. Всѣ тѣлесныя упражненія, способствующія въ укрѣпленію тѣла, какъ напр. верховая ѣзда, охота и т. п., не только не въ обычаѣ между ними, но даже считаются неприличными.

Пища евреевъ, подверженная разнымъ религіознымъ ограниченіямъ и у бѣдныхъ часто не довольно питательная, также имѣетъ неблагопріятное вліяніе на развитіе ихъ физическихъ силъ.

У насъ, въ Россіи, въ отношеніи тѣлосложенія и здоровья, евреи разнятся по климатамъ. Малороссійскія евреи не высоки ростомъ, но крѣпкаго сложенія и многими физическими чертами похожи на малоросовъ. Евреи, живущіе въ Новороссійскомъ краѣ и въ Бессарабіи, также крѣпкаго сложенія, но ростомъ выше малороссійскихъ. Волынскіе и польскіе евреи отличаются здоровымъ сложеніемъ, легкостью и красотою. Въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, напротивъ, они щедушнѣе чѣмъ гдѣ либо и мѣшкватѣе.

Перейдемъ теперь къ духовной сторонѣ евреевъ. И здѣсь, какъ въ отношеніи наружности, рѣзко сказались тѣ черты, которыми народъ этотъ обязанъ своему тяжкому прошлому.

Евреи вездѣ были пришельцами и гоненія часто заставляли ихъ переселяться изъ одной страны въ другую. Они постоянно должны были трепетать за свою жизнь или имущество.

Большинство евреевъ считаютъ Талмудъ настоящею энциклопедіею всякой премудрости. Но онъ изобилуетъ запутанными умствованіями, неразрѣшенными дилеммами и нехлѣбными. Когда талмудисты зачуются въ своей схоластикѣ такъ, что не въ состояніи разрѣшить противорѣчащихъ талмудическихъ задачъ, то разсѣиваютъ Гордіевъ узелъ словомъ: «тейку», что означаетъ: «надо подождать до прибытія пророка Іліи».

МОРДОВКА. ЧЕРЕМИСКА. ЧУВАШКА. ФИННЪ.

ЕВРЕИ: КАРАИМЫ И ТАЛМУДИСТЪ.

При такомъ тяжеломъ положеніи, всё ихъ духовныя силы были устремлены главнымъ образомъ на защиту себя отъ притѣсненій и на спасеніе своей жизни.

Понятно, что въ ихъ духовномъ существѣ отразился недостатокъ тѣхъ вліяній, которыя имѣютъ такое громадное значеніе въ духовномъ развитіи другихъ, болѣе счастливыхъ народовъ. Это замѣтно даже въ направленіи ихъ умственной дѣятельности.

Никто не станетъ отрицать, что евреи — народъ щедро одаренный умомъ, способностями къ различнымъ наукамъ. Но «у всѣхъ евреевъ одинаковъ сехель», (умъ) говоритъ еврейско-нѣмецкая поговорка. И дѣйствительно, ихъ умственная дѣятельность однообразна. Главная черта ихъ ума, практичность, заставляла ихъ всегда предпочитать такія науки, которыя могли быть имъ полезны въ ихъ положеніи. Такъ медицина была всегда въ рукахъ ихъ могучимъ орудіемъ.

Въ средніе вѣка уважали только ремесленника, къ научной же дѣятельности относились почти съ презрѣніемъ. Христіанскихъ врачей было мало, да и познанія ихъ были не обширны. Вѣчно угнетенный и презираемый, еврей вѣрно рассчитывалъ, что его медицинскія свѣдѣнія могутъ сдѣлать его необходимымъ для его гонителей и схватился за медицину какъ за спасительную силу. Этимъ объясняется предпочтеніе евреевъ и развившаяся въ нихъ способность къ этой науцѣ. Она давала имъ власть и значеніе даже при дворахъ королей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность благотѣльнаго вліянія на участь ихъ соплеменниковъ. Такъ, еще во времена Саладина въ Египтѣ, еврей Майлюида былъ лейбъ-медикомъ при его дворѣ. Еврей Элій Монтальто, лейбъ-медикъ королевы Маріи Медичи, былъ въ дружбѣ съ Генрихомъ IV. Даже папа Бонифацій IV имѣлъ лейбъ-медикомъ еврея Эгила де Монтальто, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ его домашнимъ другомъ. Въ Россіи, при дворѣ царя Алексѣя Михайловича былъ также врачъ изъ евреевъ Давіель. Если же въ

настоящее время евреи перестали предпочитать эту научную отрасль другимъ, то это потому, что «другія времена — другіе нравы». Они не имѣютъ болѣе надобности въ томъ орудіи, которое прежде служило имъ могущественнымъ средствомъ къ защитѣ. Способность евреевъ къ математикѣ и математическимъ наукамъ также обуславливается отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что они постоянно вынуждены были заниматься торговлею. Изощряя постоянно умъ своей надъ коммерческими комбинаціями, они выработали въ себѣ талантъ къ математикѣ, который переходилъ и переходитъ по наслѣдству къ ихъ потомкамъ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что между евреями, какъ и другими народами, были также извѣстные философы, астрономы, географы и другіе ученые. Замѣчательно однако то обстоятельство, что практичный еврейскій умъ рѣдко достигаетъ гениальности. Между евреями очень много талантливыхъ, людей но очень мало гениальныхъ.

Своей расцѣпленности по всему міру и отчасти также религіознымъ условіямъ обязаны евреи всѣмъ извѣстною способностью ихъ къ языкамъ. Кромѣ искаженного древне-нѣмецкаго языка, который употребителенъ между ними въ житейскомъ быту, — каждый еврей необходимо долженъ знать еще языкъ той страны, гдѣ живетъ. Мало-мальски-же образованный еврей изучаетъ еще древній еврейскій или библейскій языкъ, на которомъ читаются молитвы и написаны еврейскія религіозныя книги.

Характеръ евреевъ, какъ и умственное развитіе, представляетъ продуктъ тѣхъ-же печальныхъ историческихъ данныхъ. Уже цѣлыя столѣтія тяготѣютъ надъ ними обвиненія въ различныхъ дурныхъ свойствахъ, и самые ревностные защитники этого несчастнаго народа не рѣшаются отрицать этихъ свойствъ. Постараемся-же разсмотрѣть почему и откуда привились они и вкоренились въ цѣломъ народѣ.

Дѣло въ томъ, что взглядъ евреевъ на этотъ предметъ, вырабо-

таннѣй вѣковыми страданіями, совершенно расходится съ нашимъ. Все то, что мы называемъ дурнымъ въ еврей, потому-что оно дѣйствительно дурно, — въ его глазахъ почти равняется добродѣтелямъ; этимъ-то самымъ дурнымъ свойствамъ обязанъ онъ главнымъ образомъ сохраненіемъ своего существованія и національности. Они помогали ему бороться съ тѣми, кто угнеталъ его; они тысячи разъ избавляли его отъ страданія и выручали отъ тяжелыхъ бѣдъ, и онъ привыкъ цѣнить ихъ въ себѣ, какъ необходимыя орудія для борьбы. Начнемъ хотя съ извѣстной всѣмъ изворотливости еврейскаго ума. Еврей вообще высоко цѣнить умъ. «Только тотъ бѣденъ, у кого недостаетъ ума» (Медоришъ 41), гласитъ талмудическое изреченіе. «Гдѣ дуракъ сидѣлъ — тамъ надо вытереть стулъ», говоритъ еврейско-нѣмецкая поговорка. Въ библіи слово «глупый» (кеиль) имѣетъ такое-же значеніе, какъ и «нравственно злой», а слово умный — тождественно съ словомъ «нравственно добрый». Но преобладающая черта еврейскаго ума — острота. Самый скупой еврей скорѣе рѣшится подать милостыню, чѣмъ отказаться отъ остраго словца. Изученіе Талмуда, вызывающее на разъясненія различныхъ темныхъ мѣстъ и запутанныхъ вопросовъ, еще болѣе развиваетъ эту остроту ума, которую обстоятельства, среди которыхъ жили евреи, превратили въ изворотливость и ни съ чѣмъ несравнимую гибкость. Кому случилось имѣть какія-нибудь дѣла съ евреями, тотъ непремѣнно испыталъ на себѣ эти черты еврейскаго характера. Еврей такъ увертливъ въ дѣлахъ и словахъ, что вы видите ясно, какъ день, что онъ проводитъ васъ и, все-таки, онъ ускользнетъ какъ угорь, и, какъ говорится, выйдетъ сухъ изъ воды. Для насъ эта изворотливость и уклончивость — противны. Но еврей видитъ въ нихъ орудіе ума, — орудіе, которое спасало его предковъ отъ важныхъ бѣдъ и которымъ потому онъ почти гордится.

Настойчивость и терпѣніе евреевъ въ преслѣдованіи ихъ цѣлей — паумительны. Еврей готовъ перенести всякія униженія, чтобы добыть-

ся желаемого: онъ будетъ кланяться, низкопоклонничать, льстить, переносить презрѣніе, даже оскорбленія — но все это вовсе не потому, чтобы онъ былъ такъ глубоко развращенъ нравственно и лишенъ всякаго самолюбія. Напротивъ, еврей самолюбивѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ. Униженіе еврея происходитъ отъ того, что, съ одной стороны, онъ считаетъ себя — «потомка избраннаго Богомъ народа» — до такой степени выше христіанина, что никакія оскорбленія со стороны послѣдняго не въ состояніи умалить его достоинства; съ другой стороны, онъ считаетъ достиженіе цѣли великимъ умственнымъ торжествомъ; но убѣжденъ, что, въ концѣ концовъ, когда восторжествуетъ надъ вами, окажется тѣмъ самымъ умнѣе и, слѣдовательно, по его понятіямъ, выше васъ: «когда лисица въ случаѣ, ей должно кланяться» (месулла 16), говоритъ опять-таки талмудическое изреченіе, и еврей, кланяясь лисицѣ и унижаясь предъ нею, въ то же время хохочетъ надъ нею въ душѣ, въ полной увѣренности, что будетъ, какъ говорится, и на его улицѣ праздникъ.

Относительно знаменитаго сребролюбія евреевъ — ясно, что оно вытекаетъ прямо изъ ихъ исключительнаго положенія. Народъ этотъ, всегда лишенный самостоятельности, гражданскаго и политическаго развитія, родины, правъ, словомъ всего, что краситъ жизнь другихъ народовъ, и вѣчно нуждающійся въ средствахъ къ оборонѣ отъ притѣснителей, — привыкъ видѣть въ презрѣнномъ металлѣ сильное орудіе и возлагать на него все свое упованіе*). Не мудро, если въ нихъ развилась страсть къ наживѣ. Еврей любитъ деньги не только за то, что онѣ часто выручаютъ изъ бѣдъ и доставляютъ всѣ житейскія блага, но и за то, что видъ ихъ радуетъ его сердце.

Надо прибавить къ этому, что еврей тщеславенъ и хвастливъ, не чужды высокомерія и надменности. Всѣ евреи страстно любятъ по-

*) И дѣйствительно, богатство евреевъ не разъ спасало имъ жизнь и доставляло имъ разрѣшеніе поселиться въ какой-нибудь странѣ.

хвалы, въ особенности отъ христіанъ, и, не смотря на то, что считаютъ себя лучше ихъ, стараются во многомъ подражать имъ.

Вообще, въ характеръ евреевъ много противоположностей, какъ это часто видимъ мы и въ характеръ отдѣльнаго лица, когда его духовное развитіе, вслѣдствіе какихъ-нибудь неблагоприятныхъ обстоятельствъ, шло ненормальнымъ путемъ. Обвиняютъ также евреевъ въ трусости. Не беремся рѣшить, на сколько справедливо это обвиненіе. Известно только, что народъ этотъ всегда былъ поставленъ въ такое положеніе, что не имѣлъ возможности выработать въ себѣ геройскаго духа. Въ средніе вѣка евреямъ запрещалось даже носить оружіе. Впрочемъ, въ исторіи встрѣчаются не разъ примѣры ихъ храбрости, какъ напр.: въ VI вѣкѣ, они отстаивали Неаполь противъ осаждавшаго его Велисарія. Въ X столѣтіи евреи помогли христіанамъ изгнать богемскихъ разбойниковъ и за то получили право построить синагогу въ Прагѣ. Въ концѣ XIII вѣка во французской арміи было около 30,000 евреевъ. При осадѣ Праги шведами, въ 1648 году, евреи также отличились своею храбростью; и старая синагога ихъ въ Прагѣ еще донынѣ украшена знаменами, взятыми ими при этомъ случаѣ.

Въ новѣйшее время, при Наполеонѣ, евреи были даже генералами, полковыми командирами, кавалерами Почетнаго Легіона и т. п. Въ сраженіи при Ватерлоо, въ англійскомъ войскѣ отличились, по свидѣтельству Веллингтона, многіе еврейскіе офицеры.

Справедливость требуетъ замѣтить, что всѣ дурныя черты, приписываемыя евреямъ, развиты только въ несобразованной средѣ. Въ отношеніи-же образованныхъ евреевъ, цивилизація сдѣлала свое дѣло, и они въ нравственномъ отношеніи стоятъ не только не ниже развитыхъ людей другихъ націй, но нерѣдко даже выше ихъ, тѣмъ болѣе, что, не смотря на вѣковыя угнетенія, въ еврейскомъ народѣ сохранилось много и свѣтлыхъ сторонъ, унаслѣдованныхъ ими отъ отдаленныхъ предковъ.

Къ числу ихъ надо отнести глубокую религіозность, которая всегда соединяла этотъ народъ крѣпкими узами въ одно цѣлое, чему онъ главнымъ образомъ обязанъ сохраненіемъ своей національности, не смотря на разсѣянность по всему земному шару между другими народами. Другую свѣтлую сторону еврейскаго характера составляетъ ихъ семейное чувство. Идеаль еврея — домашній очагъ, жена и дѣти, тихое семейное счастье и четыре аршина земли возлѣ отца и матери.

Даже самая страсть къ наживѣ сопряжена у нихъ, главнымъ образомъ, съ желаніемъ не только обезпечить существованіе своей семьи, но и доставить ей обиліе и роскошь. Семейство всегда было для еврея обильнымъ источникомъ его радостей и наслажденій. Еврейскіе родители нерѣдко отказываютъ себѣ въ самомъ необходимомъ лишь-бы ни въ чемъ не отказывать своимъ дѣтямъ, и не страшатся никакой жертвы, лишь-бы доставить имъ лучшее положеніе въ жизни. Евреи рѣдко посылаютъ своихъ дѣтей работать на фабрики, гдѣ они чахнутъ. О маленькомъ ребенкѣ еврейской пословица говоритъ, что «это брилліантъ въ домѣ», а о матери говорится, — что «она должна имѣть широкій передникъ, для того, чтобы закрывать ошавы своихъ дѣтей». Любовь евреевъ къ своимъ дѣтямъ грѣшитъ только тѣмъ, что не всегда знаетъ мѣру, отчего еврейская молодежь бываетъ часто избалована и изнѣжена.

Въ добротѣ и милосердіи евреевъ можетъ убѣдиться всякой, кто захочетъ подробно изучить этотъ народъ и безпристрастно отнестись къ нему.

Въ каждомъ еврейскомъ обществѣ существуетъ много благотворительныхъ учрежденій на счетъ обязательныхъ взносовъ, и развѣ только самый бѣдный еврей уклонится отъ своей обязанности въ этомъ случаѣ. Состоятельные-же евреи всегда помогаютъ не только своимъ бѣднымъ родственникамъ, но и чужимъ. Сердце еврея отъ природы очень впечатлительно, мягко, кротко и сострадательно. Въ

еврей легко возбудить участие въ чужому горю, и надо сказать, что въ этомъ случаѣ онъ не обращаетъ вниманія на различіе національностей. «Кто не смилуется надъ ближними, тотъ навѣрное не происходитъ отъ праотца Авраама» (Талмудъ, тракт. Бецуа 32). Страданіе евреевъ распространяется не только на людей, но и на животныхъ. Законъ предписываетъ имъ умерщвлять дозволенныхъ въ пищу животныхъ такимъ образомъ, чтобы они какъ можно меньше страдали. Достаточно обратиться къ еврею съ выраженіемъ: *это царь баале хаимъ* (мученіе живаго существа), чтобы удержать его отъ жестокаго обращенія съ животными. Пословица «не бросай камень въ колодезь, изъ котораго ты пилъ воду» — доказываетъ, что еврей умѣетъ помнить сдѣланное ему добро. Талмудъ караетъ неблагодарность въ сильныхъ выраженіяхъ, и у еврейскихъ лѣтописцевъ встрѣчаются часто очень иперболическія выраженія благодарности, когда они говорятъ о монархахъ, извѣстныхъ своимъ расположеніемъ къ евреямъ.

Умѣренность составляетъ также одну изъ добродѣтелей евреевъ. Между ними вовсе нѣтъ пьянства. «Живи въ субботу такъ-же просто, какъ и въ будни, чтобы тебѣ не нужно было обращаться къ чужой помощи» — гласитъ очень распространенная талмудическая поговорка, и евреи и въ послѣобѣденной молитвѣ молятъ Бога, чтобы онъ предохранилъ ихъ отъ необходимости поддерживать свою жизнь чужою благотворительностью.

Трудолюбіе евреевъ также не подлежитъ сомнѣнію, и они считаютъ трудъ почетнымъ.

Между ними много хорошихъ ремесленниковъ, хотя отчасти, съ одной стороны, привычка и надежда на болѣе скорое обогащеніе, съ другой — можетъ быть слабость тѣлесныхъ силъ заставляютъ ихъ предпочитать всякому другому занятію торговлю.

Надо упомянуть еще объ одномъ чудномъ дарѣ, который евреи унаслѣдовали отъ предковъ и сохранили какъ драгоценный перлъ,

не смотря на всю грязь и кровь, сквозь которыя прошло ихъ существованіе въ теченіи долгихъ вѣковъ. Мы говоримъ объ ихъ музыкальной способности. Между ними мало пѣвцовъ и пѣвицъ, вѣроятно, вслѣдствіе ихъ слабаго сложенія, но много отличныхъ музыкантовъ, и въ новѣйшее время появились извѣстные композиторы.

Скажемъ въ заключеніе, что всѣ дурныя свойства евреевъ, какъ мы видѣли, обусловливаются, главнымъ образомъ, вынесенными ими бѣдствіями, которыя не могли-бы не исказить нравственной стороны и всякаго другаго народа. По этому можно смѣло сказать, что съ окончательнымъ освобожденіемъ евреевъ изъ-подъ гнета, тяготящаго надъ ними въ теченіе столѣтій, многія дурныя свойства ихъ характера должны постепенно исчезнуть сами собою, и этотъ умный, талантливый народъ займетъ въ средѣ образованныхъ народовъ такое-же мѣсто, какъ и другіе, тѣмъ болѣе, что евреи очень способны къ акклиматизаціи и прогрессу.

Указавъ въ общихъ чертахъ на типическія стороны характера еврейскаго народа, перейдемъ къ описанію его домашняго быта.

Жилища евреевъ, въ главныхъ чертахъ, ничѣмъ не отличаются отъ мѣстныхъ въ томъ краѣ, гдѣ они живутъ. Обыкновенно, помѣщеніе ихъ разгорожено на нѣсколько отдѣльныхъ коморокъ и у бѣдныхъ евреевъ довольно грязно. На стѣнахъ иногда висятъ плохія картины, изображающія сцены изъ библейской исторіи, рукописныя молитвы, украшенныя бордюрами, портреты знаменитыхъ раввиновъ и замѣчательныхъ лицъ изъ евреевъ.

Такъ какъ храмъ Іерусалимскій находится на востокѣ, то евреи часто вѣшаютъ на восточной сторонѣ своихъ домовъ, вставленный въ рамку и подъ стекломъ листъ бумаги — *мизрагъ*, исписанный текстами изъ Св. Писанія и украшенный эмблеммами: щитомъ Давида, состоящимъ изъ двухъ перекрещивающихся трехугольниковъ, львами, столбами и коронами. Евреи, во время молитвы, всегда становятся лицомъ къ этой сторонѣ. Впрочемъ, мизрагъ вѣшаютъ на

стѣну не потому, чтобы это предписывалъ законъ, но вслѣдствіе обычая. На дверяхъ же, форточкахъ и воротахъ своихъ домовъ евреи прибавляютъ пергаментные листы (мезуза) съ главами изъ Св. Писанія о единствѣ Божиѣмъ, что составляетъ уже предписаніе закона. Набожные евреи, при отдѣлѣ домовъ своихъ, оставляютъ небѣленое и некрашенное пространство, величиною въ квадратный аршинъ, въ воспоминаніе разрушенія Иерусалима и храма.

Въ домахъ богатыхъ евреевъ бываетъ особая комната для празднованія праздника *скинонитія* или *кушей*. Такъ какъ въ этотъ праздникъ законъ запрещаетъ евреямъ ѣсть и пить подъ кровлю, то потолки въ этой комнатѣ и кровля надъ нею устроены такъ, что во время праздника ихъ снимаютъ и замѣняютъ дранками, переплетенными ельникомъ и другою зеленью. Не только богатые, но и бѣдные евреи имѣютъ много посуды, такъ какъ законъ запрещаетъ имъ готовить мясное кушанье въ той посудѣ, гдѣ варилося молочное, и наоборотъ.

У богатыхъ евреевъ есть еще особая посуда для праздника *пасхи*, потому что въ этотъ праздникъ они не могутъ употреблять ту посуду, въ которой готовилось что либо кислое. Бѣдные евреи обходятся въ этомъ случаѣ кое-какъ, чинятъ старую посуду, покупаютъ что-нибудь изъ новой и т. п.

Ни у одного народа пища не подчинена въ такой степени религиознымъ предписаніямъ какъ у евреевъ. Законъ запрещаетъ имъ ѣсть многихъ животныхъ, которыхъ называютъ нечистыми. Безъ сомнѣнія, Моисей, установивъ этотъ законъ, имѣлъ главнымъ образомъ въ виду гигиеническую цѣль, сообразно съ понятіями его времени. Такъ мы видимъ, что онъ, какъ и впоследствии Магометъ, запретилъ употребленіе свинины, пищи очень тяжелой для желудка и въ особенности вредной въ жаркомъ климатѣ. Вообще же, чистыми животными считаются только тѣ, у которыхъ раздвоенное ко-

пыто и которыя пережевываютъ пищу, а именно: коровы, быки, олени, везы, овцы и пр.

Изъ птицъ дозволены только однѣ ручныя: куры, гуси, утки, индѣйки, голуби, воробьи и пр., всѣ же дикія запрещены безъ исключенія.

Изъ рыбъ евреи могутъ ѣсть только тѣхъ, которыя покрыты чешуею и имѣютъ плавники, какъ напр. щуки, лещи, лососи, семга и др. Тѣ же, у которыхъ гладкая кожа или у которыхъ нѣтъ плавниковъ, запрещены.

Запрещены также всѣ земноводныя, пресмыкающіяся и насѣкомыя, за исключеніемъ нѣкоторыхъ видовъ саранчи. Поэтому, евреи не только не ѣдятъ раковъ и устрицъ, но когда готовятъ что нибудь изъ овощей, внимательно перебираютъ каждый листочекъ, чтобы не попало какихъ либо червячковъ или насѣкомыхъ. На томъ же основаніи не ѣдятъ они и нѣкоторыхъ сортовъ грибовъ. Если лѣтомъ въ муку или крупѣ заведется моль, то ее выбрасываютъ. Животныхъ, употребляемыхъ въ пищу, закалываютъ въ горло гладкимъ и очень остро наточеннымъ ножомъ. Операнія должны быть совершены очень быстро, чтобы животное какъ можно меньше страдало, въ противномъ случаѣ оно считается падалью и запрещеннымъ. У евреевъ существуютъ особые рѣзники, которые учатся этому искусству и получаютъ свидѣтельство отъ раввиновъ. Зарѣзавъ животное, рѣзникъ разсматриваетъ его внутренности, особенно легкія, чтобы удостовѣриться, что оно не имѣло опасной болѣзни. Если же найдетъ признаки, доказывающіе, что не могло бы прожить года, считаетъ его не позволительнымъ, какъ падаль. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ обращается къ раввину.

Внутренности птицъ разсматриваетъ страпуха, и если замѣтитъ какіе-нибудь признаки болѣзни, относитъ птицу къ раввину, который запрещаетъ или разрѣшаетъ употребленіе ее, по правиламъ, изложеннымъ въ законоучительныхъ книгахъ.

Запрещено также употреблять жиры изъ животного и нѣкоторыя части жира; это выниманіе жировъ требуетъ особаго искусства и тамъ, гдѣ нѣтъ лицъ знающихъ это дѣло, вовсе не употребляютъ задней части животного, въ которой находятся эти жиры. Мясо моютъ до тѣхъ поръ, пока оно совершенно очистится отъ крови и солятъ, такъ какъ употребленіе крови, хотя-бы въ самомъ маломъ приѣмѣ, строго запрещено самимъ Моисеемъ. Привычка никогда не употреблять крови произвела въ евреевъ такое сильное отвращеніе въ ней, что одинъ видъ ея невыносимъ для нихъ.

Моисей, желая искоренить всѣ языческіе обычаи, которыми заразились евреи во времена египетскаго рабства, между прочимъ, запретилъ «варить козленка въ молокѣ его матери», такъ какъ язычники приносили въ жертву своимъ идоламъ такое блюдо. Талмудисты, не понимая настоящаго смысла Моисеева закона, со свойственною имъ строгостью, запретили на этомъ основаніи всякое смѣшеніе молочнаго съ мяснымъ. Постановленія Талмуда въ этомъ отношеніи доходятъ до нелѣпой мелочности; такъ, ежели напр., во время стряпни, молочное какъ нибудь попадетъ въ мясное, то кушанье считается уже не дозволеннымъ къ употребленію и выбрасывается. Даже посуда, въ которой произошелъ такой грѣхъ, не годится уже болѣе для стряпни. Послѣ молочной пищи еврей можетъ выполоскать ротъ и ѣсть мясное; но послѣ мяснаго, онъ не можетъ ѣсть молочнаго въ теченіе шести часовъ, срока, считавшагося достаточнымъ для сваренія пищи въ желудкѣ. Объ этомъ предметѣ существуетъ въ Талмудѣ пространный уставъ.

Напитки всѣ дозволены евреямъ кромѣ винограднаго вина, которое въ древности было главнымъ предметомъ языческаго богослуженія. Но такъ какъ нынче нѣтъ въ Европѣ вина, которое употреблялось бы при языческомъ богослуженіи, то болѣе образованные евреи не придерживаются этого постановленія.

Изъ сказаннаго видно, что пища евреевъ довольно однообразна.

Для придачи ей вкуса они употребляютъ различныя пряности, въ особенности же чеснокъ. Мужчины рѣдко занимаются стряпнею. Одинъ изъ древнихъ обычаевъ, установленный, по преданію пророкомъ Эздриемъ, предписываетъ евреямъ употреблять только домашній хлѣбъ, а потому всѣ еврейки отлично пекутъ его. Каждую пятницу и наканунѣ всякаго праздника еврейки готовятъ бѣлый хлѣбъ — *хала*, причѣмъ совершается особенный обрядъ и читается благословеніе.

При разныхъ праздникахъ *халы* эти имѣютъ особыя формы. Онѣ дѣлаются круглыя, въ видѣ лѣсенки, трехугольныя съ макомъ и проч. Для приварки готовятъ также, смотря по роду праздника, то лапшу, то родъ вермишелей, то большія, круглыя клецки и т. п.

Въ субботу евреямъ не дозволено варить, а потому субботній обѣдъ стряпаютъ онѣ въ пятницу передъ вечеромъ и ставятъ въ одномъ большомъ горшкѣ въ теплую печь, гдѣ онъ остается до слѣдующаго дня.

Кушанье это, называемое *шомитъ*, состоитъ изъ самыхъ дешевыхъ припасовъ, а именно: каши, гороха, кугелей, — родъ пироговъ съ жиромъ и говядиной. Обычай готовить дешевыя кушанья на субботу заведенъ для того, чтобы въ этотъ день бѣдные не различались отъ богатыхъ. Говорятъ, будто въ старину евреямъ запретили готовить на субботу разныя кушанья, а дозволили только какое-нибудь одно; тогда евреи ухитрились помѣстить въ одномъ горшкѣ различныя кушанья, что осталось въ обычаѣ и донныѣ.

Еврейки особенно хорошо пекутъ разныя лакомства: изъ тѣста и яицъ съ медомъ, изъ рѣпы, изъ инбюра съ медомъ, также пряники изъ ржаной муки, разныя сахарники съ миндалемъ, варенье и т. п.

Праздничный обѣдъ отличается у народа отъ будничнаго тѣмъ, что въ праздникъ прибавляютъ рыбу и сладкое кушанье изъ моркови, пастернаку и другихъ огородныхъ овощей съ медомъ и мясомъ,

называемое *цимесс*. Въ постные дни, которыхъ не много у евреевъ, они ничего не ѣдятъ и не пьютъ.

Передъ печальнымъ днемъ разрушенія храма Иерусалимскаго они цѣлую недѣлю употребляютъ только молочную пищу.

Надо замѣтить, что еврей, вообще, очень умѣренный и воздержанъ въ пищѣ. Бѣдные доходятъ въ этомъ отношеніи до невѣроятной экономіи. Кушанья готовятся въ такихъ гомеопатическихъ пропорціяхъ, которыя немислимы для всякаго другаго не южнаго народа, а для насъ русскихъ въ особенности. Такъ напр., въ бѣдной семьѣ, состоящей изъ 4 или 5 человѣкъ, еврейка ухитрится напитать всѣхъ супомъ, свареннымъ изъ $\frac{1}{4}$ ф. мяса изъ $\frac{1}{2}$ ф. мелкой плотвы. Изъ фунта или двухъ пшеничной муки она напечетъ 6 булокъ, на 3 обѣда, и отдѣлитъ еще немного муки на пирожное. Еврей, имѣющій дохода рубль или полтора въ недѣлю, бываетъ совершенно доволенъ въ свою субботу, такъ какъ не только у него хватитъ на праздничный обѣдъ въ этотъ день, но останется еще копѣекъ 5 на вино изъ изюма, которое употребительно при благословеніи трапезы.

Но замѣчательно то, что народъ этотъ, воздержанъ въ употребленіи пищи и напитковъ,—въ отношеніи одежды, напротивъ, во все время любилъ роскошь. Живой фантазіи евреевъ очень нравятся, какъ и вообще восточнымъ народамъ, яркія краски, пестрота, блескъ и пышность, «Достоинство Божіе—люди, достоинство людей—ихъ платье» (Дерехъ ерецъ сута, глава 10) говоритъ одно изъ изреченій Талмуда. Еврейскій языкъ выработалъ много синонимовъ для обозначенія слова платье. Виблейскіе ораторы и поэты очень часто употребляютъ метафоры, доказывающія, что воображеніе евреевъ часто увлекалось великолѣпіемъ одежды.

Еврейскій законъ предписываетъ особое платье для субботнихъ и праздничныхъ дней: Талмудъ говоритъ, что ѣсть и пить слѣдуетъ ниже своего состоянія, но одѣваться нужно по своему состоянію. Въ

другомъ мѣстѣ Талмуда говорится, что бѣднымъ должно давать платье, не освѣдомляясь нуждаются ли они въ немъ и заслуживаютъ ли это. Раввинъ Иохананъ называлъ платье «смахадута», что значитъ придающее почетъ. Талмудъ же вмѣняетъ ученымъ въ обязанность являться между людьми всегда въ опрятномъ и приличномъ платьѣ. И надо сказать, что еврей во все времена такъ усердно слѣдовали въ этомъ отношеніи, предписаніямъ Талмуда, что проповѣдники ихъ не разъ принуждены были возставать противъ ихъ роскоши въ одеждѣ. «Относительно одежды всякій еврей играетъ роль богача», жалуются раввинъ Самуиль Эдельсъ, въ началѣ XIII столѣтія. Еврейскія общины нерѣдко старались обуздать непоумѣрную роскошь одежды строгими мѣрами.

Конечно, еврейское тщеславіе играетъ не маловажную роль въ этомъ случаѣ. Но иногда роскошь одежды бываетъ у евреевъ и дѣломъ расчета. Какъ бы то ни было, страсть эта сохранилась у нихъ донныи.

Въ особенности любятъ они драгоценныя каменья, золотыя вещи и яркіе цвѣта, въ чемъ всегда можно убѣдиться при видѣ богатой еврейки въ роскошномъ нарядѣ. У небогатыхъ евреевъ страсть эта проявляется тѣмъ, что онѣ навѣшиваютъ на себя все, что попадетъ имъ подъ руку, изъ дешевыхъ, блестящихъ или нарядныхъ вещей, какъ напр. мѣдныя брошки съ разноцвѣтными стеклушками, такія же цѣпочки, полинялыя ленты, бархатныя мантильи, въ ткани которыхъ уцѣлѣла только основа.

Одинъ очевидецъ рассказываетъ, что видѣлъ, въ одной изъ южныхъ губерній, въ полѣ, еврейку, которая жала траву. На груди у ней былъ приколотъ букетъ изъ полинялыхъ и помятыхъ искусственныхъ цвѣтовъ. И это въ такую пору года и въ такой странѣ, когда вокругъ нея было множество прелестныхъ живыхъ цвѣтовъ. Какъ бы ни была бѣдна еврейка, она никогда не рѣшится надѣть на себя простаго крестьянскаго платья.

Вообще надо сказать, что необразованные евреи, не смотря на свое пристрастіе къ яркимъ цвѣтамъ и къ блестящимъ украшеніямъ, не отличаются опрятностью въ одеждѣ.

Въ Россіи до 1845 года они носили особую довольно оригинальную одежду: длинное платье по старинной польской выкройкѣ, опоясанное чернымъ поясомъ, ермолку, сверхъ нее мѣховую шапку и башмаки. Къ этому надо прибавить пейсы т. е. длинные локоны, спускавшіеся по обоемъ вискамъ. Пейсы предписалъ имъ носить Моисей въ отличіе отъ язычниковъ. Женщины же носили на головѣ родъ тюрбана, а на ногахъ туфли, которыя шлепали при каждомъ шагѣ.

Въ 1845 году, правительство издало указъ, чтобы евреи одѣвались такъ, какъ и мѣстные жители. Молодые люди и въ особенности женщины, по своей склонности къ роскоши, обрадовались этому постановленію и даже постарались перещеголять мѣстныхъ щеголей и щеголей. Но старикамъ это нововведеніе не очень понравилось и многіе изъ нихъ еще и донынѣ не рѣшились замѣнить свои шелковые жупаны суконными скюртуками.

Это происходитъ отчасти оттого, что набожные евреи избѣгаютъ носить шерстяныя ткани, подозрѣвая примѣсь къ нимъ льняныхъ нитокъ, такъ какъ Моисей запретилъ евреямъ носить одежду изъ шерстяной матеріи пополамъ со льномъ. Раввины же запретили носить шерстяное платье, сшитое льняными нитками. Еврейскіе портные строго соблюдаютъ это при шитьѣ одежды для своихъ соотечественниковъ. Причину этого запрещенія еврейскіе ученые объясняютъ различно: одни полагаютъ, что Моисей желалъ отличить этимъ евреевъ отъ египтянъ, другіе же, — что шерсть и ленъ надо смѣшивать вмѣстѣ потому, что они были свидѣтелями перваго смертоубійства въ мірѣ, такъ какъ жертвоприношенія Каина и Авеля состояли: перваго изъ льняныхъ стеблей, а послѣдняго изъ овцы.

Особенно смутила стариковъ евреевъ необходимость отказаться

отъ ермолки. По восточному обычаю, они считаютъ что произносить имя Бога, читать молитвы, Св. книги и т. п. не прилично съ обнаженною головою; а такъ какъ они очень часто молятся и читаютъ св. книги, то привыкли никогда не скидывать ермолки.

Впрочемъ нынче пейсы и ермолки встрѣчаются все рѣже. Всѣ евреи отращиваютъ бороду, только очень немногіе брѣютъ ее или подстригаютъ по модѣ.

Есть еще у евреевъ особая одежда, называемая *арбе-каифесъ*. Она состоитъ изъ длинной четырехугольной накидки съ вырѣзкою для шеи. Къ каждому изъ четырехъ концовъ ея привязаны особымъ образомъ шерстяныя или шелковыя нити въ воспоминаніе заповѣдей Божіихъ. У стариковъ она всегда бываетъ бѣлая шерстяная, съ синими полосами, въ подражаніе молитвенному покрывалу. Молодые же люди дѣлаютъ ее изъ разныхъ матерій и въ меньшемъ объемѣ.

Женатые евреи для утренней молитвы надѣваютъ молитвенное покрывало, называемое *талесъ*, изъ бѣлой шерстяной ткани съ синими по краямъ полосами и съ шерстяными кистями по концамъ. Кроме того, повязываютъ они на голову и на лѣвую руку повязки, *тафилемъ*, состоящія изъ маленькихъ, четырехугольныхъ, кожаныхъ коробочекъ, въ которыя вложены полоски пергамента съ написанными на нихъ словами Св. писанія объ исходѣ евреевъ изъ Египта и пр. Повязки эти прикрѣпляютъ къ головѣ и рукѣ ремнями изъ телячьей кожи. Кожа, изъ которой дѣлаются эти коробочки, волобна, которыми онѣ спиваются, ремни, которыми прикрѣпляютъ ихъ къ головѣ и къ лѣвой рукѣ и пергаментъ, на которомъ пишутъ исторію Исхода, приготовляются особымъ образомъ, при разныхъ обрядахъ. При вѣнчаньи, въ день отпущенія грѣховъ, въ синагогѣ, иногда въ Пасху, предъ чтеніемъ за столомъ молитвы, надѣваютъ евреи особую бѣлую полотняную одежду, называемую *китель*, одежда эта — смертная рубашка, въ которой хоронятъ мертвыхъ, но живые получаютъ ее въ подарокъ отъ невѣсты при вѣнчаніи.

Обычаи, обряды; общественный бытъ. Карамы.

Еврейская религія догматически возстаёт противъ суевѣрій, но евреи, строго исполняющіе всѣ ея предписанія въ другихъ отношеніяхъ, въ этомъ случаѣ уклоняются отъ нихъ. Они вѣрятъ, какъ и другіе народы, въ предзнаменованье, въ добрый и худой часъ, въ пагубную силу нечистыхъ духовъ и возможность устранить ихъ вліяніе посредствомъ заговоровъ и другихъ чаръ. Многіе предразсудки заимствовали они у народовъ, среди которыхъ живутъ. Такъ, русскіе евреи считаютъ понедѣльникъ несчастнымъ днемъ, встрѣчу со священникомъ худымъ предзнаменованіемъ, встрѣчу водоноса съ полными ведрами благопріятнымъ и т. п.

Толкованіе сновъ имѣетъ у евреевъ большое значеніе. Талмудъ не признаетъ положительнаго вліянія сновъ на судьбу человѣка, но не отрицаетъ знаменательности нѣкоторыхъ сновидѣній. По праздникамъ, читается въ синагогѣ особая молитва объ отвращеніи дурныхъ послѣдствій, которыя предзнаменуютъ дурные сны. Еврей, которому приснится подобный сонъ, посылаетъ утромъ за тремя друзьями и рассказываетъ имъ о своемъ горѣ. Они утѣшаютъ его по установленной формулѣ и читаютъ нѣкоторые стихи изъ Св. Писанія, приличные случаю. Постъ считается самымъ спасительнымъ средствомъ противъ дурныхъ послѣдствій зловѣщихъ сновъ.

При каждомъ новолуніи, еврей, а часто нѣсколько вмѣстѣ, творятъ молитву, всматриваясь въ луну; между прочимъ они произносятъ, подпрыгивая, слѣдующую фразу: «Прыгая, не достигаемъ тебя; такъ да не достигаютъ насъ враги наши». Этотъ обычай, напоминающій идолопоклонство, произошелъ оттого, что луна играетъ очень важную роль при вычисленіи еврейскихъ праздниковъ.

Надо полагать, что во время гоненія на евреевъ, когда каждая ночь грозила имъ рѣзней и грабежемъ въ многолюдныхъ городахъ, раввины пользовались этимъ обычаемъ для того, чтобы хотя разъ въ мѣсяцъ собирать толпы евреевъ для общей охраны и защиты, а потому-то въ молитвѣ упоминается о «врагахъ».

Иногда, во время пожара нѣкоторые евреи употребляютъ для прекращенія его разныя таинственныя средства: нашептываютъ на булку, пишутъ неизвѣстные слова и знаки на клочкахъ бумаги и бросаютъ ихъ въ огонь и т. п.

При болѣзняхъ евреи прибѣгаютъ къ тѣмъ домашнимъ средствамъ, которыя употребляются мѣстными жителями. Они лечатся у своихъ цирюльниковъ и старыхъ бабъ, у татаръ и у еврейскихъ заговаривателей, называемыхъ *баалъ-шемъ*, которые, по мнѣнію ихъ, испѣляютъ силою чистыхъ духовъ. Въ болѣзняхъ душевныхъ и нервныхъ, какъ напр. при сумашествіи, падучей болѣзни, спазмахъ, дѣтскихъ конвульсіяхъ и т. п. евреи рѣдко обходятся безъ татарина или *баалъ шема*; оба употребляютъ одинаковыя средства: курятъ разными травами, нашептываютъ, чертятъ вруги и т. п. не мало важную роль играютъ также при такихъ продѣлкахъ луна и пѣтухъ.

Почти каждая старуха знаетъ какойнибудь заговоръ отъ зубной боли, лихорадки и худого глаза. Если ребенокъ захворалъ—это значитъ, что на него посмотрѣла какаянибудь сосѣдка съ дурнымъ глазомъ; въ такомъ случаѣ знахарка или знахарь нашептываютъ на рубашку или шапочку ребенка; если знахаръ зѣваетъ во время нашептыванья,—это означаетъ, что болѣзнь пройдетъ. Впрочемъ, ребенка постоянно берегутъ отъ дурнаго глаза. Если опъ красивъ, его нарочно называютъ: «мой арабъ», такъ какъ, по мнѣнію народа, прозвище имѣетъ вліяніе на судьбу ребенка; если у какихънибудь родителей дѣти умираютъ маленькими, то при рожденіи младенца называютъ его старикомъ или старухой. Также прибѣгаютъ въ

подобныхъ случаяхъ къ помощи *бааль-шемовъ*, которые имѣютъ своего рода средства къ продолженію жизни дѣтей. Кромѣ того, навѣшиваютъ дѣтямъ на шею разные талисманы, какъ напр. изображение на серебряной бляшкѣ одной изъ еврейскихъ буквъ, встречающихся въ имени Іеговы, раковины, ртуть въ футлярчикѣ, талисманъ въ кругломъ футлярчикѣ, насываемый *мезузе*, а чтобы скорѣй прорѣзывались зубы у дѣтей, надѣваютъ имъ, оправленный въ серебро, волчій зубъ, съ тою цѣлью, чтобы дѣти терли имъ десны, что ускоряетъ прорѣзыванье зубовъ.

Если женщина бесплодна, то она старается добыть корень, способствующій будто бы плодородію; о корнѣ этомъ упоминается въ древнихъ еврейскихъ книгахъ и, по мнѣнію одного толкователя, Рахиль выпросила такой корень у сестры своей Лии.

Затѣмъ, перейдемъ къ обычаямъ и обрядамъ, которые въ употребленіи у евреевъ при рожденіи, свадьбахъ и похоронахъ.

У евреевъ въ обычаѣ всегда радоваться рожденію ребенка. Тотчасъ послѣ того, какъ появится на свѣтъ новорожденный, бабка, обыкновенно старуха, не обучавшаяся нигдѣ своему ремеслу, обводитъ мѣломъ кругъ на стѣнахъ той комнаты, гдѣ лежитъ мать ребенка. На всѣхъ же дверяхъ, окнахъ и печкахъ навѣшиваютъ лоскуты бумаги, на которыхъ написаны: 120-й псаломъ, изреченія изъ Св. Писанія и разныя кабалистическія имена. Это дѣлается для того, чтобы нечистые духи не могли проникнуть въ ту комнату, гдѣ лежитъ младенецъ съ матерью. Если новорожденный — мальчикъ, то на первой недѣлѣ, каждый вечеръ собираютъ маленькихъ сосѣднихъ мальчиковъ, даютъ имъ гостинцевъ, и они читаютъ молитвы въ комнатѣ родильницы. Въ субботу же вечеромъ, это дѣлаютъ взрослые, которыхъ приглашаютъ къ этому въ синагогѣ. Наканунѣ восьмага дня взрослые люди также читаютъ молитвы всю ночь и, въ восьмой день раввинъ совершаетъ обрядъ обрѣзанія, причѣмъ даютъ младенцу имя.

При рожденіи дѣвочки не исполняютъ этихъ обрядовъ; только въ первую субботу отца приглашаютъ въ синагогу, и канторъ, при чтеніи пятикнижія, нарицаетъ имя новорожденной; у евреевъ даютъ имена дѣтямъ не иначе какъ въ честь покойныхъ родителей, родственниковъ или какихъ нибудь знаменитыхъ людей. Мужчины поздравляютъ мать только въ такомъ случаѣ, если новорожденное дитя мальчикъ. У богатыхъ и у бѣдныхъ евреевъ бываетъ въ этотъ день обѣдъ для гостей. Послѣ обѣда произносятъ благословеніе новорожденному, родителямъ, воспреемнику и пр.

Когда мать ребенка приходитъ въ первый разъ въ синагогу, канторъ произноситъ благословеніе ей, младенцу, и бабушкѣ.

Браки у евреевъ заключаются обыкновенно по согласію родителей обѣихъ сторонъ. Женихъ же съ невѣстою иногда даже не знаютъ другъ друга до свадьбы. Бракъ устраиваютъ *сваты* составляющіе особое сословіе. Они ведутъ списки всѣмъ холостымъ молодымъ людямъ и дѣвушкамъ, дѣлаютъ предложеніе родителямъ и стовариваются съ ними на счетъ условій, за что получаютъ опредѣленное вознагражденіе.

Еврей, исполняя законъ Моисея: «плодитесь и множьтесь», женились прежде чрезвычайно рано. Много также способствовали раннимъ бракамъ сваты, которые всегда не прочь зашибить деньгу. Религіозное рвеніе родителей и усердіе сватовъ доходили до того, что евреи, живущіе въ нашихъ, западныхъ губерніяхъ, выдавали иногда замужъ двѣнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ за четырнадцати лѣтнихъ мальчиковъ. Послѣ свадьбы мужъ продолжалъ посѣщать школу, а жена играть въ куклы. Правительство принуждено было издать указъ, въ силу котораго евреи не могутъ вступить въ бракъ раньше совершеннолѣтія.

Если родители согласны, то созываютъ родственниковъ и знакомыхъ; общественный писарь пишетъ на еврейскомъ языкѣ актъ, въ которомъ выставляется всѣ условія. Старшій изъ родственниковъ

читаетъ этотъ актъ въ слухъ и затѣмъ разбиваютъ какую нибудь глиняную посуду; невѣста рѣдко присутствуетъ при этомъ обрядѣ.

Собравшіеся поздравляютъ жениха и затѣмъ начинается угощеніе, но безъ особенныхъ торжествъ и молитвъ.

Въ субботу, предшествующую дню свадьбы, жениха приглашаютъ въ синагогу читать Пятикнижіе. Когда же онъ возвратится изъ синагоги домой, его поздравляютъ знакомые и родственники, что не обходится безъ угощенія. Въ ту же субботу вечеромъ къ невѣстѣ собираются замужнія женщины и дѣвушки. Музыка играетъ извѣстныя пьесы (земпротъ), а весельчакъ (бадхенъ) лицо, присутствующее при каждой свадьбѣ, импровизируетъ стихи на разговорномъ еврейскомъ языкѣ. Затѣмъ, каждая женщина танцуетъ съ невѣстою, послѣ чего начинаются общіе танцы и веселье. Вечеромъ, наканунѣ дня вѣнчанья, невѣста ходитъ въ сопровожденіи знакомыхъ женщинъ въ баню. Въ день вѣнчанья женихъ и невѣста остаются съ самаго утра. Въ домѣ ея родителей собираются женщины. Начинается опять музыка, танцы и импровизація стиховъ, только съ тою разницею, что въ этотъ день импровизируютъ стихи уже не веселаго, а трогательнаго содержанія, такъ что слушательницы обыкновенно проливаютъ слезы. Къ жениху въ это утро собираются мужчины, и бадхенъ приносить ему съ музыкою подарки отъ невѣсты.

Подарки эти состоятъ изъ молитвеннаго покрывала и смертной рубашки, о которой мы уже говорили выше. Вручая подарки, бадхенъ декламируетъ стихи, послѣ чего женихъ съ гостями отправляется къ невѣстѣ. Она дожидается его, сидя на стулѣ, посреди комнаты. Женихъ, войдя, накидываетъ ей на голову бѣлую ткань, которая закрываетъ ей лицо, а старики осыпаютъ и невѣсту, и жениха горстями хмѣля или овса, причемъ приговариваютъ: «да умножится тысячами и миріадами».

Дружки жениха и невѣсты должны быть непременно женатые и и даже недавно вступившіе въ бракъ. Дружки жениха надѣваютъ

на него смертную рубашку и зажигаетъ два факела; бадхенъ выкликаетъ по очереди родителей и старшихъ родственниковъ обѣихъ сторонъ. Каждый изъ нихъ возлагаетъ руки на голову жениха и невѣсты и благославляетъ ихъ по установленной формулѣ, послѣ чего отправляются туда, гдѣ происходитъ вѣнчанье.

Собственно вѣнчальный обрядъ состоитъ въ слѣдующемъ: жениха ставятъ подъ балдахинъ, выставленный подъ открытымъ небомъ, близъ синагоги, и родители невѣсты виѣстѣ съ нею и шаферами обходятъ вокругъ жениха семь разъ; между тѣмъ канторъ поетъ старинныя гимны. Затѣмъ, раввинъ, держа въ рукѣ бокаль съ виномъ или медомъ, читаетъ молитвы, даетъ пить изъ бокала жениху и невѣстѣ, послѣ того женихъ надѣваетъ невѣстѣ кольцо на указательный палецъ правой руки, причемъ произноситъ: «этимъ кольцомъ ты вступаешь со мною въ супружество, согласно закону Моисея и Израиля». Раввинъ громко читаетъ брачную запись (косуба), составленную на халдейскомъ языкѣ, потомъ произноситъ семь благословеній, причемъ держитъ въ рукахъ бокаль, изъ котораго даетъ опять отпить жениху и невѣстѣ. Затѣмъ онъ разбиваетъ бокаль въ знакъ того, что всѣ люди созданы изъ праха. Чтеніе молитвъ предъ вѣнчаніемъ, записи и благословенія можетъ совершить не раввинъ, но и другое лицо; необходимо только, чтобы при этомъ обрядѣ присутствовало десять взрослыхъ евреевъ.

Возвратясь домой, новобрачные ѣдятъ съ одной тарелки супъ, называемый золотымъ, а гости пируютъ.

По окончаніи обѣда, каждый присутствующій подноситъ новобрачнымъ какой-нибудь подарокъ; бадхенъ объявляетъ о каждомъ подаркѣ съ разными прибаутками и остротами, послѣ чего повторяютъ тѣ-же семь благословеній, какъ и при вѣнчаніи. Наконецъ невѣсту сажаютъ на стулъ посреди комнаты и почетные гости танцуютъ съ нею по-очереди. Затѣмъ начинается общая пляска. Надо замѣтить, что у евреевъ женщины не пляшутъ съ мужчинами, а каж-

дый полъ отдѣльно. Впрочемъ, этотъ восточный обычай все болѣе и болѣе выводится.

Въ первую субботу послѣ свадьбы знакомыя женщины собираются у новобрачной и провожаютъ ее въ первый разъ въ синагогу, такъ какъ еврейскія дѣвушки не посѣщаютъ синагоги. Если-же невѣста вдова и разведенная, то, вромѣ самаго обряда вѣнчанія, не соблюдаютъ никакихъ другихъ обрядовъ, и даже вся свадьба происходитъ безъ музыки.

Погребеніе совершаютъ слѣдующимъ образомъ: когда еврей опасно болѣвъ, раввинъ или какое-нибудь другое вліятельное лицо напоминаетъ ему о необходимости сдѣлать послѣднее распоряженіе — завѣщаніе — и прочесть исповѣдь. При приближеніи послѣдней минуты, окружающіе умирающаго зажигаютъ свѣчи и громко читаютъ приличные этому случаю стихи изъ Св. Писанія. Когда еврей умереть, тѣло кладутъ на полъ, на солому, лицомъ къверху, выпрямивъ пальцы рукъ и закрывъ вѣки. Затѣмъ закрываютъ покойника чернымъ платьемъ и ставятъ въ головахъ свѣчу. Плачущая семья окружаетъ трупъ, а въ сосѣднихъ домахъ выливаютъ воду въ знакъ того, что вблизи есть покойникъ.

Погребеніе есть дѣло благотворительности. Имъ занимаются члены братства погребателей, которое существуетъ въ каждомъ обществѣ и называется «святымъ братствомъ», такъ какъ члены его обязаны хоронить безъ малѣйшаго различія, какъ самыхъ богатыхъ, такъ и самыхъ бѣдныхъ. Лишь только извѣстятъ ихъ о смерти какого-нибудь еврея, они тотчасъ являются въ домъ покойнаго, омываютъ тѣло теплою водою, затѣмъ ставятъ его на ноги; три погребателя совершаютъ обрядъ очищенія, т. е. окачиваютъ покойника чистою водою, при чемъ произносятъ три раза: *тогоръ, тогоръ, тогоръ*, т. е. чистъ, чистъ, чистъ. Въ это время родные умершаго, горюющіе о покойномъ, раздираютъ себѣ воротъ верхняго платья вершка на два и не зашиваютъ до окончанія дня гореванія. Этотъ

обычай называется *крія* и основанъ на Св. Писаніи. Омывъ трупъ, погребатели одѣваютъ его въ смертную одежду. Прежде всего надѣваютъ рубашку съ длинными рукавами, которые зашиваютъ наглухо у оконечностей, потомъ очень длинные брюки, также зашитыя внизу наглухо, такъ-что руки и ноги бываютъ совершенно покрыты.

Поверхъ этого надѣваютъ китель, или смертную рубашку, полученую въ день свадьбы въ подарокъ отъ невѣсты.

Для тѣхъ покойниковъ, у которыхъ нѣтъ такой рубашки, и для женщинъ — шьютъ ихъ нарочно; рубашку опоясываютъ холстиннымъ пояскомъ, такъ что узелъ приходится спереди. Наконецъ, на мужчинъ надѣваютъ молитвенное покрывало и длинный холстинный колпакъ. Затѣмъ, покойника окутываютъ въ большое полотняное покрывало, концы котораго завязываютъ вверху и внизу, и развязываютъ только тогда, когда положить тѣло въ гробъ. Всѣ смертныя одежды должны быть бѣлыя, холстинныя, какъ у богатаго, такъ и у бѣднаго.

Умершихъ женщинъ моютъ и одѣваютъ женщины. Братство-же погребателей приступаетъ къ похоронамъ тогда уже, когда тѣло совершенно готово. Покойника везутъ до кладбища на лошадахъ; но особеннымъ почетомъ считается у евреевъ, если тѣло несутъ на носилкахъ, на плечахъ, четверо евреевъ. Въ мѣстечкахъ, гдѣ живетъ много евреевъ, обычай этотъ въ употребленіи.

Въ вырытую могилу ставятъ нижнюю часть гроба или просто выстилаютъ ее досками. Два члена братства опускаютъ тѣло въ гробъ, затѣмъ развязываютъ саванъ, покрываютъ гробъ крышкою или просто досками и засыпаютъ землею. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возятъ тѣло умершихъ на лошадахъ, обряды очищенія и одѣванія совершаютъ не въ домахъ, а въ особой комнатѣ, устроенной для этой цѣли на кладбищѣ, такъ какъ послѣ исполненія этихъ обря-

довъ, нельзя уже везти тѣло на лошадяхъ, а надо непременно нести его на носилкахъ, на плечахъ.

По окончаніи погребенія одинъ изъ членовъ братства, отъ имени своего общества, родственниковъ умершаго и знакомыхъ просить у него прощенія, если, по невѣдѣнію, не исполнены всѣ требованія, соотвѣтственныя его чести. Послѣ того читаютъ молитвы:

Горюющихъ родственниковъ провожаютъ до дома, гдѣ они должны исполнить обрядъ гореванія, т. е. просидѣть семь дней бо-сикомъ на посланномъ на землѣ тюфягѣ или на низенькой скамей-кѣ. Обрядъ этотъ наблюдаютъ только самые близкіе родные: сынъ, дочь, отецъ, мать, братъ, сестра, мужъ и жена. Дальніе-же родственники не участвуютъ въ немъ. Горюющіе всѣ семь дней должны мо-лится и читать библію, а именно: книгу Іова, Іереміи и др. Род-ственники, сосѣди и пріятели каждый день навѣщаютъ и утѣшаютъ горюющихъ. Первый обѣдъ послѣ похоронъ приносятъ имъ сосѣди. Въ годовщину смерти родителей, наследники постятся, зажигаютъ свѣчу въ синагогѣ, молятся при кивотѣ, читаютъ установленную молитву, ходятъ на кладбище, раздаютъ милостыню для спасенія души умершаго и соблюдаютъ это каждый годъ до самой своей смерти.

Въ празднованіи праздниковъ особенно выдаются на видъ глубо-кая набожность евреевъ, ихъ приверженность къ древнимъ религіоз-нымъ постановленіямъ и теплое, семейное чувство. Всѣ ихъ празд-ники установлены еще въ библейскія времена, или въ ближайшія къ нимъ, и справляются точно также, какъ справляли ихъ за десятки столѣтій предки нынѣшнихъ евреевъ. Въ празднованіи ихъ нѣтъ ничего веселаго и шумнаго, какъ у другихъ народовъ. Еврей прово-дитъ торжественные праздничные дни патриархальнымъ образомъ, въ кругу своего семейства, въ чтеніи священныхъ книгъ и молитвъ.

Въ субботу отецъ и мать владутъ свои руки на голову дѣтей и благословляютъ ихъ; мужъ, возвратясь домой изъ синагоги, при на-

ступленіи субботы, привѣтствуетъ жену 31-ю главою притчей Соло-мона — гимномъ, возвышающимъ достоинство и славу «доблестной женщины». Всѣ члены семьи собираются вокругъ накрытаго стола, за скромную трапезу, которою, какъ мы уже свазали выше, въ гла-вѣ о пища, богатые не должны отличаться въ субботній день отъ бѣдныхъ.

Впрочемъ, Еврейскіе толкователи Моисеева закона запечатлѣли празднованіе субботы чрезвычайно мелочною строгостью. По этому по-воду написанъ цѣлый уставъ, называемый субботнимъ. Запрещеніе ра-ботать въ этотъ день доходитъ у евреевъ до нелѣпости. Для набожна-го еврея въ субботу все грѣхъ. Если опъ ступить ногою въ рыхлую землю—грѣхъ, потому что вытащить погу требуетъ усилія. Если онъ нечаянно сломалъ соломинку, порвалъ волосъ, убилъ насѣкомое — также грѣхъ. Ъзда въ субботу запрещена на томъ основаніи, что, пожалуй, ѣздокъ *сломитъ* вѣтку, для употребленія ея вмѣсто бича. Даже ходить пѣшкомъ въ субботу разрѣшено только въ границахъ двухъ верстъ отъ мѣста населенія.

Еврей можетъ нарушить субботній уставъ только ради спасенія жизни погибающаго.

Праздникъ Пасхи считается самымъ главнымъ изъ еврейскихъ праздниковъ. Его дожидаются съ нетерпѣніемъ, и въ послѣднюю предпраздничную недѣлю во всѣхъ еврейскихъ домахъ начинаютъ дѣятельно приготовляться къ нему*). Въ эту недѣлю моютъ и чи-стятъ все въ домѣ; даже такія вещи, которыя не употреблялись въ теченіе цѣлаго года, вынимаются изъ кладовыхъ и чулановъ и при-нимаютъ праздничный видъ. Вокругъ домовъ развѣшиваютъ на ше-стахъ и веревкахъ перины, шерстяныя одѣяла, бѣлье и другую одеж-ду, для того чтобы провѣтрить все это. Матери выгоняютъ изъ до-

*) Это особенно замѣтно въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губер-ній, гдѣ живетъ много евреевъ.

мовъ дѣтей, которыя мѣшаютъ имъ работать, и ребятишки, со смѣхомъ и гамомъ, валяются на соломѣ, выброшенной съ кровати на улицу. А на улицѣ стоитъ столбомъ пыль и ярко сіяетъ весеннее солнце. Въ домахъ моютъ и скоблятъ полы и столы, бѣлятъ стѣны; на кухняхъ пекутъ опрѣсноки и разныя лакомства. Такъ какъ евреи въ недѣлю Пасхи не могутъ ѣсть хлѣба, замѣпаннаго на дрожжахъ, то эти опрѣсноки, или *мацы*, готовятъ изъ пшеничной муки и воды, не только безъ дрожжей, но даже и безъ соли. Въ этотъ великій праздникъ забота и печаль не должны никого томить, а потому богатые приглашаютъ къ себѣ бѣдныхъ; другимъ-же бѣднымъ даютъ сладкое вино и все, что нужно для празднованія праздника.

Но вотъ насталъ первый пасхальный вечеръ. Во всѣхъ еврейскихъ домахъ — миръ и тишина. На столѣ, накрытомъ чистою скатертью, ярко горятъ пять свѣчей. Мѣдные канделябры блестятъ какъ золотые. Подъ шелковою салфеткою лежатъ мацы, печенныя яйца, плоды, медъ, сладкіе и горькіе овощи, рядомъ съ ними переплетенные и непереплетенные молитвенники, въ которыхъ разсказывается исторія Пасхи — исходъ евреевъ изъ Египта. Женщины и дѣти, разодѣтыя въ лучшія платья, сидятъ молча вдоль стѣнъ. Въ другой комнатѣ мужскіе голоса читаютъ исторію исхода изъ Египта, съ особенными традиционными интонаціями голоса, свято соблюдаемыми при этомъ чтеніи. Всѣ дожидаются главы семейства, который запоздалъ въ синагогѣ.

Наконецъ онъ входитъ, и, при появленіи его, со всѣхъ сторонъ раздается привѣтъ: «*Gut Lam Tow*» (добраго праздника)! Всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ. Сѣдой старикъ, съ выразительною еврейскою физиономіею, съ черными еще блестящими глазами, въ которыхъ свѣтится радостное чувство, обходитъ вокругъ стола, тихо читая молитву. Дойдя до приготовленнаго ему сидѣнья предъ столомъ, устланнаго коврами и подушками, онъ останавливается и надѣваетъ лежащую тутъ-же бѣлую смертную рубаху. Эта смертная рубашка,

или саванъ, посреди яркаго освѣщенія, веселыхъ лицъ и всей праздничной обстановки, напоминаетъ пиры древнихъ египтянъ, когда, въ моментъ самаго разгара веселья, вносили въ пиршественную залу муміи предковъ, для напоминанія о томъ, что земное веселье и радость не вѣчны.

Надѣвъ саванъ, глава семейства садится на приготовленное для него почетное мѣсто. Одна изъ дочерей подноситъ ему тазъ и кружку съ водою и три раза обливаетъ концы его пальцевъ. Обычай этотъ сохраняется въ воспоминаніе того, что въ то время, когда еще горделиво высился іерусалимскій храмъ, іудейскіе священнослужители предъ каждымъ священнодѣйствіемъ омывали руки. Впрочемъ, каждый еврей — священнослужитель, такъ какъ онъ имѣетъ право освящать брачный союзъ, хоронить, связывать, расторгать и совершать всякое священнодѣйствіе, не принявъ священства. Надѣвъ саванъ, глава семейства наливаетъ бокаль и произноситъ благословеніе надъ виномъ. Указывая рукою и глазами на лежащія на столѣ три мацы, онъ говоритъ: «Такой хлѣбъ ѣли праотцы наши въ Египтѣ; кто голоденъ — пусть раздѣлитъ его съ нами; кто терпитъ нужду — пусть приметъ участіе въ нашей трапезѣ». Евреи произносятъ эту фразу, садясь за столъ въ первые два вечера Пасхи, и какой-бы бѣдный, неизвѣстный соотечественникъ ни зашелъ къ нимъ въ эти вечера, его принимаютъ радушно и, не спросивъ даже его имени, приглашаютъ раздѣлить трапезу.

Затѣмъ всѣ садятся за столъ, раскрываютъ молитвенники и начинается чтеніе «Гагады» (Разсказъ объ исходѣ евреевъ изъ Египта).

Первую половину Гагады прочитываютъ до ужина, вторую же по окончаніи его.

Чтеніе заканчивается радостнымъ восклицаніемъ: «Теперь мы рабы, но въ будущемъ году мы будемъ свободны!»

Въ этомъ восклицаніи выражается вся сущность еврейской религіи — непоколебимое упованіе евреевъ въ лучшую будущность, под-

держивавшее этотъ народъ въ самые тяжкіе историческіе моменты его существованія.

Въ праздникъ Новаго года евреи читаютъ молитвы, въ которыхъ просятъ Бога объ уничтоженіи на землѣ всякаго зла и о соединеніи всего человѣчества въ одно царство любви и мира. Праздникъ Умилостивленія или отпущенія грѣховъ, — одинъ изъ великихъ дней у еврейскаго народа. Празднованіе его запечатлѣно мрачно-торжественнымъ характеромъ. Мѣсяць, въ который бываетъ этотъ праздникъ, называется мѣсяцемъ покаянія, потому что въ продолженіе его евреи изнуряютъ тѣло свое постомъ и очищаютъ души молитвою. Предъ наступленіемъ великаго дня они прощаютъ всѣ грѣхи другъ другу, ходятъ на кладбища, на могилы родителей и просятъ ихъ заступничества предъ Богомъ. Въ самый день праздника, въ полуденной молитвѣ описанъ обрядъ, совершавшійся нѣкогда въ Иерусалимскомъ храмѣ. Особенно характеристично то мѣсто, гдѣ говорится о томъ моментѣ, когда все, что только носятъ *талесъ* и *теориминъ*, повергалось ницъ, съ пламенной молитвою, и появлялся первосвященникъ. По словамъ поэта, онъ походилъ на:

«На балдахинъ, возвышающійся надъ обитателями высей;
На лучи, исходящіе изъ носильщиковъ божественной колесницы;
На гіацинтовые шнуры на концахъ платья;
На радужный цвѣтъ, сквозь облака пробивающійся;
На пышную одежду, въ которую Богъ облачилъ творенье;
На розу, возросшую въ райскихъ садахъ;
На брилліантовую діядему на царскомъ челѣ» и пр.

Праздникъ Кущей евреи справляютъ съ такою же торжественностію, какъ и въ древнія времена. Въ эти дни они не могутъ ѣсть подъ кровлею, а потому строятъ на дворахъ будки, въ которыхъ крыши замѣняются навѣсами изъ ельника. Внутреннія стѣны будокъ также убираются зеленью и плодами.

Праздникъ освобожденія отъ заклятаго врага евреевъ, Амана называется также праздникомъ Эсфири, единственный изъ еврейскихъ праздниковъ, имѣющій болѣе веселый характеръ. Хозяйки пекутъ въ этому дню трехугольные пироги съ макомъ, называемые карманами Амана. Польскіе евреи устраиваютъ театральныя представленія, въ которыхъ Аманъ появляется обыкновенно на ходуляхъ, затѣмъ, чтобы всѣ могли лучше видѣть его. Пьеса импровизируется, что даетъ случай еврейскимъ острякамъ выказать въ полномъ блескѣ свое остроуміе и юморъ.

Кромѣ этихъ праздниковъ, есть еще у евреевъ одинъ не періодическій, но который можно причислить къ народнымъ. Каждый, достаточный еврей обязанъ заказать для себя свитокъ Пятикнижія для чтенія въ синагогѣ, писанный на пергаментѣ. Такой свитокъ бываетъ обыкновенно въ три четверти аршина и стоитъ отъ ста до пятидесяти рублей и дороже. Пишется онъ древнимъ еврейскимъ, квадратнымъ шрифтомъ. Переписчики исполняютъ свое дѣло добросовѣстно, потому что считаютъ его не ремесломъ, а священнымъ занятіемъ. Особенное вниманіе обращаютъ на корректуру, почему оригиналъ Св. Писанія сохранился у евреевъ десятки вѣковъ, безъ опечатокъ и измѣненій. Листы пергамента сшиваются овечьими жилами; къ обоимъ концамъ его прикрѣпляютъ палки съ ручками вверху и головками вверху, и на эти палки наворачиваютъ свитокъ съ обѣихъ сторонъ.

Когда свитокъ готовъ, переписчикъ оставляетъ въ концѣ его нѣсколько недописанныхъ строчекъ. Хозяинъ свитка приглашаетъ къ себѣ родственниковъ, друзей и знакомыхъ, и каждый, кто умѣетъ, пишетъ въ концѣ свитка одну букву; кто же не умѣетъ, за тѣхъ пишетъ переписчикъ, при чемъ всѣ присутствующіе жертвуютъ ему скольконибудь денегъ. Приглашенные на этотъ праздникъ женщины сшиваютъ листы пергамента овечьими жилами. Къ вечеру приносятъ изъ синагоги балдахинъ, подъ которымъ вѣчаютъ, надѣ-

ваютъ на свитокъ шелковый чахолъ, серебряную корону и навѣшиваютъ разныя серебряныя украшенія; женщины берутъ въ руки зажженныя свѣчи, а мужчины окружаютъ балдахинъ; служитель синагоги вызываетъ каждаго по имени. Вызванный беретъ на руки свитокъ и такимъ образомъ его относятъ съ музыкою изъ дома хозяина до синагоги, которая всегда бываетъ по этому случаю ярко освѣщена и гдѣ обыкновенно уже дожидается процессія—толпа народа. Почетнѣйшія лица вынимаютъ изъ кивота стоящіе тамъ свитки и выходятъ на встрѣчу въ новому. Хозяинъ вноситъ свитокъ въ синагогу, при чемъ канторъ и собравшійся народъ поютъ псалмы; затѣмъ хозяинъ вставляетъ свитки въ кивотъ, а канторъ произноситъ благословеніе. По окончаніи церемоніи, знакомые провожаютъ хозяина на домъ съ музыкою, и праздникъ заканчивается пиромъ.

Впрочемъ, этотъ праздникъ случается очень рѣдко, такъ какъ только богатые евреи могутъ заказывать свитки; другіе же довольствуется общественнымъ; къ тому же хозяинъ новаго свитка вносить его иногда въ синагогу безъ всякой церемоніи, такъ какъ торжественность въ этомъ случаѣ не обязательна.

Карточныхъ игръ евреи не любятъ. Обыкновенно они играютъ въ карты только въ восемь дней праздника Макавеевъ, который бываетъ около декабря. Любимое ихъ препровожденіе времени чтеніе древнихъ легендъ. Впрочемъ, они охотно играютъ въ шашки и шахматы.

Танцы у евреевъ бываютъ очень рѣдко. Женщины танцуютъ только на свадьбахъ, мужчины также въ послѣдній день праздника кущей и иногда въ праздникъ Амана.

Пѣніе евреевъ отличается грустнымъ характеромъ и похоже на церковное. Они поютъ за столомъ въ субботу и праздничные дни.

Въ каждомъ сколько нибудь значительномъ еврейскомъ обществѣ есть оркестръ, состоящій изъ скрипки, кларнета, контрабаса, иногда также прибавляютъ къ нимъ цимбалы, бубны и проч. Музы-

канты рѣдко знакомы съ правилами музыки, но при врожденномъ евреямъ музыкальномъ талантѣ исполняютъ пьесы съ самою гармоническою отчеливостью.

Они играютъ на свадьбахъ, также въ синагогѣ, при церемоніи вложенія новыхъ свитковъ, при чтеніи Пятикнижія, при зажиганіи свѣчей въ первую ночь праздника Макавеевъ и пр.

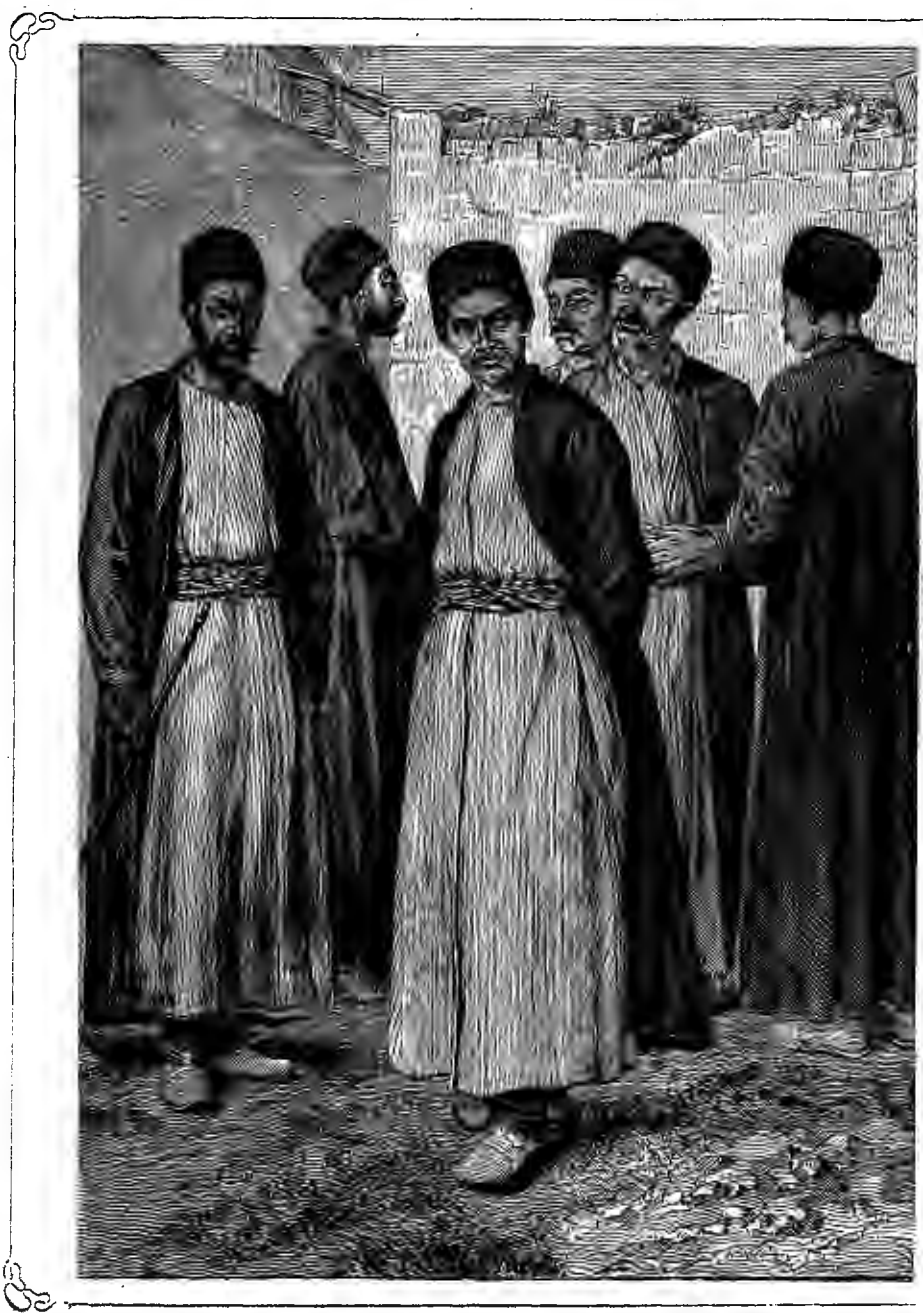
Евреи не имѣютъ раздѣленій на касты въ гражданскомъ смыслѣ, но въ духовномъ или, лучше сказать, въ синагогальномъ они дѣлятся на три разряда: *каганы*, *левиты* и *израилы*. Каганы и левиты происходятъ изъ поколѣній Левія, третьяго сына Іакова, а именно: каганы отъ Ааропа, а левиты отъ другихъ потомковъ Левія. И тѣ, и другіе пользуются въ народѣ разными преимуществами, состоящими въ почестяхъ по синагогальнымъ обрядамъ.

Израилы же всѣ стоятъ на равной степени и только превосходство умственныхъ способностей и нравственности доставляетъ имъ почетъ и уваженіе.

Въ отношеніи образованія евреи раздѣляются также на нѣсколько категорій. Къ первой степени принадлежатъ высоко-ученые (годоль), превосходно-ученые (галонъ) — т. е. первостепенные евреи, отличающіеся въ познаніи богословія и пользующіеся высокимъ нравственнымъ уваженіемъ въ своемъ частномъ быту.

Ко второй категоріи принадлежатъ просто ученые (ласидамъ), отличные (муфлектъ) и пр.

Къ третьей — книжники (іудеа сефферъ), т. е. люди, не имѣющіе положительнаго значенія въ дѣлахъ религіи, но и не совершенно чуждые его. Этотъ классъ самый многочисленный, потому что почти каждый еврей получаетъ такое воспитаніе, которое даетъ ему право пользоваться этимъ званіемъ. И наконецъ неучи (амъ-га-арецъ), простаки (гедіотъ) т. е. такіе евреи, которые хотя и умѣютъ читать, а иногда даже и писать кое-какъ, но не имѣютъ никакихъ богословскихъ знаній: они не пользуются никакимъ почетомъ у народа, если

КАРАИМЫ.

КАРАИМЫ

только не выкупают своего невѣжества порядочнымъ богатствомъ и щедрыми благодѣяніями.

Впрочемъ, наукой евреевъ очень немного. Всякій отецъ, если только онъ не положительно нищій, старается дать образованіе своему сыну. Мальчиковъ начинаютъ обучать съ пяти и даже четырехлѣтняго возраста. Состоятельные родители приглашаютъ на домъ учителя *мелаида*; дѣти же болѣе бѣдныхъ родителей посѣщаютъ еврейскія школы, называемыя *хедерами*; въ этихъ школахъ учатся обыкновенно не болѣе десяти или пятнадцати мальчиковъ. Способъ обученія совершенно своеобразный. Главный и почти исключительный предметъ обученія составляетъ Талмудъ — еврейская сокровищница всевозможной премудрости.

Еврейскій юноша въ теченіе многихъ лѣтъ корпитъ и чахнетъ надъ изученіемъ различныхъ хитросплетеній. Изъ этого выходитъ то, что молодой еврей, прошедшій весь курсъ въ еврейской школѣ хотя бы самымъ блистательнымъ образомъ — по окончаніи его, оказывается все-таки совершенно неподготовленнымъ ни къ какой дѣятельности кромѣ еврейскаго богословія, и его нельзя даже назвать образованнымъ въ европейскомъ значеніи этого слова. По выходѣ изъ школы, родители первымъ долгомъ — женятъ его, даютъ ему, смотря по своимъ средствамъ, какой нибудь капиталъ, — и молодой ученый хватается за излюбленное всѣми евреями занятіе — торговлю. Только въ такомъ случаѣ, если ему не повезетъ на этомъ поприщѣ и онъ претерпитъ полнѣйшее крушеніе въ торговыхъ дѣлахъ, пользуется онъ полученнымъ образованіемъ и поступаетъ, смотря по степени своихъ познаний, въ равнины, канторы, рѣзники, мелаиды и другія духовныя должности. Прежде еврейскія школы не были подчинены вліянію правительства и въ мелаиды поступали иногда лица, не имѣющія никакихъ свѣдѣній. Нынче же, еврейскія школы подчинены вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія и отъ

евреевъ требуютъ, чтобы они были въ состояніи выдержать экзаменъ для поступленія въ мелаиды.

Страсть евреевъ къ торговлѣ извѣстна всему свѣту; какимъ бы ремесломъ ни занимался еврей, онъ всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и торгашъ. Онъ вѣчно готовъ покупать, продавать, мѣнять и дѣлать разныя торговыя сдѣлки.

У насъ въ Россіи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ живетъ много евреевъ, они, при своей настойчивости и изворотливости, обыкновенно умѣютъ прибирать въ руки всю мѣстную торговлю и держать этимъ крестьянъ въ зависимости, иногда даже разоряютъ ихъ такъ, что становятся настоящимъ бичемъ края. Одинъ изъ главныхъ и самыхъ пагубныхъ источниковъ ихъ вліянія на крестьянъ — представляетъ ремесло шинкаря и корчмаря. Еврей-шинкарь всегда привѣтливъ и ласковъ съ крестьяниномъ, какъ говорится, мягко стелеть, — водить съ нимъ дружбу и отпускаетъ ему въ долгъ водку, отчего крестьянинъ пріобрѣтаетъ привычку къ пьянству.

Если же крестьянинъ не разоренъ, но ему нужна въ деньгахъ еврей охотно даетъ ему и денегъ въ займы, но разумѣется подъ закладъ вещей и подъ большіе проценты, что также тяжело отзывается на хозяйственномъ бытѣ крестьянина. Въ западныхъ губерніяхъ и въ Малороссіи почти всѣ шинки и корчмы содержатся евреями. Въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ они занимаются также ремесломъ факторовъ, т. е. комисіонеровъ.

Стѣснительное и жалкое положеніе евреевъ, сгущенныхъ въ городахъ и привыкшихъ легкими средствами добывать себѣ насущный кусокъ хлѣба, создало совершенно особый классъ — факторовъ. Лицо это типическое, свойственное одному только еврейскому населенію. Факторъ служитъ посредникомъ между покупателемъ и продавцомъ.

Изъ ремеселъ евреи занимаются преимущественно часовымъ мастерствомъ, золотныхъ и серебряныхъ дѣлъ, портняжнымъ ремесломъ

шапочнымъ, красильнымъ, столярнымъ, котельнымъ, кузничнымъ, ба-
совнымъ и пр.

Изъ промысловъ они въ особенности любятъ извозъ.

Во всѣхъ еврейскихъ обществахъ существовало съ давнихъ вре-
менъ управленіе, называвшееся *кагаломъ*, которое завѣдывало состав-
леніемъ народныхъ переписей, сборомъ податей, отправленіемъ про-
чихъ повинностей, составленіемъ бюджета общественныхъ расхо-
довъ, отысканіемъ источниковъ для нихъ, разборомъ распрей между
евреями посредствомъ гласнаго судопроизводства и т. п. Но въ на-
чалѣ пятидесятыхъ годовъ, вслѣдствіе злоупотребленій нѣкоторыхъ
кагалниковъ, управленіе это было уничтожено и евреи во всѣхъ
своихъ дѣлахъ подчинены мѣстнымъ управленіямъ.

Не смотря на бѣдность быта, у евреевъ очень много благотвори-
тельныхъ учрежденій. Въ каждомъ, даже немногочисленномъ еврей-
скомъ обществѣ есть непременно *братство погребателей*, суще-
ствующее на счетъ единовременныхъ или годовыхъ пожертвованій.
Въ вѣдѣніи общества состоитъ особое, собственное кладбище, гдѣ
богатые евреи покупаютъ себѣ почетныя мѣста.

Въ каждомъ обществѣ есть также братство: «*хлѣбъ бѣднымъ*»
(лехемъ эліонимъ). Доходъ этого братства состоитъ изъ постоян-
ныхъ взносовъ его членовъ и другихъ добровольныхъ пожертвованій,
какъ деньгами, такъ и хлѣбомъ. Каждую недѣлю, особенно наканунѣ
субботныхъ и праздничныхъ дней, староста братства раздаетъ бѣд-
нымъ пособие изъ этихъ пожертвованій.

Братство *Посѣщенія больныхъ* оказываетъ помощь бѣднымъ боль-
нымъ евреямъ: доставляетъ имъ врачей, отпускаетъ бесплатно ле-
карство и иногда содержитъ на свой счетъ семейство больного до
его выздоровленія. Братство *Талмудъ-Тора* заботится о воспитаніи
сиротъ и дѣтей самыхъ бѣдныхъ евреевъ и доставляетъ имъ два
раза въ годъ одежду лѣтнюю и зимнюю. Сиротъ, не способныхъ къ

книжному ученію, общество отдаетъ въ науку къ ремесленни-
камъ. Братство *Гемилусъ-Хосодимъ* выдаетъ небогатымъ евреямъ
для мелкихъ оборотовъ ссуды безъ процентовъ, подъ залогъ или подъ
поручительство болѣе состоятельныхъ соплеменниковъ. Братство
Мамбишиъ-арумимъ и *гахнасаъ-кала*, т. е. одѣваніе нагихъ и
вспомоществованіе невѣстамъ, существуютъ только въ многочислен-
ныхъ обществахъ. Первое доставляетъ одежду бѣднымъ евреямъ,
особенно зимою, второе же помогаетъ небогатымъ евреямъ при всту-
пленіи въ бракъ. Кроме того, есть разныя духовныя братства, имѣ-
ющія исключительно благочестивыя цѣли.

У евреевъ всегда существовали различныя религіозныя секты,
какъ это доказываютъ секты фарисеевъ и садукеевъ, о которыхъ
говорится въ Новомъ Заветѣ.

Самая замѣчательная изъ существующихъ нынѣ сектъ — Караи-
мы. Она возникла въ царствованіе халифа Альмансора. Поводомъ
къ ея образованію было пристрастіе одного Ренъ-Гелута *), кото-
рый отставилъ извѣстнаго между евреями Анана бенъ-Давида отъ
должности начальника школы и предпочелъ ему менѣе ученаго бра-
та его. Ананъ сталъ проповѣдывать противъ раввиновъ и отверг-
нулъ всѣ раввинскія преданія. Его обвинили за то предъ хали-
фомъ, какъ возмутителя общественнаго спокойствія, и халифъ ве-
лѣлъ заключить его въ темницу. Ананъ разсказалъ своему товари-
щу, узнику, за что его преслѣдуютъ раввины, и утверждалъ, что
вовсе не думалъ основывать новой религіи, но только хотѣлъ возста-
новить еврейскую въ ея первоначальной чистотѣ. Товарищъ посо-
вѣтывалъ ему представить дѣло на судъ халифа. Ананъ дѣйстви-
тельно просилъ аудіенціи у халифа, и тотъ вскорѣ велѣлъ освобо-
дить его. Тогда Ананъ отправился въ Палестину, гдѣ приобрѣлъ

*) Глава восточныхъ евреевъ.

много приверженцевъ, такъ что вскорѣ образовались цѣлыя общества караимовъ.

По мнѣнію новѣйшихъ ученыхъ, и въ томъ числѣ Фирковичей, караимы суть татары, принявшіе законъ Моисея.

Караимы признаютъ истиннымъ только ученіе Моисея, отвергая всѣ талмудическія постановленія и преданія и большею частію держатся буквы Св. Писанія. Такъ у нихъ считается уже грѣхомъ разрѣзывать пищу въ субботу, потому что, по буквальному смыслу *библии*, въ этотъ день запрещена всякая работа.

Прежде они даже не зажигали по субботамъ свѣчей, потому что въ второй книгѣ Моисея сказано: «не жгите во всѣхъ вашихъ жилищахъ огня въ субботу». Но уже болѣе двухсотъ лѣтъ какъ это не соблюдается, такъ какъ караимскіе ученые имѣютъ право дѣлать религіозныя измѣненія, если они не противорѣчатъ буквальному смыслу *библии*. Въ субботу караимы остаются цѣлый день на *одномъ мѣстѣ*, основываясь также на изреченіи Моисея: «да останется каждый на своемъ мѣстѣ и пусть никто не оставитъ его въ седьмый день».

Они занимаются преимущественно ремеслами, земледѣліемъ и торговлею. Отличительныя черты ихъ честность и прилежаніе. Они почти всегда готовы помочь нуждающемуся и обѣднѣвшему собрату и очень строго относятся къ своимъ собственнымъ поступкамъ. Они очень богомольны, часто постятся и охотно предпринимаютъ путешествія въ Иерусалимъ къ гробомъ ихъ предковъ. Когда мальчику-караиму исполнится семь лѣтъ, его вводятъ въ храмъ, остригаютъ ему тогда въ первый разъ волосы и даютъ выпить немного вина. Для омовенія и одѣванія покойниковъ караимы нанимаютъ людей, сами же не прикасаются къ трупу, и только тогда, когда онъ уже лежитъ въ гробу, сами относятъ его на кладбище, куда часто ходятъ молиться за умершихъ.

У караимовъ существуетъ особый родъ религіознаго посвященія.

До семи лѣтъ мальчикъ воспитывается между женщинами, — съ восьмого же года его ведутъ въ синагогу, обрѣзываютъ тамъ впервые волосы и даютъ выпить вина. Торжество это, по возвращеніи домой, заключается угощеніемъ, и мальчикъ поступаетъ съ того времени на руки мужчинамъ.

Единственный духовный глава караимской общины есть ея *гахамъ*, который совершаетъ обрѣзаніе надъ дѣтьми, вѣнчаетъ и разводитъ, разбираетъ и рѣшаетъ семейныя распри и спорныя дѣла говорить проповѣди и проч.

Вообще караимы живутъ совершенно отдѣльно отъ раввинистовъ, не вступаютъ съ ними въ бракъ и чувствуютъ къ нимъ нерасположеніе.

Караимы образовались изъ помѣси татаръ съ евреями, что дало хорошіе результаты. Съ турецкимъ спокойствіемъ и положительностью соединился еврейскій духъ торговли, что образовало честныхъ купцовъ, между тѣмъ какъ талмудисты всецѣло предавы разнаго рода спекуляціямъ и для нихъ іезуитское правило «цѣль оправдываетъ средство» служить главнымъ руководствомъ въ жизни.

Магометане имѣли вліяніе не только на догматы религіи караимовъ, но и на внѣшнюю сторону ихъ богослуженія. Синагоги ихъ по устройству и почти совершенному отсутствію утвари представляютъ близкое подобіе мечети съ тою только разницею, что небольшая часть ея у самыхъ дверей огорожена и снабжена свамейками, чего нѣтъ въ мечетяхъ. Надъ этими отдѣленіями находятся галереи, гдѣ за рѣшеткою красуются расфранченныя женщины. Остальная часть строенія совершенно какъ въ мечети пуста и устлана коврами, на которые караимы, какъ и магометане, ступаютъ не иначе, какъ босми ногами. У внутренней стороны на небольшомъ возвышеніи стоятъ поставцы съ священными книгами.

Туфли, башмаки и сапоги снимаются у дверей синагоги и ставятся на полки шкафа, отчего передняя принимаетъ видъ башмачной лав-

ки. Въ самой синагогѣ всѣ стоятъ съ книгами въ рукахъ и усердно слѣдятъ за чтеніемъ библіи, которую читаютъ молящіеся по очередно. Отъ времени до времени раввинъ обращается съ молитвами и колѣнопреклоненіемъ по направленію къ поставкѣ съ священными книгами.

Одинъ очевидецъ, присутствовавшій въ синагогѣ при богослуженіи въ день «покаянія и примиренія», что бываетъ 20 сентября, описываетъ картину моленія слѣдующимъ образомъ:

«По случаю этого большого праздника богослуженіе должно было продолжаться цѣлый день, отъ восхода до заката солнца.

«Замѣчательно, что всякій, входя въ синагогу, старается помѣститься возлѣ равнаго себѣ, отчего образуются различныя группы: въ одномъ мѣстѣ на примѣръ, вы видите одну только молодежь, въ другомъ напротивъ пожилыя и вліятельныя лица. Но чаще всего встрѣчаются группы изъ отца, окруженнаго своими, въ бархатъ и шелкъ наряженными, сыновьями. Караймы, точно также какъ и татары и турки, безпредѣльно любятъ своихъ сыновей: даже въ синагогѣ безпрестанно разговариваютъ и шутятъ съ ними».

Одѣваются караймы совершенно по татарски, за исключеніемъ чалмы, которую многіе промѣняли на европейскія шляпы. Ничто не можетъ сравниться съ великолѣпіемъ наряда караймскихъ женщинъ, когда онѣ появляются на улицахъ. Ихъ чаще всего можно видѣть въ синагогѣ, куда онѣ отправляются по субботамъ, закутавшись въ огромныя шали. Когда же привратникъ запретъ за ними двери си-

нагоги, онѣ обрасываютъ свои покрывала и вмѣстѣ съ прекрасными черными глазами заблестятъ золото и жемчугъ ихъ нарядовъ. У всѣхъ на головахъ красныя фески, вышитыя золотомъ съ изреченіями изъ корана выложенными жемчугомъ. Замужнія женщины заплетаютъ волосы въ одну косу и обвиваютъ ее кругомъ головы, а у дѣвушекъ ови висятъ въ безчисленномъ множествѣ косичекъ.

Туалеты молодыхъ женщинъ могутъ назваться простыми въ сравненіи съ нарядами замужнихъ женщинъ, которые рѣшительно поражаютъ своимъ великолѣпіемъ: верхнее длинное платье, падающее на полъ длиннымъ шлейфомъ, у нихъ обыкновенно изъ бархата, большею частью фіолетоваго цвѣта. Впереди оно открыто и позволяетъ видѣть нижнее платье, нѣсколько короткое, изъ бѣлаго или пунцоваго атласа, все вышитое золотомъ. На груди настоящей панцырь изъ разныхъ золотыхъ монетъ, а на шеѣ жемчужное ожерелье.

Караймъ Моисей Бениади, жившій около 1570 года въ Константинополѣ, изложилъ вѣрученіе караймовъ въ книгѣ, называемой Маттѣ Элотимъ. До крестовыхъ походовъ, караймы жили исключительно въ Палестинѣ, но во времена крестовыхъ походовъ начали переселяться въ разныя страны. Въ настоящее время въ Николаевѣ, Херсонѣ, Вильнѣ, Трояхъ, Поневѣжѣ и Луцкѣ живетъ до 500 караймовъ, въ Одессѣ около 410 и въ Крыму около 4000. Кромѣ того въ Галиціи около 150. Общества караймовъ живутъ также въ Константинополѣ и Іерусалимѣ.